

А. С. МУХОМЕТОВЪ.

A. M. Bey.

Генерал-Маіоръ Мухометъ Мухометовъ А. С. 2 Октяб. 1842

287

СОБРАНИЕ

ДѢТСКИХЪ ПОВѢСТЕЙ.

53. IV. 4/1

СОБРАНИЕ 799/4

СОЧИНЕНИЙ

И

ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

*Россійской Императорской Академіи Президенти
и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.*

ЧАСТЬ I.

187 г.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1818.

РГ 3361

S45

1818

v. 1

П Е Ч А Т А Н О:

По опредѣленію Императорской Россійской Академіи.

Маія 12 дня 1817 года.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ (*).

Книга сія на Россійскомъ языкѣ давно уже извѣстна подъ названіемъ *дѣтской библиотекки*. Она есть отчасти переводъ, отчасти же подражаніе изданной отъ господина Камле на Нѣмецкомъ языкѣ книги, называемой *Meine kinder-bibliothek*. Я преложихъ оную еще въ молодости моей, по прозбѣ бывшаго тогда Президента Академіи Сергѣя Герасимовича Домашнева. Потомъ отдалъ оную заступившему мѣсто его Президенту Ея Сіятельству Княгинѣ Екашеринѣ Романовнѣ Дашковой, по приказанію которой и была она напечатана. Я намѣренъ былъ надъ преложеніемъ сей полезной для дѣтей книжки трудиться далѣе, ибо на Россійскомъ языкѣ едва ли составляла она третью долю противъ Нѣмецкаго подлинника, но какъ я по службѣ моей неоднократно отлучался изъ Россіи, и припомъ главную часть жизни моей посвятилъ на сочиненія и переводы морскихъ книгъ, то сіи обстоятельства и отвлекли меня отъ упражненія въ Россійской словесности, а особливо отъ стихотворенія. Между тѣмъ вышеупомянутая книжка моя простымъ своимъ слогомъ увеселяла дѣтей и наставляла ихъ въ благонравіи; они многіе изъ ней спи-

(*) Сіе предувѣдомленіе написано было къ прежнему сей книги изданію, съ картинками.

шки наизусть читали, и родители ихъ принимали оную благосклонно, такъ что въ печеніи шестнацати или семнадцати лѣтъ была она проекрашно издана, токмо не мною; ибо о послѣднихъ двухъ изданіяхъ не имѣлъ уже ни какова свѣдѣнія. Также къ двумъ моего перевода частямъ прибавлены въ прозѣ еще двѣ части, не знаю къмъ переведенныя. Наконецъ видя, что всѣ сіи изданія не весьма исправны, и разсуждая, что таковое сочиненіе не старѣется, поелику всегда ново и полезно для возрастающихъ вновь дѣтей, вздумалось мнѣ въ первый еще разъ издать оную самому, перемѣня чужезычное названіе ея въ Русское, исправляя недостатки, и прибавя къ прежнимъ сказочкамъ многія новыя, въ стихахъ и въ прозѣ, и все сіе украся картинками, изображающими содержаніе басенокъ; ибо извѣстно уже изъ опытовъ, что картинки возбуждаютъ въ дѣтяхъ любопытство и приманиваютъ ихъ къ разсмаприванію и чтенію сочиненій насаждающихъ въ молодые умы ихъ сѣмена добродѣтелей. Такимъ образомъ издаваемая нынѣ книга сія, хотя, также какъ и прежняя, состоятъ будетъ въ двухъ частяхъ, однакожь можетъ почестъся за совершенно новую, первое по причинѣ тщательнаго изданія и присовокупленныхъ къ ней украшеній,

а второе потому, что сіи двѣ части съ прибавленіемъ новыхъ басенокъ почти вдвое больше двухъ прежнихъ частей. Я почту себя весьма щастливымъ, когда принесу чрезъ то нѣкоторую отечеству моему услугу.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

Сирая.

1. Колыбельная пѣсенка, кошорую поешъ Анюта, качая свою жуклу	1.
2. Братъ и сестра	2.
3. Пѣсенка, при спеленаніи дишаши	—
4. Двѣ собаки, Змѣйка зависпливая и Со- колка добросердечная	3.
5. Пѣсенка къ дождику	5.
6. Три златоперыя рыбки	7.
7. Прекрасныя плашья	10.
8. Пѣсенка на купанье	14.
9. Къ Машѣ, на ея голубку	16.
10. Божія любовь	17.
11. Злодѣйствующій кошъ и невинно спра- дающая Шавка	18.
12. Добросердечная Напаша	20.
13. Великодушіе осмилѣшняго ошрока	21.
14. Спрахъ въ пошемкахъ	27.
15. Ягненокъ	33.
16. Вѣрная собака	—
17. Бѣлинькой горностайко	36.
18. Набожныя дѣши	38.
19. Рѣзвая коза	40.
20. Къ маленькой дѣвушкѣ	42.
21. Благодарный Мишюша	—
22. Диша разсуждающее здраво	47.
23. Не скоро да здорово	49.
24. Диша, добрымъ наказаніемъ исправленное	—
25. Дерзкая молодая муха	56.
26. Желаніе чшобъ пришла весна	58.
27. Маленькой садовникъ	59.
28. Осель и верблюды	61.

II

	Стран.
29. Карпошные домики	62.
30. Утренняя молишва	64.
31. Разговоръ между Напаша, матери ея и сопровождаельницы Напашинной	66.
32. Аннушка и Пепруша	69.
33. Розовой куспъ	71.
34. Какъ нужно бытъ послушнымъ	73.
35. Дѣтскія забавы	74.
36. Плачевная судьба двухъ мальчиковъ	77.
37. Настюша и Николаша	80.
38. Бабочка	81.
39. Опамяшованіе	82.
40. Пепруша, который спать не могъ	83.
41. Размышленіе во время зимней спужи	84.
42. Щасливой мужикъ	85.
43. Удалися опъ зла и сошвори благо, хотя бы то было втайнѣ	86.
44. Чешыре времени года	93.
45. Пепрушинъ ошвѣшъ	96.
46. Раскаяніе	98.
47. Подарокъ тепикъ въ день ея именинъ	99.
48. Фіалка и перновой куспъ	101.
49. Рѣзвый мальчикъ, зрѣлище для дѣшей	103.
50. Дѣвушка, любившая пюльпаны	139.
51. Николашина похвала зимнимъ упѣхамъ	143.
52. Софьюшка и мать ея	145.
53. Услуги снискивающъ любовь	149.
54. Шупъ и извощикъ	151.
55. Весна	155.
56. Молодой быкъ лгунъ	154.
57. Федюша, которой хочеть бытъ Княземъ	155.
58. Худыя слѣдствія неопрашности	157.

III

Спран.

59. Можно исправишься, когда твердо того захочешь	164.
60. Колыбельная пѣсенка, кошорую поешь мать качая маленькую свою дочку	168.
61. Надлежитъ бышь довольну всѣмъ шѣмъ, что успавила природа	170.
62. Варинька и Николаша	171.
63. Кошка, мышь и мышонокъ	173.
64. Дишя и няня	174.
65. О шыквѣ и жолудѣ	178.
66. Именины	180.
67. Воздержаніе	182.
68. Федюша, кошорой спать не могъ	187.
69. Щасшливо преодоленное на злое дѣло покушеніе	188.
70. Машъ и семь дочерей	191.
71. О согласіи	195.
72. Два мальчика	199.
73. Болпушка	200.
74. Умирающее двѣнадцатилѣтнее дишя	202.
75. Преодоленное власполюбіе	203.
76. Пепрушины вечернія мысли	206.
77. Разговоръ у Вариньки съ Митюшею	207.
78. Алексашина молитва	211.
79. Примѣръ великодушнаго благодѣтельства	213.
80. Лѣшняя по ушпру пѣсенка	217.
81. Естли хочешь, чшобъ игра шебя веселила, шакъ играй умѣренно и спарай-ся бышь прилѣженъ	219.
82. Гусь и ушка	221.
83. Числосердечныя дѣши	223.
84. Весенняя пѣсенка	226.

IV

	Стран.
85. Великодушное дитя	227.
86. Худо быть непослушнымъ	228.
87. Слова бѣднаго Николки, когда онъ услышалъ о болѣзни богатаго Петруши	231.
88. Дамепъ и Дориса	232.
89. Лисица и Левъ	235.
90. Випшингпонъ	236.
91. Истинный бранъ	239.
92. Разговоръ въ саду	241.
93. Весна	—
94. Нашаша	252.
95. Дѣшскіе разговоры, полкующіе о вещахъ умствованіемъ постигаемыхъ, и служащіе пищею разуму. Разговоръ I, о томъ что такое <i>тѣло</i>	255.
96. Разговоръ II, о разности между словами <i>теловѣкъ</i> и <i>существо</i>	260.
97. Разговоръ III, о томъ что такое <i>часть</i>	266.
98. Разговоръ IV, о словѣ <i>признакъ</i>	271.
99. Разговоръ V, о словѣ <i>свойство</i>	278.
100. Разговоръ VI, о <i>сходствѣ</i> и <i>несходствѣ</i> или о <i>подобіи</i> и <i>разлітіи</i>	283.
101. Бѣдный человѣкъ и его сынъ	286.
102. Повѣсть о двухъ вѣрныхъ друзьяхъ	289.
103. Мать и дочь	294.
104. Вѣрная служанка	295.
105. Сила дѣшской любви	298.
106. Упренія Николашина пѣсенка	298.
107. Маленькой пищеловъ	302.
108. Андрюшина похвала зимѣ	306.
109. Лукаша и мать его	308.
110. Конь и слѣпень	309.

	Стран.
111. Любовь у брата съ сестрою	309.
112. Кровопусканіе, зрѣлище для дѣшей	319.
113. Собака съ кускомъ мяса	325.
114. Трое молодыхъ путешественниковъ	327.
115. Братъ и сестра	328.
116. Щастіе благодѣтельница	329.
117. Молодой осель	332.
118. Федюмино упрямее размышленіе и мо- лишва	334.
119. Великодушіе и благодарность	337.
120. Осель и лошадь	342.
121. Молодой путешественникъ	343.
122. Неперпѣливый мужикъ	344.
123. Власъ надъ самимъ собою	345.
124. У добраго господина и слуги добрые	449.
125. Голубъ и пчела	353.
126. Повѣсть о шрехъ добрыхъ мужахъ. 1 Волпемадъ, 2 Бусардъ, 3 безыменной	—
127. Науки	361.
128. Невинность	363.
129. Богъ	364.
130. Нечаянное свиданіе	366.
131. Солнце	373.
132. Пшичка и ппицеловъ	376.
133. Шершобой Андрей	377.
134. Гнѣвъ	381.
135. Ушрення пѣсня	385.
136. Самое тяжелое и самое легкое	386.
137. Езопъ	387.
138. Лучшій подарокъ	388.
139. Лисица и осель	389.
140. Къ увядшей розѣ	—

VI

	Стран.
141. Спранная благодарность	390.
142. Роса на розовомъ листкѣ	391.
143. Дѣяніе справедливости	392.
144. Пѣсня юнаго мореплавателя по уши- шеніи бури	394.
145. Смѣшной ловъ обезьянъ	395.
146. Награжденное состраданіе	398.
147. Угръ и змѣя	400.
148. Буря	401.

С О Б Р А Н І Е

ДѢТСКИХЪ ПОВѢСТЕЙ.

~~~~~

*Колыбельная пѣсенка, которую поетъ Анята,
катая свою куклу.*

На дворѣ овечка спишь,
Хорошононько лежишь,
Баю баюшки баю.
Не упрямишься она,
Но послушна и смирна,
Баю баюшки баю.
Не сердиша, не лиха,
Но сповойна и шиха,
Баю баюшки баю.
Щиплешь ходючи праву
На зеленомъ на лугу,
Баю баюшки баю.
Весела почи всегда,
И не плачешь никогда,
Баю баюшки баю.
Ласки къ ней ошмѣнной въ знакъ,
Гладишь шу овечку всякъ,
Баю баюшки баю.

Часть I.

1

Такъ и ты моя душа,
 Будь умна и хороша,
 Баю баюшки баю.
 Еспыли хочешь, чпобъ любя
 Всѣ лелѣли тебя.
 Баю баюшки баю

Б Р А Т Ъ и С Е С Т Р А.

Сестра: Мнѣ моя куколка всево на свѣ-
тѣ дороже.

Братъ: Не повѣришь какъ я свою лоша-
душку люблю.

Сестра: О ты моя дорогая куколка!

Братъ: О ты моя золотая лошадушка!

Сестра: Тебя мнѣ машушка подарила.

Братъ: Тебя мнѣ бапюшка пожаловалъ.

Оба: О любезные родители! мы васъ еще
больше любимъ, нежели подарки, копорыми
вы насъ такъ охотно увеселяете; мы васъ
больше всево любимъ.

П Ъ С Е Н К А.

При спеленаніи дитяти:

Хоть машушка тебя,

Анюта пеленаетъ;

Не плачь, она любя

Добра тебѣ желаетъ.

Пеленка хошь и жмешь,
 Какъ бышь: она полезна,
 Покой швой бережешь,
 Анюпушка любезна.
 Въ дни зрѣлой красоты
 Уже не пеленою
 Хранима будешь ты,
 Но матерней рукою.

Не сѣшуй, коль она
 Покажешся сурова;
 То такъ же пелена
 Для сердца молодова.

Д В Ъ С О Б А К И.

Змѣйка завистливая и Соколка добросердечная.

У одного господина были двѣ собачи разныхъ нравовъ.

Соколка, вѣрная и доброхошная собака, сперегла дворъ: а Змѣйка злая и завистливая, любима будучи имъ, находилась всегда при немъ въ горницѣ.

Соколка сердечно радовалась, когда господинъ ея ласкалъ Змѣйку; а Змѣйка всегда начинала ворчать, когда бѣдной ея шоварицъ осмѣливался приползашь къ ногамъ господина своего, чшобъ такъ же получишь опѣного маленькую ласку.

*

Когда бывало Змѣйкѣ дадутъ кусокъ мяса, то Соколка помахиваетъ хвостомъ, и шакъ радуется, какъ бы она сама его получила.

Естьли же попрошивъ шого Соколкѣ бросятъ кость, то Змѣйка подниметъ такой лай, какъ будто бы домъ горѣлъ: шогда добро-сердечная Соколка, чшобъ избѣжать ссоры, обыкновенно уступитъ ей недоглоданную кость и побредетъ въ свою канурку.

Господинъ, примѣшя это, спалъ не любитъ Змѣйку.

Въ одинъ день сидя за столомъ кинулъ онъ имъ обѣимъ вдругъ, Змѣйкѣ кусокъ мяса, а Соколкѣ кость.

Лишь шолько увидѣла зависшшая Змѣйка, чшо поварищъ ея шакже нѣчшо получилъ, кинула съ серцовъ свое мясо и бросилась на Соколку, чшобъ опшять у нея кость.

Та, по доброму сердцу своему, уступила ей и хотѣла ишши опять въ свою канурку.

Однако господинъ кликнулъ ее назадъ, и давъ ей кусокъ мяса, кошорой Змѣйка бросила, сказалъ:

„Ѣшь, добрая собака! справедливостъ пре-буетъ, чшобъ шы этошъ кусокъ имѣла, пошому чшо у шебя опшяли швою кость.,,

Змѣйка вышаращила глаза.

„И какъ шы, продолжалъ господинъ, добросердечна и уступчива, а ша зависшшая и нахальна; шо будь напредки у меня всегда

въ горницѣ, а она вмѣсто тебя пускай спережешь дворъ.

„Возмите, привяжите ее на цѣпь.„

Сказано, сдѣлано. Змѣйку привязали на цѣпь, а Соколка ошолась въ домѣ.

Тогда-то можно было прямо видѣть какое великое различіе между добрымъ сердцемъ и злымъ.

Какъ скоро доброхотная Соколка получала себѣ лакомой кусочикъ, то никогда одна не сѣдала его, а относилась всегда часъ въ канурку къ Змѣйкѣ, и махая хвостомъ давала ей знать, чшобъ она ѣла.

Также часъ ночью добровольно приходила она къ ней въ канурку, чшобъ сдѣлать ей товарищество, и нѣсколько ее на морозѣ посорѣшь.

Но злая и завистливая Змѣйка, вмѣсто благодарности за такія дружескія услуги, всегда на нее ворчала и огрызалась.

Чшожъ напоследокъ сдѣлалось?—Зависть и досада на Соколкино щаспіе такъ ее измучили, чшо она скоро издохла.

~~~~~

ПЪСЕНКА КЪ ДОЖДИКУ.

Вася.

Кань на землю, дождикъ, кань!

Хлѣбъ на нивахъ пропадаетъ,

Вянушъ, вянушъ всѣ цвѣтшы.

Мишюша.

Нанъ на землю, дождикъ, нанъ!
Древеса споятъ уныло,
Сохнешъ, сохнешъ зеленъ вся.

Вася.

Въ полѣ скопъ ослабѣвая
Томно на небо глядишь.

Мишюша.

Червь на справѣ исплаѣвая
Безъ движенія лежишь.

Оба.

Ахъ! не дай цвѣткамъ увянушъ,
Червячку въ справѣ исплаѣшь,
И деревьямъ всѣмъ засохнушъ.
Нанъ на землю дождикъ, нанъ!

Продолженіе:

Вася.

Вошъ и дождикъ, вошъ и онъ!
Пьютъ цвѣточки увядавши,
Пьютъ сухія сѣмена!

Мишюша.

Дождикъ льется, посмотри!
Пыль съ листочковъ оmyваетъ,
Оживляющяся древа.

Вася.

Скопъ опъ зноя ушомленный
Къ нему радостно рычишь.

Мишюша.

Червь на справкѣ изнемогшій
Насыщаешься и пьешь!

Оба

Ты сего создавшій червя,
Всяку справку, весь сей скопъ,
Всѣ древа и всѣ цвѣточки,
Будь благословенъ Трорецъ!

~~~~~

Три золотерья рыбки.

Нѣкто доброй человѣкъ имѣлъ у себя
при маленькія рыбки, пригожія собою, и
чешуйка на нихъ была будто золошая.

Онъ пустилъ ихъ въ чистой прудокъ, и
будучи до нихъ добръ, любовался смотря на
ихъ свободу.

Часто садился онъ на берегу сего пруд-
ка, и бросалъ имъ хлѣбной мякишъ въ воду:
тогда сіи прекрасныя рыбки приплывали и
ѣли эшошъ мякишъ.

Въ эшо время онъ имъ всегда говаривалъ:
„Рыбки, рыбки! берегитесь двухъ вещей,
естьли хопите жить всегда шакъ щаспливо,
какъ вы шеперь живете.

„Не ходише сквозь рѣшешку изъ эпова маленькаго въ большой смежной съ нимъ прудъ, и не плавайше поверхъ воды, когда меня здѣсь нѣтъ.„

Но рыбы словъ его не разумѣли. Тогда эповъ доброй челоуѣкъ самъ въ себѣ подумалъ: ужъ я имъ эпо какъ нибудь располкую, и спалъ подлѣ рѣшешки.

Какъ скоро кошора нибудь изъ нихъ приходила шуда и хошѣла проплыть сквозь рѣшешку, шо онъ хлопалъ по водѣ палочкою, чшобъ она испугалась и ушла назадъ.

Тоже самое дѣлалъ онъ, когда кошора нибудь изъ нихъ всплывала поверхъ воды, чшобъ она опять ушла на дно.

Теперь чаю онѣ меня поняли, думалъ онъ, и пошелъ домой.

Тогда сіи при пригоженькія рыбы сплылись вмѣстѣ и качающъ головками, и не могушъ понять, для чего эповъ доброй челоуѣкъ не хочешъ, чшобъ онѣ сквозь рѣшешку въ большой прудъ и поверхъ воды плавали.

„Самъ онъ ходишъ по верху, сказала изъ нихъ одна, для чегожъ намъ не всплывашъ иногда къ верху?

„И для чего бышъ здѣсь въ заперши? сказала другая; чшо намъ сдѣлается, ешъ-ли мы на часокъ въ большой прудъ погуляшъ выдемъ?

Конечно это злой человѣкъ, повторила первая; онъ насъ не любитъ, и не хочетъ, чѣмъ мы жили весело.

„Я на него не посмѣю, примолвила вторая, и пойду себѣ погуляю въ большомъ пруду.

„А я, сказала опять первая, всплыву между плѣтъ на верхъ и шамъ на солнышкѣ поиграю.,,

„Но прешья златоперая рыбка была благодарумѣ ихъ и такъ размышляла.

„Добройшошъ человѣкъ конечно имѣетъ какія нибудь причины намъ шо запрещашъ.

„По всему видно, чѣмъ онъ насъ любитъ.

„За чѣмъ бы ему приносишь къ намъ такъ часто хлѣбной мякишъ, и утѣшашся смѣшря какъ мы его ѣдимъ?

„Нѣшъ, онъ конечно не злой человѣкъ, и я все шо буду дѣлать, чѣмъ ему угодно, не взирая на мое незнаніе, для чего онъ это-ва хочетъ.,,

Такимъ образомъ добриньяная эта рыбка осталась на днѣ пруда, а другія пошли и исполнили чѣмъ сказали.

Одна переплыла съвозъ рѣшешку въ большой прудъ, а другая всплывъ по верхъ воды играла на солнышкѣ, и обѣ онѣ смѣлялись надъ прешьею сестрою своею, чѣмъ она къ нимъ приспашъ не хошѣла.

Но чѣмъ сдѣлалось?

Лишь только первая рыбка вышла въ большой прудъ, шо бросилась на нее щука и ее проглотила.

А другую увидѣла чайна, пустилась внизъ, схватила ее въ когти, и понесла клевать.

Осталась только шрепя благоразумная рыбка.

Добродушной хозяинъ радовался напедъ ее такъ послушною, и приносилъ ей наждое ушро самой лучшей кормъ.

Такимъ образомъ жила она всегда въ удовольствіи и достигла до глубокой старости.

ПРЕКРАСНЫЯ ПЛАТЬЯ.

Маленькая Аннушка доселѣ носила полотняное плащце и коженныя башмачки, а волосы у нея сами собою были кудрявы.

Однажды была она вмѣстѣ съ другими дѣшми, кошорыя какъ большія госпожи наряжены были, и эшо ей очень понравилось.

Башюшка сударь, сказала она возвращаясь домой, подарите мнѣ шолковое плащце и шипыя башмачки, шакъ какъ я у другихъ дѣшей видѣла, и прикажите мнѣ шакже причесать волосы.

Пожалуй изволь, сказалъ ей отецъ, ежели эшо тебѣ нравится, только, я думаю, шы эшимъ скоро наскучишь.

„Для чего, Башюшка сударь? спросила Аннушка.

Для того, сказалъ отецъ, что ты всегда должна будешь опасаться, чтобы не изодрашь и не замараешь своего прекраснаго плащя.

А оно вѣшь много денегъ будешь споншь, и не лзя его вымышъ, ежели однажды замараешся

„О я уже буду беречься!

Очень хорошо, инъ пускай шакъ, сказалъ отецъ: и велѣлъ ей все сдѣлать, что принадлежитъ къ наряду.

Какъ малюшка отъ радости прыгала, когда всѣ сіи разноцвѣтныя вещи на нее надѣли!

Послѣ обѣда назначено было итти гулять и Аннушка въ томъ числѣ.

Пришли на одинъ лугъ, гдѣ было премножесство цвѣтковь, вокругъ кошорыхъ пестрые бабочки лешали.

Мальчики и дѣвочки побѣжали всѣ шуда рвать цвѣшки и ловить бабочекъ.

Аннушкѣ хотѣлось шакже съ ними побѣгать, однакожъ ей показали, что шрава была нѣсколько мокра, и что она свое плащя замочитъ, ежели шуда побѣжитъ.

Ишакъ должно ей было оспашься одной и дожидаться, покуда другіе нарвавъ довольное число цвѣтковь возвратились назадъ.

Потомъ надобно имъ было ийти черезъ маленькіе кустыи.

Аннушка, идучи всегда оспорожно, чшобъ не зацѣпишься за шерновникъ и не изодрашь своего прекраснаго плащя, принуждена была оспаваться нѣсколько позади, между пѣмъ какъ прочіе дѣши бѣгали и прыгали по кустамъ.

Вдругъ услышали превеликой крикъ.

Прибѣжали назадъ и нашли, что Аннушка высокимъ своимъ головнымъ уборомъ зацѣпилась за низинной сучокъ и не могла никакъ освободиться.

Помогли ей въ шомъ; но какъ она волосами очень запушалась, шо въ распутываніи не прошло безъ боли, и уборъ ея весь былъ смятъ.

Недалеко отошли еще, какъ спала она жаловаться, что шнуровка ее весьма жметъ.

Она бы желала возвратиться домой, чшобъ разшнуроваться; но несправедливо было хотѣшь, чшобъ всѣ дѣши оставили для нея свои забавы.

Ишакъ не могши далѣе ийти, она принуждена была оспаться на одномъ мѣспѣ и дожидаться, покуда всѣ дѣши возвратятся назадъ.

Туть-шо ей было скучно! и она часто думала: ахъ! башюшка мой говорилъ мнѣ правду.

Спусти нѣсколько времени прибѣжали всѣ назадъ и кричали ей: поскорѣй, поскорѣй, Аннушка! дождь будетъ, большая шуча поднимается.

Такимъ образомъ бѣдняшка, не смотря нашо, что шнуровки и узкіе башмаки великую боль ей дѣлали, принуждена была бѣжать изъ всей мочи.

Но при всемъ ея стараніи не могла поспѣть за другими, которые легко были одѣты.

Всякую минушу зацѣплялась она по плащамъ, по рукавамъ, по распрепаннымъ своимъ головнымъ уборамъ.

Между тѣмъ нашла шуча и пошелъ сильный дождь въ самое то время, какъ другіе дѣти прибѣжали уже домой.

Аннушку замочило всю; она потеряла одинъ башмакъ въ грязи, и насилу могла допращиваться до дому.

Надобно ей было переодѣться, и она увидѣла, что наряды ея никому болѣе не годятся.

Сдѣлать ли себѣ завтра другое шолоковое плащиче? спросилъ у нея отецъ, видя, что она неуспѣшно плакала.

Нѣтъ, нѣтъ, башюшка сударь! ошвѣчала она.

Я вижу теперь, что дѣти худо дѣлають, когда думаютъ бытъ умнѣе отца и

машери: позволѣте мнѣ носитѣ мое прежнее
плащице и проспише мнѣ мою глупость.

ПѢСЕНКА НА КУПАНЬЕ.

Ребяша, намъ въ полѣ
Ошъ солнца сгорѣшь,
Дня жарка мнѣ болѣ
Нѣшь мочи шерпѣшь.
Мы можемъ собратъся
Въ другой разъ сюда.
Купатъся, купатъся,
Теперь череда.

Вонъ мягкой правою
Покрытъ бережокъ,
И шамъ надъ водою
Я вижу кусшокъ;
Туда раздѣватъся
Скорѣ пойдѣмъ,
Плескатъся, плескатъся
Водою начнемъ.

Кто далѣ не смѣешь,
У краишка сшой;
А кто не робѣешь,
Сступай пошъ за мной.
Не бойтешъ идите,
Здѣсь омушовъ нѣшь:

Смотрише, смотрише,
 Какъ Миша плывешъ.
 По самыя груди
 Иду въ глубину.
 Эй! добрые люди
 Прощайше: нырну!
 Какое приволье
 Купашься въ рѣкѣ!
 Раздолье, раздолье,
 Въ какомъ холодѣ!

Смотрише, Петруша
 Плывешъ на спинѣ;
 А шамъ вонъ Андрюша
 Верхомъ на бревнѣ.
 Эй брашъ! не свалися
 Съ коня своего:
 Держися, держися,
 Прилягъ на него.

Взгляните, кружками
 Здѣсь въ кучкѣ споятъ,
 И воду руками
 Полощутъ, мушаютъ:
 Какіе же визги
 У нихъ и содомъ!
 А брызги, а брызги
 Лешаютъ кругомъ!
 Ахъ! вонъ шамъ двѣ ушки
 Близъ кусшика ждущъ,

За ними малюшки
 Ихъ дѣши плавущъ :
 Равняешь съ крошкой,
 А быспро глядишь ;
 За мошкой, за мошкой,
 Смогри какъ бѣжишь.

А шамъ, гдѣ песочикъ,
 Овечки лежатъ,
 Соспавя вѣночкѣ
 Вкругъ малыхъ ягняшъ.
 И звѣрю и пшицѣ,
 По жаркимъ шоль днямъ,
 Въ водицѣ, въ водицѣ,
 Пріятно, какъ намъ.

Ну полно купаться,
 Я бѣлъ и легонъ.
 Пора одѣваться,
 Пора на лужокъ.
 На милой муравкѣ
 Хочу полежать ;
 По шравкѣ, по шравкѣ
 Хочу пробѣжать.

КЪ МАШѢ НА ЕЯ ГОЛУБКУ.

Видишь, Маша, какъ голубка
 Любишь дѣтушекъ своихъ :

Для спасенія ихъ жизни
 Не щадишь себя самой;
 Пищей ихъ своей питаешь,
 Ошдаешь изъ зоба имъ . . . .
 Мать горящая любовью
 Не похожаль на нее,
 Какъ младенца умиленно
 Держишь на своихъ рукахъ,
 И при малой самой боли
 Соспрадаешь купно съ нимъ?
 День и вечеръ весь въ заботѣ,
 Часо по ночамъ не спишь,
 И лишается покою,
 Чтوبъ дышашъ дашь покой.
 Такъ-шо за тобою, Маша,
 Ходишь машушка шволя:
 Ты любя ее сердечно
 Богу благодарна будь.

БОЖІЯ ЛЮБОВЬ.

Д и ш л.

Опъ чего эшо, бапюшка, что вы меня
 шакъ любите?

О ш е д ъ.

Богъ въ сердце мое вложилъ къ тебѣ
 любовь.

Д и ш л.

По эшому Богъ шакъ милосердъ, что
 Ч а с т ь I.

онъ меня спольно же какъ вы, или еще и больше любить.

Злодѣйствующій котъ и невинно страдающая Шавка.

Злой кошъ, по имени *Ургало*, находилъ гнусное удовольствіе въ томъ, чтобъ досаждалъ всегда простосердечной Шавкѣ.

Какъ скоро принесутъ кушанье, то вспрыгнешъ онъ на столъ, ушацитъ все, что ему попадется въ лапы, и уронивъ нарочно кусокъ подлѣ Шавки, выскочитъ въ окошко.

Служители вошедъ и увидя лежащей подлѣ Шавки кусокъ кушанья, считали ее всегда за вора и безъ всякой вины бѣдную сбѣкли.

Иногда *Ургало*, бывши съ нею одинъ въ горницѣ, сполкнетъ рюмку, или чашку, или другой какой ломкой сосудъ, и самъ убѣжитъ по обыкновенному.

Тогда Шавку снова сбѣкутъ, считая ее въ томъ виновницею.

Она съ перлвнїемъ сносила побои, помышляя сама въ себѣ: когда нибудь невинность моя оширеется.

Однажды лежала она въ сараѣ близъ куряшника.

Не подалеку отсюда поставлена была пашь на лисицу, задушившую двухъ куриць на канунъ того дня.

Къ пашши привязана была мершвая курица для приману лисицы.

Ургало, помышляя всегда о новыхъ плутовствахъ, увидѣвъ эту курицу и вздумалъ подвесити Шавку опять подъ побой.

„Я унесу эту курицу, думалъ онъ, и подброшу ее къ глупой Шавкѣ, чшобъ ей за это вздули спину.“

Такимъ образомъ крадся онъ тихо для исполненія своего намѣренія.

Но лишь дошронулъ воровскими своими лапами до курицы, какъ крышка упавъ пере-
ломила ему крестецъ.

На крикъ прибѣжали къ нему люди; но уже нашли его мершвымъ.

Изъ сего всякъ легко догадаться могъ, чшо и прежнія всѣ шалости отъ эшова кошa происходили, и чшо бѣдная Шавка невинно за него шерпѣла.

И какъ послѣ въ самомъ дѣлѣ нашлось, чшо по смерти его ничего уже подобнаго не случалось, то и наградили Шавку за всѣ прешерпѣнныя ею несправедно муки.

ДОБРОСЕРДЕЧНАЯ НАТАША.

Наташа смирная не кочешъ
 Съ Пешрушей начинашъ игру,
 И какъ о томъ онъ ни хлопочешъ,
 Не можешъ преклонить сестру:
 Въ великую его досаду
 Приводишъ шаковой опказъ,
 И хочешся ему хоть разъ
 Съ ней вмѣстѣ пробѣжашъ по саду;
 Но зря ее упорну въ томъ,
 Угрозы къ прозьбамъ приобщаешъ,
 Дубинку толстую хващашъ,
 На коей вѣдиль онъ верхомъ;
 И къ большему Наташѣ страху
 Ударилъ бѣдную съ размаху
 Грозилъ по головѣ - - - - - И ахъ!
 Что только въ шушку зашѣваешъ,
 То, будучи въ шакихъ сердцахъ,
 На самомъ дѣлѣ исполняешъ!
 Свершился жалостный ударъ:
 Наташинъ крикъ въ саду раздался:
 Пешруша смертно испугался,
 Просхлылъ потчасъ въ немъ прежній жаръ,
 И вмѣсто гнѣвнаго движенья,
 Явились слезы сожалѣнья.
 Упалъ онъ къ сестринимъ ногамъ,
 Словами нѣжными ласкаешъ,
 Цѣлуешъ шу, и плача самъ,
 Ее онъ плакашъ унимаешъ:

„Сесприца, душинька, проси!
 „Виновенъ я передъ побою;
 „Возьми дубинку и опмспи,
 „Ударь меня два раза шою.,,
 Въ слезахъ Нашаша вопієшь:
 „Ахъ нѣшь, голубчикъ брашець, нѣшь!
 „Раскаянья швово довольно.
 „Тому не лъзя ужъ пособишь,
 „А вѣдая, какъ эшо больно,
 „Я не могу шебя шакъ бишь!

ВЕЛИКОДУШІЕ ОСМИЛѢТНЯГО ОТРОКА.

Бѣдной работникъ Данила имѣлъ у себя шестерыхъ дѣшей, и шрудно было ему до-
сшавашъ для нихъ пищу.

Къ несчастію время настало худое и
хлѣбъ сдѣлался вдвое дороже прежняго.

Данила день и ночь препровождалъ въ
шрудахъ, однако не могъ сполько получаешъ
денегъ, сколько пошребно ему было для про-
кормленія сухимъ хлѣбомъ голодныхъ дѣшей.

Онъ созвалъ малюшокъ своихъ и со сле-
зами говорилъ имъ:

„Дѣшущи, хлѣбъ шакъ вздорожалъ, что
со всею моею прилѣжношью не могу я вы-
рабашывашъ сполько, сколько вамъ надобно
для насыщенія вашего.

„Посмотрите, вотъ за какой хлѣбецъ долженъ я отдавать всѣ деньги, которыя въ цѣлой день вырабѣшаю.

„Не подасадуйте, естли я впередъ по немногу вамъ удѣляшь спану.

„Эшова конечно будешь мало, и вы не можете быть сысы, но покрайней мѣрѣ ни-ишо изъ васъ не умреть съ голоду.,,

Бѣдной отецъ не могъ болѣе говорить, сморѣвъ на небо и проливалъ горькія слезы.

Дѣши его виѣспѣ съ нимъ плакали, и каждой изъ нихъ мысля: о боже нашъ! помоги намъ бѣднымъ ребятишкамъ, помоги бѣдному нашему ошцу и не дай намъ умереть съ голоду.

Помомъ отецъ, раздѣля малый хлѣбецъ на шесть равныхъ часшей, далъ каждому изъ дѣшей своихъ по часпицѣ.

Одинъ изъ нихъ по имени Мишюша, не хотѣлъ своего кусочка взять, говоря:

„Я не могу ѣсть, бапюшка; я нездоровъ. Скушайте вы мою долю, или раздѣлите ее брашцамъ.,,

Бѣдное дитя! говорилъ отецъ, обнимая его, да что тебѣ сдѣлалось?

Не знаю, сказала Мишюша, только я очень боленъ; я пойду лягу на свою солому.

Пошелъ и легъ.

Отецъ шужа о немъ побѣжалъ на другое

утро къ лѣкарю и просилъ, чѣмъ онъ сжался помочь больному его сыну.

Лѣкаръ эшомъ былъ доброй человѣкъ, шомчасъ прозбу его исполнилъ, хомя и зналъ, что ничего за шруды свои не получишь.

Онъ пришелъ къ больному ошроку, пощупалъ у него пульсъ; но не могъ ни мало дознаться о его болѣзни.

Однакомъ хошѣлъ ему нѣчто прописатьъ: „Не дѣлайше, сударь, эшова, сказала Мипюша; я ничего не приму.

Не примешь? а для чего? спросилъ лѣкаръ.

Мипюша.

Не спрашивайше у меня, я вамъ не могу эшова сказать.

Лѣкаръ.

Не можешь сказать? А! Мипюша, Мипюша! миѣ кажешся ты не доброй малой.

Мипюша.

Я право, сударь, не для худова чевэ эшо дѣлаю.

Лѣкаръ.

Хорошо, я не буду тебя принуждать; да шольно скажу эшо швоему ошцу.

Мипюша.

Ахъ! ради бога, сударь, прошу васъ, не давайте знать объ эшомъ бапюшкѣ.

Лѣкаръ.

Ты чудной малой! но мнѣ надобно непре-
мѣнно увѣдомишь своего отца, ежели ты
самъ не скажешь мнѣ, для чего не хочешь
принять лѣкарства.

Мишюша.

Ахъ Боже мой! такъ нельзя мнѣ объ этомъ
умолчать. По крайней мѣрѣ прикажите бра-
тцамъ моимъ и сестрицамъ выйти отсюда
вонъ.

Лѣкаръ велѣлъ дѣтямъ выйти, и тогда
Мишюша говорилъ ему:

„Видишь, сударь, въ это сдорожалое вре-
мя бѣдной мой отецъ не можетъ вырабо-
тывать въ сутки болѣе одного хлѣбца.

„Онъ всегда его раздѣляетъ намъ; мы по-
лучаемъ по маленькому кусочку, а самому
себѣ онъ и совсѣмъ ничего не оставляетъ.

„Мнѣ такъ было жаль видѣть бѣднаго ба-
тюшку, братьевъ и сестрицъ, претерпѣ-
вающихъ голодъ, что я хотѣлъ лучше самъ
ничего не ѣсть, дабы они могли кусочинъ
мой раздѣлять между собою.

„Вотъ для чего припворился я больнымъ
и сказалъ, что ничего ѣсть не могу.

„Но ради бога не сказывайше объ этомъ
бабюшкѣ.,,

Лѣкаръ оперши слезы свои сказалъ:
„Да развѣ тебѣ ѣсть не хочется, мой другъ?

Мишюша.

Ахъ, какъ не хочешся; я очень голоденъ, да лучше я хочу быть самъ безъ пищи, нежели видѣшь башюшку и брашцевъ голодными.

Лѣкаръ.

Но ты умерешь, ежели ничего кушать не станешь.

Мишюша.

Знаю, сударь: да я и желаю умереть: у башюшки однимъ сыномъ будешь насъ меньше, шакъ и заботы у него убавишся, а я у Бога прошу спану, чшобъ онъ ему и брашцамъ моимъ ниспослалъ хлѣбъ насущный.

Добросердечной лѣкаръ былъ внѣ себя отъ сожалѣнія и радости, слыша сего великодушнаго опрока.

Онъ обнялъ его и прижавъ къ груди сказалъ:

„Нѣтъ мой другъ, тебѣ умереть не должно; всеобщій нашъ отецъ, всемогущій, будешь пещися о тебѣ и о твоихъ.

„Благодари его, пославшаго меня къ вамъ: „я скоро возвращусь.

Сказавъ сіе побѣждалъ домой, откуда велѣлъ человѣку нести за собою различной пищи, и поспѣшалъ итти обратно къ голодной сей семьѣ.

Посадилъ ихъ всѣхъ съ Мишюшею за столъ и накормилъ до сыща.

Коля пріятно было благодѣтельному лѣкарю на сіе смошрѣшь!

Ошходя ошъ нихъ сказалъ онъ Мишюшѣ, чшобъ онъ не печалился; чшо онъ будешъ о нихъ имѣшь попеченіе.

Въ самомъ дѣлѣ добродушной лѣкаръ эшо сдѣлалъ: онъ присылалъ къ нимъ каждой день сполько пищи, чшо всѣ они могли бышь довольны.

Другіе добрые люди услышавъ о шомъ шже дѣлали.

Иной посылалъ къ нимъ пищу, другой деньги, шрешій плашья, шакъ чшо въ ко-рошкое время они больше имѣли, нежели имъ было надобно.

Напослѣдокъ самъ Государь провѣдалъ, какое великодушное намѣреніе Мишюша имѣлъ прошивъ ошца своего и брашьеъ, и былъ шѣмъ весьма доволенъ.

Онъ велѣлъ шарика Данилу къ себѣ позвашъ и сказалъ ему:

„Ты имѣешь у себя добраго сына.

„Пошому думаю я, чшо шы и самъ доб-рош ошець.

„И для шого велѣлъ я шебѣ ежегодно „давать по сту рублей.

„Дѣши швой, особливо Мишюша, будущъ „во всѣхъ полезныхъ наукахъ и художе-

„спвахъ насшавлены; и когда они что либо
 „доброе выучашъ, шо общаюсь я имѣть о
 „нихъ попеченіе.,,

Данила восхищенный радостію пошелъ
 домой, палъ на колѣни и благодарилъ Бога,
 давшего ему шоль добронравнаго сына.

СТРАХЪ ВЪ ПОТЕМНАХЪ.

Вонъ облаки идушъ!—Кашюшинька! Кашюша!
 Куда ты дѣлася?—кричалъ бѣднякъ Палауша,
 И робко вокругъ себя, луною освѣщенъ,
 Одинъ въ густомъ саду оглядывался онъ.

Малюшка ихъ сестрица,
 Пребойная изъ всѣхъ ихъ пшица,
 Умѣла обольстить его:
 „Не бойся, братецъ, ничего,

Пойдемъ въ садъ къ дядюшкѣ. (Они такъ назы-
 вали Сосѣда своего, имъ дальнюю родню)

Мы шамъ бы поиграли:

Смотри-какая ночь! не уступаешь дню:
 На чистомъ небѣ нѣтъ ниже малѣйшихъ пя-
 шенъ;

Вода какъ зеркало, и воздухъ такъ пріятенъ!

Побѣгали бы мы, повеселились шамъ:

Что дома дѣлашь намъ?

Гдѣ взяшь игрушекъ бѣднякамъ?

А дядюшка богашъ ужасно;

Въ саду его прекрасно;

Спасибо, что гуляшъ не запрещають въ немъ.
 Пойдемъ, Павлушинька, пожалуй спа пойдемъ!,,

Такою ласкою къ нему впилая въ душу,

Взманила робкаго Павлушу;

Пошелъ гуляшъ онъ съ ней.

Кашюша непужлива,

Смѣла, рѣзва, шуслива;

Послѣдуя веселости своей,

Надъ брашомъ пошумишь вдругъ вздумалось
 ей:

Межъ шѣмъ, какъ онъ на свѣтъ луны поза-
 зѣвался,

Она шихонько скокъ,

Ушла и спрясалась въ кустокъ.

Павлуша мой одинъ оспался,

Кольнуль его сердчишко спрахъ:

Всѣ вещи у него въ глазахъ

Съ большими кажущся носами;

Къ шомужь луна покрылась облаками,

И у! какъ спало вдругъ темно!

Не лзя не испугашься:

Повсюду шишъ, вездѣ черно,

Садъ густъ, листочки шевеляшся.

Павлушу ужасъ взялъ, Павлуша мой,

Не знаешь какъ уйши домой;

То ухо прощанувъ онъ слушаешь, робѣешь,

То вдругъ сестрѣ кричишь;

Но та въ кусту сидишь, молчишь;

То хочешь побѣжать—но шамо кустъ чер-
 нѣешь,

На самомъ шомъ пуши,

Куда ему ишши.

Межъ тѣмъ изъ облаковъ луна проглянешъ
паки,

Проглянешъ и опяшь за нихъ уйдешъ:

Тупъ въ страхѣ новые являющіеся призраки,

То флюгеръ на бесѣдѣ шамъ скрипнешъ,

То мышъ лешучая въ глаза пырнешъ,

То вдругъ покажешся чего и нѣшъ.

Павлуша мой спрясешся, воешь,

Въ немъ сердце ноешь.

Кашюца сжался наконецъ,

Выходишь изъ куста, хахочешъ изъ всей мочи,

И брашу говоришь! хорошь ты молодецъ!

Ашощъ ошвѣстшвуешъ: ты очень хороша!

Оставила меня средъ ашой темной ночи;

Тебѣ смѣшно, а у меня дрожишь душа.

Ахъ, брашець, ты какой! кшо ашакъ шрусимъ?

Съ дубинной споя ты

Пустой пугаешся мечшы,

Неужъ-то тѣнь тебя укусимъ?

„Ахъ, Кашинька, голубушка моя!

Вонъ шамъ—ну право я—

Я вижу—ахъ!—„что видишь ты такое?—

Не знаю что-то вонъ большое!

Сестрица, душинька, ей ей,

Тамъ что-то шевелится,

Вонъ и рога шорчашъ, и съ зади хвостъ ша-
щится!

Уйдемъ ошселя скорѣй,, —

И! брашецъ, эшо кусъ малины,
 И пѣнь качающихся лиць густыхъ;
 Пойдемъ, я покажу шебѣ причины
 Твоихъ боязней всѣхъ пусыхъ.

Туда, насильно взявъ его волочишь,
 Сама хахочишь,
 И говоришь ему: ну видишь ли шеперь,
 Что швой съ рогами звѣрь,

Кошорога шы шакъ пугался и спрашился,
 Не звѣрь, не домовой, не лѣшаго лицо,
 Одно простое деревцо?

Павлуша усшыдился,
 И долженъ былъ ей слово дать,
 Въ пошемкахъ не бояшься,
 Но бѣгаешь съ ней, смѣяешься,
 Рѣзвишься и играешь.

Условились, уговорились,
 И только лишь бѣжашъ пустилисъ,
 Какъ нѣчто шамъ въ прудѣ,
 Вдругъ хряснуло, упало,
 Заохало, забормошало,
 И плещется въ водѣ:

Съ деревъ ошшоль спадами
 Вороны поднялись, лешаешь, шумяешь крилами.

Прошелъ Павлушинъ смѣхъ;
 Кцо хочешь, шопъ имѣй ошвагу;
 Ему не до ушѣхъ,

А какъ бы дашь скорѣе плягу.
 Но Каля говоришь ему: куда?
 Чу! слышишь? нѣчто спонешъ,

Тамъ челоѡѡкъ конечно понешъ ,

Пойдемъ, пойдемъ шуда.

„Сесприца, душинька, нѣшъ право, я не смѣю:

Ну есть ли эшо волкъ, или еще медвѣдь?

Ошъ спрахъ одного мы можемъ умерешъ.,,—

Какой шы шрусъ! дай палку мнѣ свою, я съ
нею

Пойду одна.

Берешъ, и какъ спрѣла лешишъ она,

Лешишъ и робости не знаешъ :

Самъ Богъ ее сопровождаетъ

И свѣшишъ ей луна.

Не долго безъ нее Павлуша колебался,

Сжалъ сердце и домой, какъ заяцъ, убирался:

Она пришла къ пруду: глаза ея шамъ зряшъ,

Чшо чѣи-шо ноги лишъ шорчашъ,

А голова сокрыта подъ водою.

Какими средсѡвами спасашъ?

У краишка пруда находишъ мѣсто спашъ,

Хватаетъ за кусъ рукою,

Цѣпляетъ за сапогъ клюкою,

И надсѣдаяся влечетъ,

Ручьями пошъ съ нее шечетъ,

Трудишся, силишся, въ послѣдокъ успѣваетъ,

И на берегъ его щасшливо извлекаетъ.

То былъ Ниѡолушна, единородный сынъ

Ихъ дяди богача, пригожій какъ павлинъ.

Нашюша взявъ его качаетъ,

Цалуетъ, шормашишъ, зоветъ;

Онъ вскорѣ чувства получаетъ,

Глаза вскрываешь, восплаешь.
 Веселой, радостной ногою,
 Соединенно шущъ,
 Рука съ рукою,
 Нъ ошцу они идушъ.
 Съ воспоргомъ сей, обнявъ Кашюшу,
 Готовъ свою опдашь ей душу:
 Тобою, говоришь, я вижу свѣтъ,
 Смертельно безъ себя я чувствовалъ бы муку:
 Проси что хочешь ты, тебѣ ошказу нѣшъ.
 Кашюша покраснѣвъ цалуешь дядю въ руку.
 Три раза онъ велишь
 Ей смѣло объявишь, чего она жelaешь;
 Три раза Кашинька глазенки пошуплаешь,
 И наконецъ едва губами шевелишь:
 „Мой брашецъ ужъ великъ день ошъ дня спа-
 новишся,

Пора ему учишься.“ — —
 Изрядно, мы ему учишеля наймемъ;
 (А пошъ дрожа, какъ лисъ ошъ грома,
 Сидѣль на печабъ съ носомъ дома);
 Но ты забоишься о братѣ лишь своемъ,
 А дочери моей себѣ не прочишь мѣста.
 Тебя, какъ дочь свою, велю я воспиташъ;
 Когда же выросшешь и будешь ты невѣста,
 Тогда пошщусь тебѣ приданое я дашь.—
 Нѣшъ, башюшка сударь! шущъ вскрикнулъ

Николаша,
 Когда мы доживемъ до эшихъ дней,
 Кашюша будетъ наша:
 Я самъ женюсь на ней.

Я Г Н Е Н О К Ъ.

Ягненокъ былъ рѣзовъ,

Ягненка машь журила

И говорила:

Не будь, мой сынъ, шаковъ;

Когда ни ешь во время грозно

Бѣды тебѣ не миновать;

Тогда ты вспомнишь машь,

Да вспомнишь позно.

Ягненокъ былъ упрямъ,

Не вѣря симъ словамъ,

И памъ и сямъ,

По камнямъ, по кустамъ,

Онъ прыгалъ и скакалъ дошолъ,

Покуда съ горемъ и сшудомъ,

Бѣдняжка спавши хромъ

Усѣлся поневолю.

О дѣши! помните, что скорби и бѣды
Суть часто лишняго веселія плоды.

В Ъ Р Н А Я С О Б А К А.

Послушайте дѣши, даже и звѣри благодарны бывають своимъ благодѣтелямъ, по кольми паче намъ шаковыми быть надлежитъ.

Часть I.

3

Они любяшъ своихъ господъ и бываюшъ имъ преданы и вѣрны, шюкмо одинъ родъ болѣе другаго.

Изъ оныхъ собаки паче всѣхъ себя опмѣняюшъ: сіе изъ слѣдующей печальной повѣсти увидише:

Нѣкошорому купцу надлежало сѣздитъ въ одно мѣстечко, для полученія шамъ неалаго числа денегъ, кошорыми долженъ ему былъ одинъ шамошней купецъ.

Онъ поѣхалъ верьхомъ и вѣрная собака (она прозывалась Спрѣлка) по обыкновенію за нимъ бѣжала.

Получа деньги возвращался онъ съ великимъ удовольствіемъ домой.

Въ пуши опвязалась у него киса, въ кошорой былъ мѣшокъ съ деньгами, и упала на земь.

Купецъ будучи въ глубокихъ мысляхъ шого не примѣшилъ, но увидѣла это его собака.

Она попышала сперва, не подниметь ли зубами кисы, чшобъ нести ее за своимъ господиномъ; однако нашла, чшо она для нея шяжела.

Для шого погналась она опять за нимъ; и сшала бросаться на лошадь, шакъ громко и неопшшупно лая, чшо купецъ не зналъ чему шо приписатьъ.

Онъ закричалъ на нее, но бесполезно; онъ ударилъ ее плѣтью, но и плѣть не унялъ.

Вѣрная Спрѣлка продолжала выть, лаять и бросаться, словно какъ бы насильно хотѣла господина своего спазчить долой; и какъ сей опгонялъ ее плѣтью, то напала она на лошадь, и кусаньемъ и лаяньемъ хотѣла ее принудить возвращишься назадъ.

Купецъ испугался и подумалъ, что она избѣсилась: онъ любилъ Спрѣлку, и жаль было дойти до необходимости ее застрѣлить.

Долго спарался онъ подкликать ее къ себѣ и усмирить, но видя, что ни мало въ томъ не успѣваетъ, схватилъ напоследокъ пистолетъ и ошворотясь отъ нея по ней выстрѣлилъ.

Бѣдная собака упала сперва, потомъ очнувшись съ великимъ страхомъ и визгомъ поползла къ нему.

Сей не могши отъ жалости на нее смотрѣть ударилъ по лошади и усекалъ.

Ошскававъ иѣсколько не могъ онъ стерпѣть, чтобы не оглянуться и не посмотреть на бѣдную собаку, живала она еще. И какъ обернулся назадъ, то и примѣтивъ потчасъ, что не достаетъ у него его кисы.

Тутъ уже не трудно было ему догадаться для чего Спрѣлка лаяла на него такъ неопшшупно. Жестокосердой я! вскричалъ онъ, и оборотя лошадь свою поскакалъ назадъ, бо-

•

лѣе для бѣдной застрѣленной имъ собаки, не-
жели для потеряннхъ денегъ.

Онъ уже не нашелъ ее на помъ мѣстѣ ,
на которомъ застрѣлилъ ; но по кровавому
слѣду ея увидѣлъ, что она уползла далѣе: съ
великимъ сожалѣніемъ вѣхалъ онъ по сему слѣ-
ду, и наконецъ къ неописанной печали своей
нашелъ вѣрную Спрѣлку лажащую при той
кисѣ, копорую онъ потерялъ, и до копорой
она съ истощеніемъ послѣднихъ силъ сво-
ихъ едва доползши могла.

Онъ скочилъ пошчасъ съ лошади долой,
съ шѣмъ намѣреніемъ, что не можешь ли ей
еще помочь.

Но ахъ! . . умирающая собака , въ знакъ
любви своей къ нему, только смогла поли-
зашъ у него руку . . . . и издохла.

БѢЛИНЬКОЙ ГОРНОСТАЙКО.

Изъ спада многихъ горностаевъ,
Одинъ былъ бѣлинькой шакой,
Такой пригожей горностайко,
Что всѣхъ превосходилъ другихъ.
Собою очень онъ маленекъ,
Припомъ и нѣженъ былъ весьма;
А ножица на немъ шакая,
Нанъ мягкой бархашецъ была.
Однажды мать ему сказала:
Послушай дитяшко мое,

Еще ты молодъ, неискусенъ,
 Не знаешь въ свѣтѣ никово;
 Въ немъ пвари ешь весьма лихія,
 Тебѣ беречься должно ихъ.
 Намъ кошка первая злодѣйка,
 Злодѣйка также намъ Сова;
 Онѣ всегда насъ надзирають;
 Смогри, не попадися имъ!
 Но эшопъ бѣлой горноспайко,
 Щипая умненькимъ себя,
 Пожалуйте не опасайшесь,
 Съ усмѣшкой машери сказала,
 Я бѣгаю право ужъ умѣю!
 Изрядно, дорогой сынонь.
 Но чшоже вскорѣ съ нимъ случилось?
 Пошелъ онъ какъ то ввечеру
 Безъ машушки своей покушашъ,
 И прыгалъ и рѣзвился шамъ.
 А какъ опшолѣ возвращался,
 Опкуда ни взялась Сова,
 И горноспайку цапъ когшями,
 Схватила, сжала, помесла.
 Какое сдѣлалъ я безумство,
 Пищаль бѣдняжичка въ когшяхъ,
 Когда бы машушки послушалъ,
 Не умиралъ бы я шеперь!
 Но сколько онъ ни плакалъ горько,
 Не могъ слезами пособишь;
 Сова безъ жалосши клевала
 И съѣла наконецъ ево.

НАБОЖНЫЯ ДѢТИ.

Аннушка и Андрюша любили горячо своихъ родителей, и ошъ нихъ шакже горячо были любимы.

Съ нѣкошораго времени повадились оба они, какъ скоро позавпракають, бѣгать въ садъ, и не прежде, какъ по пробышій шамъ нѣсколькихъ минушъ, возвращались назадъ для начинанія своихъ упражненій.

Опець и мамъ ихъ не мало шому удивлялись.

Прежь сего обое дѣши весьма были прилѣжны, и часшо въ половинѣ завпрака уходили, чшобъ шѣмъ скорѣ поспѣшь къ шрудамъ и ученію.

А шеперь, кажется, будшо не имѣють они большой охошы ни за дѣломъ сидѣшь, ни учиться, пошому чшо всегда напередъ въ садъ бѣгають.

Сіе добрыхъ родителей ихъ весьма печалило: ибо, говорили они, ежели дѣши наши полюбятъ праздношь, шо изъ нихъ ничего добраго не выдешъ.

Опець иногда спрашивалъ ихъ: зачѣмъ вы, дѣши, шакъ рано всегда уходите? эшо бы можно было и шогда сдѣлать, шогда перешанете учиться.

Однакожь дѣши молчали и ничего не сказывали, чшо они въ саду дѣлають.

Напослѣдонъ мать вознамѣрилась ищи за ними въ слѣдъ, чѣшобъ узнать, за чѣмъ они шуда бѣгають.

На другое утро увидѣла она, что Аннушка и Андрюша побѣжали въ густую бесѣдку, кошорая на концѣ сада спояла.

Она пошла за ними.

И какъ она подошедъ шихо къ бесѣдкѣ спала къ споронѣ, опкуда сквозъ зеленую чащу могла нѣсколько видѣшь во внушренность оной, Боже мой! что почувствовало тогда машернее сердце ея, когда она дѣшей своихъ съ воздѣшными къ небу руками споящихъ колѣнопреклонно на землѣ увидѣли!

Она опъ радосши не могла опомнишься, услыша, что Аннушка повшоряла шихонько молишву, кошорую Андрюша шакимъ образомъ говорилъ:

„Господи, господи, дай нашимъ родишелямъ долгую жизнь.

„Мы ихъ очень любимъ, и хошимъ, чѣшобъ они глядя на насъ радовались, когда мы вырастемъ велики.

„Ахъ, господи! наставъ насъ бышь смиренными и добропорядочными, чѣшобъ бапюшка и машушка каждой день нами ушѣшались.

„Услышь насъ, милоспивой боже! а мы охотно спанемъ исполнять, что въ швоихъ заповѣдахъ написано.,,

Послѣ сей молишвы оба они вскочили,

поцаловались и побѣжали скоро и съ великимъ удовольствіемъ домой.

Мать ихъ радостными слезами облилася.

Она спѣшила придти къ своему супругу, и прижавъ его съ горячностію къ сердцу, рассказала ему все, что видѣла и слышала; и тогда оба они такое чувствовали удовольствіе и блаженство, какъ будто бы они были въ раю.

РЪЗВАЯ КОЗА.

Охотница была коза
 Великая рѣзвисься,
 На мѣстѣ никогда
 Козѣ не посидишся.
 Лишь выбѣжишь на дворъ,
 Скакашь и прыгаешь рада;
 Тынь, яма, ровъ, заборъ,
 Ничто ей не преграда.
 Рѣзвуху эшу мать
 Часехонько журила,
 Но не могла унять,
 Чтوبъ дочка не шалила.
 Одиножды коза
 Дорогу взявши пряму
 И выпуча глаза
 Прыгнула черезъ яму:
 Несчастливой скачокъ!

Бѣдняжка получила
 Такой себѣ толчокъ,
 Что ногу изломила.
 На крикъ ея къ ней мать
 Не медля прибѣжала,
 И такъ увѣщавашъ
 Ее въ печали спала.
 Когда бы мой совѣтъ
 Не презрѣнь былъ тобою,
 Дочушечка мой свѣтъ,
 Была бы ты съ ногою.
 А дочка говоритъ:
 Когда бы я то знала,
 Какъ ножинька болить,
 Во вѣки бъ не скакала.
 Брегись доколь бѣда
 Тебя не постигаетъ,
 Раскаянье тогда
 Уже не помогаетъ.
 Коль разъ узнавъ напасъ
 Кому случится снова
 Идти въ шакужъ паспъ,
 Просхупка омъ шакова,
 Вкусивъ того весь вредъ,
 Не сдѣлаешь впередъ.

КЪ МАЛЕНЬКОЙ ДѢВУШКѢ.

Скачи, Анюшушка, играй,
 Всегда въ забавахъ упражняйся,
 Младья лѣша провождай,
 Рѣзвись, пляши и ушѣшайся.
 Пусть радости въ груди швоей
 И всѣ веселья обихаютъ,
 Тебѣ пусть свещетъ соловей,
 Тебѣ цвѣтчики благоухаютъ.
 Гдѣ ступишь ножка лишь швоя ,
 Вездѣ шамъ пусть расшутъ цвѣточки ;
 Ты пѣсенки всегда поя
 Плещи изъ нихъ себѣ вѣночки.
 Не вѣчно будешь ты играть ;
 Съ весною дней швоихъ протыся . . . . .
 Доколѣ время естъ скакашь ,
 Скачи, малюшка, веселися !

БЛАГОДѢТЕЛЬНОЙ МИТЮША.

Старикъ Благодѣль при захожденіи солнца сидѣлъ подлѣ своей хижины.

Маленькой его сынокъ Митюша выбѣжавъ изъ лѣску ошановился вдали, и упирая себѣ глаза взглядывалъ часоно на небо.

Ощецъ вшому удивился.

Кликнулъ его къ себѣ. Митюша услышавъ голосъ своего родителя шотчасъ послушалъ

ся и прибѣжалъ къ нему, а Благодравъ съ ласкою посадилъ его къ себѣ на колѣни.

Что тебѣ сдѣлалось, моя душинька? спросилъ у него спарикъ, глядя ему въ глаза, которые отъ слезъ покраснѣли. Не ушибся ли ты?

Мит: Нѣтъ.

Благ: Да о чемъ же ты плакалъ?

Мит: Таня.

Благ: Не лѣзя такъ плакаешь; кто нибудь тебѣ досадилъ.

Мит: Не спрашивайте меня объ эшомъ, бапюшка.

Благ: Для чегожъ не спрашиваешь; развѣ у тебя есть что нибудь такое, чего ты ошцу сказаешь не хочешь?

Мит: Нѣтъ, сударь . . . . да я не отъ досады плакалъ.

Благ: Такъ по эшому отъ радости; чтожъ тебя такъ обрадовало?

Мит: Вошъ бапюшка, вы меня шеперь принуждаете вамъ сказаешь, а сами анагдась говорили, что ешьяли удастся сдѣлать какое нибудь добро, шо не надобно шѣмъ хвастаешь.

Благ: Такъ, мой другъ; однакожъ отъ меня тебѣ шайцья же хорошо, а должно мнѣ сказаешь все, что съ шобою ни случишся, дабы я могъ порадовашся,

если бы мы впрямь чтонибудь доброе сдѣлали.

Мит: Коли вы шово хопише, бапюшня, шакъ я долженъ васъ послушашься.

Чась шому назадъ, какъ пошелъ я къ брашцу на пасшво и понесъ ему ужинашъ. Идучи сквозь лѣсокъ услышалъ я, что въ кусту нѣкто ворошишся: я подошелъ шихонько, чшобъ посмошрѣшъ, кто шумъ шакъой.

Анъ это былъ бѣдненькой старичокъ; онъ сидѣлъ на землѣ опершишъ рукою на беремя дровъ, кошорое подлѣ него лежало. Лице у него было сухощаво и блѣдно, а глаза ошъ слезъ покраснѣли.

Стоя за кустомъ услышалъ я, что онъ печально самъ съ собою разговариваешъ,

„Боже мой! говорилъ онъ, умилосердишъ, надъ моею скудосшю!—бѣдная жена! бѣдныя ребятишки!—но я не могу больше, силъ моихъ нѣшъ!,,

Сказавъ сіе сунулъ онъ головою на дрова.

Я пошполъ шумъ еще немного, и какъ увидѣлъ, что онъ заснулъ, шо подкрался полегоньку и положилъ ему въ головы всю пищу, кошорую я несъ къ брашцу.

Послѣ шого побѣждалъ я къ машушиѣ, выпросилъ свою пищу и ошнесъ ее къ брашцу.

Проходя назадъ мимо шово куста, гдѣ

лежалъ спаринъ, разбудилъ я его своимъ шумомъ.

Что я вижу! вскричалъ онъ, увидя передъ собою хлѣбъ, яицы и молоко. Не ангель ли божій былъ здѣсь и захошѣлъ спасши меня и ребятишекъ моихъ, отъ смерти!

Но кто бы ты таковъ ни былъ, добродѣтельная душа! кошорой оставилъ мнѣ сію пищу, Богъ благослови, Богъ награди тебя!—Слезы при сихъ словахъ нахились у него по лицу.

Ахъ несчастный! продолжалъ онъ, какъ найду я теперь дорогу изъ лѣсу? Богъ пошлешь ко мнѣ проводника, чтобы я дѣшею своихъ насышилъ.

Говоря сіе вспалъ онъ, поднявъ ношу свою съ великимъ трудомъ, и побрелъ согнувшись и охая домой.

Я забѣжалъ нарочно впередъ и ворошилъ къ нему на встрѣчу.

Здорово, дѣдушка! сказалъ я идучи мимо его; чаю тяжело тебѣ нести такое бремя? дай мнѣ свою корзиночку съ хлѣбомъ и съ яицами и положи на плечо ко мнѣ руку, я тебя поведу.

Спаринъ съ радостнымъ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и положи ко мнѣ на плечо руку сказалъ: Богъ послалъ тебя, дитя мое, выведешь меня изъ сего лѣсу, въ кошоромъ я заблудился.

Я спросилъ у него, куда идши ему надобно, и вывелъ его изъ лѣсу.

Идучи дорогою рассказывалъ онъ мнѣ со слезами, какъ, во время сна его, Богъ нечаянно показалъ надъ нимъ свое милосердіе, и какъ онъ сожалѣлъ, что не вѣдаешь, кто шаконъ былъ его благодѣтель.

Денно и ночью, говорилъ онъ, дѣши мои будушъ за него молишъ Бога; онъ ихъ ошъ голодной смерши избавилъ.

Также и себя, дшя мое, примолвилъ онъ, станушъ они воспоминашъ всегда съ благодареніемъ, что ты помогъ мнѣ выдши изъ лѣсу и придши къ нимъ прежде, нежели они померли съ голоду.

Я довелъ его почти до самой хижины.

А шеперь представилъ я себѣ радость бѣдныхъ эшихъ ребяшишекъ; какъ чаю они прыгали, когда увидѣли, что отецъ ихъ возвращился домой и принесъ имъ нѣчто покушашъ! Размышленіе о семъ привело меня въ такую жалость, что я заплакалъ.—

Я изъ послушанія къ вамъ рассказалъ эшо, башюшка; а по бы ошъ меня ни одинъ человекъ о шомъ не услышалъ.

Тутъ онъ умолкъ, а Благодѣтель прижалъ его съ горячностію къ своей груди.

Теперь умру я спокойно, сказалъ онъ, ибо знаю: что оставляю по себѣ сына, который добродѣтеленъ будетъ и щасливъ.

~~~~~

ДИТЯ РАЗСУЖДАЮЩЕЕ ЗДРАВО.

Мы ребяпишки
 Любимъ играшь;
 Наши умишки
 Мягки какъ воскъ:
 Много надъ нами
 Можешъ примѣръ:
 Чшо ни увидимъ
 Мы у большихъ,
 Тоже за ними
 Дѣлашь хопимъ,
 Лишь соразмѣрно
 Силѣ своей.
 Вмѣсто сердишыхъ,
 Рѣзвыхъ коней,
 Мы на дубинкахъ
 Ъздимъ верхомъ;
 Дома огромны
 Сстроимъ изъ каршъ;
 Малой прудочикъ
 Море для насъ;
 Сложимъ бумашку,
 Вошъ и корабль!
 Весело правда
 Такъ намъ играшь,
 Лучше однакожъ
 Ешъли бы насъ
 То веселило,
 Польза въ чемъ ешъ;

Естѣлибѣ увидя
 Книги въ рукахъ,
 Мы ребячишки
 Сами чишашъ
 Маленьки книжки
 Спали всегда.
 Вишь какъ велики
 Вырасшемъ мы,
 Наши дубинки
 Въ печь полелѣтъ,
 Дома огромны
 Всѣ упадутъ,
 Прудъ ужъ не моремъ
 Будешъ прудомъ;
 Выбѣшо тяжелыхъ,
 Грозныхъ судовъ,
 Будушъ бумажки
 Плавать однѣ:
 Такъ все исчезнешъ,
 Все пропадешъ;
 Лишь не исчезнешъ,
 Не пропадешъ,
 Чшо мы чишали
 Въ книжкахъ своихъ.

НЕ СКОРО ДА ЗДОРОВО.

Два мальчика побѣжали къ яблоку, которое издавна увидѣли они на землѣ.

Мое оно будетъ, сказалъ Федюша, я прыгнулъ тебѣ бѣгаю; и говоря сіе уже дѣйствительно нѣсколькими шагами опередилъ своего товарища.

Но что сдѣлалось?

Какъ онъ отъ великаго спѣху не смогъ передъ собою, то споткнувшись на колошечъ, кошорой лежалъ на дорогѣ, упалъ и ушибся больно.

Ктожъ получилъ яблоко?

Не скорой, да ошорожной.

~~~~~

Д И Т Я,

добрымъ наказаніемъ исправленное.

Имѣя на спинѣ велику ношу дровъ,
Согбенъ подъ оною бѣдняга Добросердъ,
Дорогой идучи печально размышляешь:
Севодни изъ лѣсу я поздно возвращаюсь,
Позднѣ нежели во всѣ другіе дни;
Жена моя шеперь я думаю въ слезахъ,
И съ нею можешь быть Пепруша вмѣстѣ
плачешь,
Не зная моему медленію причины.
Любезное дитя! онъ весь родился въ мать.
Часть I.

И ешъли милосшъ Богъ надъ нимъ свою
 продлишъ,
 Подобно будешъ ей онъ пихъ и добронравенъ;
 Я всю мою лишъ въ немъ надежду полагаю.
 Теперь они меня я чаю оба ждушъ.
 Когда я съ ношею предъ ними появлюсь,
 Съ какою радосшью и чувсшвиємъ сердечнымъ
 Ласкашъ они меня мнѣ бросаяся на шею!
 Такъ мыслишъ Добросердъ и въ свой шалашъ
 пришелъ.

Жена его тогда рукой облокошась
 Въ слезахъ и горесши сидѣла на постѣлѣ,
 Пешруша передъ ней шущъ стоя на колѣняхъ,
 Вдыхая у нее бралъ руку цаловашъ,
 Которую она спараяся опниашъ
 Казалось ему на то не позволяла.
 Не плачьше, Добросердъ пришедши имъ въ-
 щаелъ,
 Вошъ сколько я вамъ дровъ севодня нарѣбилъ.
 Но вы не скажише мнѣ оба ничего?
 Пешруша, шы меня никакъ не обласкаешъ?
 За шрудъ не получу себѣ я поцалуя?
 Не ужъ шо наказашъ за поздной мой приходъ
 Хошише вы меня? но я невиновашъ,
 Изълѣсу выходя вошъ чшо сомной случилось:
 Лишъ только я дрова связавши поднимаю,
 Пришея шуда шарикъ; бѣдняшка чущъ до-
 брелъ,
 Изъ той деревни вонъ, чшовнизъ рѣки лежишъ.
 Здорово, шаричокъ, сказала я поклонившись,

Мнѣ кажешся ужъ ты гораздо утомился.
 Ахъ Боже мой! . . . . онъ мнѣ симъ вздохомъ
 опивчалъ ,

И больше говоришь ошъ слабости не могъ.
 Безсильному помочь что въ нуждѣ опречется,
 Тотъ въ Богѣ своего помощника лишился.
 Я сжался надъ нимъ свое беремя свергъ,
 Схватилъ скорѣйшпоръ и дровъ ему насѣкъ,
 Межъ шѣмъ онъ опдохнувъ немного укрѣпился;
 Тогда связавъ я ихъ взвалилъ къ нему на плечи:
 О какъ меня спарикъ за шо благодарилъ,
 Въдушѣ своей мой домъ споврашъ благословя!
 Пошомъ идиши домой я съ ношей шоропился,
 Но снѣгъ мнѣ помѣшалъ. . . . о чемъ же ты
 вздыхаешь ?

Не ужъ-шо я еще передъ шобой неправъ,
 Любезная жена ?

„Нещасливой ошецъ !

Какова родила тебѣ я злова сына!,,
 Петруша золь? . . . . Ахъ нѣшъ онъ такъ
 добросердечень!

Онъ нѣсколькорѣзовъ, шо съ лѣшами пройдетъ;
 Какъ вырастетъ великъ. . . . .

„Онъ будетъ люшъ какъ звѣрь!,,
 Не будетъ онъ шаковъ, я за эшо ручаюсь...
 Но ты молчишь, сынокъ, не взглянешъ и
 робѣешь ?

Конечно сдѣлалъ ты худое чтонибудь?
 „Худое самое.,,

Въ немъ есть однакожъ спыдъ,

Хопъ ашо хорошо при дѣлѣ нехорошемъ.
Чшожь сдѣлалъ онъ ?

Ябъ лучше умолчала :
Печальнымъ и себя я сдѣлаю сказавъ.,,
Я знашь хочу , скажи.

„Смотря не йдешъ ли шы
Я часто на верьху окошко открывала ;
Въ него влѣтѣла вдругъ пригоженькая пшичка,
Озябши бѣдная чущь чущь могла порхашъ ;
Тихонько подошедъ поймала я ее
И въ пазуху къ себѣ согрѣвшись посадила.
Гляжу, бѣжипъ къ мнѣ Параша со слезами ;
Она сползнула и палець у себя
Упавши занозила. Я бросилась къ ней ,
А пшичку подержашъ Пешрушѣ поручила.
Межь шѣмъ какъ я у ней занозу вынимаю
И плачущу ее спараюсь ушѣшашъ ,
Пешруша съ пшичкою укрылся въ уголокъ
И шамъ. . . . . ,,

Чшо сдѣлалъ онъ ?

„У бѣдной ешой пшички
Всѣ перья ощиपालъ.,,

Всѣ перья ощиपालъ ?

„Да !

Оставилъ у нее лишь крылышки одни.
И выбросилъ ее на спужу изъ окна.
О ешьлибъ видѣлъ шы какъ бѣдная порхала,
Какъ мучилась она и какъ она спонала !
Я вспомнишь не могу безъ жалости о томъ.
Подумай шы себѣ, какъ выросшешъ великъ ,

Какую будешь онъ имѣть злонравну душу!
 Вошь что меня крушишь. . . . Какъ ты въ
 его былъ лѣша ,

Ты не былъ сполько золь: я часто говорила:
 Пепруша мой въ опца и жалостливъ и добръ,
 Но вошь онъ спалъ наковъ, о Боже, Боже мой!,,
 Любезная жена, не плачь и успокойся ,
 Господь на небесахъ молишвы добрыхъ внем-
 лешъ ;

Когда нашъ сынъ злодѣй, Онъ будешь мило-
 сердъ ;

Возьмешь его опъ насъ.. Поди сюда, мой сынъ,
 Смогри, какъ ты опца и машь свою печа-
 лишъ !

Ты плачешь? плачь со мной. . . . Подай свою
 мнѣ руку ,

Приложь къ груди моей: ты прежь сего въ
 ней жилъ ,

Ты въ сердцѣ былъ моемъ и я себя любилъ;
 А нынѣ, нынѣ я. . . . о сынъ неблагодарный,
 И опческой любви ни мало недостойный,
 Еще себя люблю, и въ горестной душѣ,
 Котору ты крушишь, жалѣю о тебѣ !
 Пойдемъ, жена, сберемъ опипанные перья ,
 И здѣсь передъ собой на спѣнѣ ихъ повѣ-
 симъ :

Когда мы горячо любишь его начнемъ .
 На перья взглянемъ мы и скажемъ межъ собой:
 Жестокія сердца любви недостойны.

Ты чаешь, сынъ! . . . . Сиди, сиди въ моихъ
колѣняхъ. . . .

Ты чаешь, что морозъ шу пшичку къ намъ
загналъ?

Нѣтъ, Богъ ее послалъ, чтобы мы ее спасли,
Онъ шварей всѣхъ щадишь равно какъ чело-
вѣковъ,

А ты былъ такъ жестокъ! . . . ну ешьли
безъ одежды

На цѣлу ночь себя поспаваю я на снѣгъ?
Ты это заслужилъ, но былъ бы я тогда
Жестокосердъ какъ ты. . . Поди ко мнѣ, поди,
Ты весь дрожишь, не бось; не плачь и успо-
койся;

Еще любовь моя къ тебѣ не охладѣла,
Послупокъ только швой прошивень мнѣ
весьма.

Осынъ, любезный сынъ! я съ матерью швоей
При старости тобой ласкался ушѣшаться,
А ты. . . . ты гонишь насъ во гробъ! . . .
„Ахъ, ахъ простите!

„Прости мнѣ, папинька! ахъ маминька, про-
сти!

„Не буду ужъ шаковъ, не буду я впередъ.

„Все дѣлашь доброе, все доброе я спану,

„И право, право ужъ я васъ не опечалю!,,

Легко смягчаются родительски сердца:
Петруша былъ прощенъ, Петруша спалъ
хорошъ;

Непришворялся онъ родителямъ въ угодность,

Но въ самомъ дѣлѣ спалъ и шихъ и добро-
нравень.

Однажды онъ смошрѣлъ, смошрѣлъ печально
вверхъ ,

Гдѣ перышекъ пучокъ на ниточкѣ висѣлъ:

Мать видя шо пошла и лѣсницу сыскала,

„Взойди, Пешрушинька, она ему сказала,

Взойди по лѣсницѣ и перышки сними ;

Брось ихъ скорѣй въ огонь, шы скучень видя
ихъ.

Ощецъ швой на сіе конечно согласишся :

Не правдалъ Добросердъ ?,

Съ охотой позволяю.

„Брось, душинька, ихъ въ печь; пускай они
горяшъ

Прокляшыхъ въ огнѣ !,,

„Нѣшъ, машушка, нѣшъ, нѣшъ !

„Пускай они мнѣ шо всегда напоминають,

„И ешъли Богъ велишъ мнѣ выросши велику,

„И буду я когда своихъ имѣшъ дѣшей ,

„Тогда съ слезами я на перья показавъ ,

„Смошрише, имъ скажу, я нѣкогда былъ
зlobень ,

„Имѣлъ жестокой нравъ, нежалосшливу душу,

„А что исправился, за шо благодарю

„Я Бога и честныхъ родителей совѣшъ.

ДЕРЗКАЯ МОЛОДАЯ МУХА.

Эта молодая муха съ машерью своей сидѣла неподалеку отъ горшка, въ кошоромъ была горячая похлебка.

Сшарой мухѣ надлежало оплущиться, и для шого оплешая сказала она своей дочкѣ:

„Сиди на мѣстѣ, покуда я не возвращусь.

Для чего, машушка? спросила у нее ошринья дочка.

„Я опасуюсь, ошвѣчала спарушка, чшобъ ты не подлешѣла близко къ эшому кипячему колодезю. (Она чрезъ сіе разумѣла горшокъ).

Молодая.

А для чего бы не могла я къ нему близко подлешаться?

Сшарая.

Для шого, чшо ты шуда упасшь и ушопушь можешь.

Молодая.

Для чего упасшь?

Сшарая.

Причины я шебѣ сказать не могу, но повѣрь моему свѣденію: всякой разъ когда бывало случалось мухѣ лешѣшь черезъ шаной колодезь, изъ кошораго паръ идетъ, видала

я, что она шуда упадешъ и никогда уже изъ него не выдешъ.

Спарушка думала, что она довольно сказала въ предосторожность своей дочкѣ, и полешѣла.

Но дочка подергивая носикомъ сама съ собою разсуждала:

„Куда право спарухи всѣ какія хлопотуны!

„Не лзя будшо мнѣ сей невинной имѣшь забавы, чшобъ перелешѣшь черезъ эшошь парной колодезь!

„Словно какъ бы я была безкрылая, или бы не довольно имѣла у себя смысла, чшобъ, остерегашься!

„Словомъ, мапушка сударыня, что бы шы ни изволила мнѣ проповѣдывашъ о швоемъ свѣдѣнїи, однакожъ я для забавы, вкругъ эшова колодезя полешаю.

„Посмотримъ, кто меня шуда вшянешъ!

Сказавъ сіе воспрушна моя была шакова.

Но едва спала она пролешашъ поверхъ горшка, какъ исходящїй изъ него паръ опнялъ у нея всѣ чувства.

Она упала въ кипяшокъ и шолько лишь сіе сказашъ успѣла:

„Нещасливы шѣ дѣши, которые почишають себя разумнѣе старыхъ людей.

ЖЕЛАНИЕ ЧТОВЪ ПРИШЛА ВЕСНА.

Приди, любезный Май, приди,
Одѣнь листочками древа,
Вели на берегу рѣки
Фиалкамъ маленькимъ цвѣсти!

О какъ мнѣ хочется опятьъ
Фиалочку въ поляхъ узрѣшь!
О какъ мнѣ хочется шеперь
На мягкой справкѣ погуляшь!

Хоть можно множество забавъ
И въ зимнемъ времени найши:
Снѣжки по вечерамъ кашашъ,
Бросашъ комочками изъ рукъ,

Классъ разны домики изъ картъ.
Кашашься въ санкахъ, выѣзжашъ,
Въ гулячки, въ фаншы иногда
И въ жмурки также поиграшь;

Однако же когда весной
На вѣтвяхъ пшички запоюшь
И спанемъ въ полѣ прыгаешь мы;
Забавы ужъ не тѣ пойдутъ!

Анюшина печаль меня
Всего жесточѣе крушишь;
Какъ хочешь бѣдняшкѣ ей
Дождашься полевыхъ цвѣшковъ!

Игрушекъ сколько ни давай
 Не лѣзя ее развеселишь;
 Сидишь на креслицахъ своихъ,
 Какъ словно пшичка на гнѣздѣ!

Ахъ, естѣлибъ стало вдругъ шепло,
 И выросла въ лугахъ шправа!—
 Приди нашъ Маюшка драгой,
 Приди, ребяшокъ насъ ушѣшь.

Приди и принеси съ собой
 Фіалочекъ побольше къ намъ,
 Побольше также соловьевъ
 И рябинькихъ кукушечекъ!

МАЛЕНЬКОЙ САДОВНИКЪ.

Николаша часно слыхалъ отъ своего
 башюшки, что дѣши не могутъ знашь, что
 для нихъ полезно или вредно, и что для
 шого надлежитъ имъ всегда совѣшывашься
 съ шѣми, копорые ихъ шпарѣе.

Но онъ сего или не разумѣлъ хорошень-
 ко или забывалъ.

Дали имъ съ братомъ его Андрюшею
 по грядочкѣ, чтобъ каждой изъ нихъ имѣа
 свой маленькой садикъ, сѣяа въ немъ и
 сажалъ что ему угодно.

Андрюша вспомнивъ тогда слова своего

опца сказалъ садовнику: Яковушка! присовѣщуй мнѣ, что посадишь въ мой садикъ.

Яковъ далъ ему кустики, которые никакой въ себѣ пріятности не имѣли и походили на худую шраву и на хворостъ. Андрюша по его слову посадилъ ихъ на своей грядочкѣ.

А вамъ, Николай Петровичъ, сказалъ садовникъ, дашь ли шакже что нибудь въ вашъ садикъ?

Не надобна мнѣ шакая дрянъ, отвѣчалъ Николаша, и усадилъ весь свой садикъ на-рванными цвѣтами.

Яковъ далъ ему волю дѣлать что хочешь.

На другой день увидѣлъ Николаша, что всѣ его цвѣтики завяли, и посадилъ шуда другіе, которые онъ снова нарвалъ.

Однакожь и сіи скоро завяли. На послѣдокъ наскутило ему сажать всегда свѣжіе цвѣты на мѣсто завялыхъ.

И шакъ маленькой садикъ его заросъ весь шравою,

Спуская нѣсколько времени увидѣлъ онъ, что у брата его въ садикѣ на кустикахъ нѣчто краснѣется: братецъ, братецъ! закричалъ онъ, что шакое это у тебя на кустикахъ?

Тутъ прибѣжали они оба и увидѣли, что это была самая вкусная земляница.

Ахъ! сказалъ Николаша, для чего я не велѣлъ этой шравы посадишь въ моемъ садикѣ!

Потомъ спустя еще нѣскольکو времени увидѣлъ онъ у своего брата въ садикѣ на хворостахъ нѣчто подобное прежнему; а какъ они съ нимъ опрѣдали, то нашли, что это была самая сладкая малина.

Ахъ! сказала опять Николаша, для чего я также и хворостовъ этихъ не велѣлъ посадить у себя въ садикѣ!

Ѣшь! сказала ему братъ, какъ бы они свои были. Но—примолвилъ Яковъ—не презирайше, сударь, впредь совѣшова людей старыхъ и знающихъ.

О С Е Л Ъ И В Е Р Б Л Ю Д Ъ.

О с е л њ.

Здорово братъ, верблюдъ!

В е р б л ю д њ.

Я братъ тебѣ? прямой ты шушь!

О с е л њ.

А для чегожъ тебѣ я братомъ быть не смѣю:
Я снину какъ и ты навьюченну имѣю.

В е р б л ю д њ.

Пущь такъ; но можешь ли своя спина
Быть равнымъ бременемъ съ моей ошягчена?

О с е л ь

Я съ ношею швоей шушя пойду чрезъ гору!

В е р б л ю д ь

Безумецъ! но она и миѣ лишь шолько въ пору.

О с е л ь

Пожалуй перешанъ пущое лепешать;
Подай ее сюда, я съ ней могу плясать.

В е р б л ю д ь

Изрядно, господинъ осель, возмите.
'Вошъ вамъ она!

О с е л ь

Ой, ой! пропала я! помогите!

В е р б л ю д ь

Кшо за достоинствомъ гоняешься большихъ,
Тотъ чувствуй, какова при шомъ и шягосшъ
ихъ.

КАРТОШНЫЕ ДОМИКИ.

Поди брашецъ сказаь Пешрушѣ бѣло-
нурой Оединька, поди помоги миѣ мой домъ
поспроишь, а шамъ я тебѣ швой поспроишь
помогу.

Чшо миѣ нужды до швоего дому, ошвѣ-
чалъ Пешруша; я спрою свой, а шы съ
своимъ какъ хочешъ дѣлайся.

Өединька спроилъ. Но какъ они оба за однимъ споломъ сидѣли, и часто его толкали, то всегда домики ихъ рушались.

Не толкай споль! говорилъ съ досадою Пешруша.

Да какъ же мнѣ быть? отвѣчалъ Өединька: вишь я тебѣ сказывалъ, складежь сперва одинъ домикъ; вольно тебѣ было эшова не хотѣшь.

Въ спорѣ они нѣсколько разгорячились; всякой желалъ свою работу скорѣе окончить, и споль шатался еще больше.

Вдругъ Пешрушинъ почши уже гошовой домикъ обрушился и упалъ.

Онъ хотѣлъ его подхватить, и толкнулъ нечаянно споль, отъ чего и Өединькинъ домикъ также повалился.

Сесприцы ихъ сидя въ углу хохотали. Они всѣ чешверо принялись за работу на похвалу, кто изъ нихъ по признанію машушкину поставитъ лучшей домикъ. Не проспѣячки ли вы, кричали онѣ имъ; сами вы похвалу свою упустили.

Вонъ идетъ машушка: у насъ уже все сдѣлано, для того, что мы другъ другу помогали; а у васъ еще ничего нѣтъ, пошому что вы между собою были несогласны.

УТРЕННЯЯ МОЛИТВА.

Въ восторгѣ радостномъ вскричала
 Елена дочерямъ своимъ:
 Подише, дѣши, посмотрише,
 Какое ушло Богъ намъ далъ!
 Какъ солнечны лучи прекрасны!
 Помолимся Творцу небесъ.
 Тогда съ весельемъ прибѣжали
 Чешыре маленькія къ ней
 Ея всѣ дочки сиротинки,
 Которыя лишася отца,
 Безъ помощи и безъ покрова,
 Въ великой жили нищестѣ:
 Такую участь добродѣтель
 Имѣеть часто на землѣ.
 Сія любезная семейка
 Кругомъ обспала мать свою,
 Она молишву имъ чишаетъ,
 Онѣ безмолвіе храня
 Словамъ благочестивымъ внимають,
 И купно съ нею изъ очей
 Ліють богопріятны слезы.
 Молишва кончилась. Ихъ мать
 Объемлетъ каждую сердолобно
 И говоришь намъ Богъ отецъ:
 Вы помня шо смиренны будьше,—
 Приблизился полудня часъ,
 Голодны дѣшки закричали:
 Любезна маминька, пора,

Дай намъ чевѣ нибудь покушати!
 Печально възсѣаетъ она,
 Идетъ задумчиво къ поставцу
 И ищетъ пищи для дѣтей. . . .
 О Боже! пусто все! ни хлѣба,
 Ни чорствой даже корки нѣтъ!
 Смущенна, горестна, безмолвна,
 Недвижимо стоишь она
 И взоры обратишь не смѣешь;
 А сердце, сердце спраждаетъ въ ней
 И томна грудь ея препенещетъ!
 Приходишь старшая шустъ дочь,
 И слезы матерни лиются
 На бѣдное сіе дитя!

„О чемъ, ахъ маминька, ты плачешь?
 „Знаешь пищи нѣтъ у насъ. Не плачь!
 „Сама чипала ты недавно,
 „Что Богъ спасишь нашъ сказалъ:
 „Тебя въ бѣдахъ я не оставлю;
 „Отецъ небесный нашъ сказалъ!
 „Тебя я въ скорби не покину.

Съ горячношью объемлетъ мать
 Сію любезную сиротку:
 Такъ, жизнь моя, конечно такъ,
 Господь шербѣнье испышетъ,
 Онъ сирыхъ не оставишь насъ.
 Сказала такъ, и такъ то было.
 О естлибъ не былъ въ мірѣ Богъ.
 Ч а с т ь I.

Коли спрашно былобъ чловѣку
На свѣтѣ чловѣкомъ бышь!

~~~~~

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ НАТАШИ, МАТЕРИ
ЕЯ И СОПРОВОЖДАТЕЛЬНИЦЫ НАТА-
ШИНОЙ.

МАТЬ.

Куда ты деньги свои дѣвала?

НАТАША.

Я ихъ опдала, машушка.

МАТЬ.

Кому?

НАТАША.

Одному мальчику.

МАТЬ.

Развѣ онъ тебѣ какую услугу показалъ,
или ты сжалилась надъ бѣднымъ его со-
стояніемъ?

НАТАША.

Нѣтъ, сударыня.

МАТЬ.

Такъ по этому наградила его за какое
нибудь доброе дѣло?

НАТАША.

Напрошивъ , машушка ; я для шого опдала ему ихъ , чшобъ онъ впредь худова не дѣлалъ. Вишь всѣ пшички принадлежашъ Богу?

МАТЬ.

Конечно, равно какъ и всѣ прочія пшари, Имъ созданныя.

НАТАША.

Ну , шакъ эшопъ мальчикъ унесъ у Бога пшичку и миѣ ее продашь хошѣлъ. Бѣдная эша пшичка билась у него въ рукахъ и кричала, а онъ зажималъ ей носокъ, видно опасаясь, чшобъ Богъ не услышалъ и на него за шо не разгнѣвался.

МАТЬ.

Чшо же ты сдѣлала ?

НАТАША.

Я опдала эшому мальчику всѣ свои деньги , а пшичку пустила на волю. То-то чаю она шеперь радуется ! *(Прыгаетъ сама отъ радости).*

МАТЬ.

Такъ душа моя ; и шебѣ одолжена она за свою свободу.

НАТАША.

Можешь быть мальчикъ эшопъ принужденъ былъ опъ недоспащка эшо сдѣлать.

*

МАТЬ.

Можешь бышь.

НАТАША (сопроводительницѣ своей).

Такъ я и хорошо сдѣлала, что всѣ деньги ему опдала.

СОПРОВОЖДАТЕЛЬНИЦА (матери).

Мы между собою споримъ. Нашаша безъ счешу всѣ свои деньги опдала мальчику, не спросивъ что онъ за пшичку хочешь, а я говорю, что ей сего дѣлать не надлежало.

НАТАША.

Кто изъ насъ правъ машушка ?

МАТЬ.

Ты не совсѣмъ права, душа моя; ну ешьлибъ послѣ шого попался тебѣ другой мальчикъ съ такою же пшичкою, а у тебя бы денегъ уже больше не было ?

НАТАША.

Тогда бы я къ вамъ пришла, машушка.

МАТЬ.

А ешьлибъ у меня не было ?

НАТАША.

Ну—шогда—

МАТЬ.

Надобно и для шого иногда беречь, чтобы

больше можно было сдѣлать добра. Впрочемъ вошь тебѣ свои деньги назадъ.

НАТАША.

Благодарствую, машушка.

МАТЬ.

И вошь тебѣ еще поцалуй за то, что ты такъ жалосшлива.

~~~~~

АННУШКА И ПЕТРУША.

Петруша съ Аннушкой оспалися одни:
Родители пошли къ обѣдни помолишься.
Межъ тѣмъ какъ дружески бесѣдуютъ они,
Вдругъ стало на дворѣ шемненько спанови-
вишься

И шуча поднялась Послушай какъ гремишь!
Петруша Аннушкѣ со страхомъ говоритъ.
Чего боишься ты, Анюша отвѣчаетъ,
Вишь громъ по Божьему велѣнію бываетъ.
Межъ тѣмъ вдругъ молніи просперся быш-
рый блескъ,
За онымъ слѣдовалъ громовый спрашный
прескъ:

Петруша поблѣднѣлъ и говоритъ съ боязнью:
Конечно гнѣвъ Богъ и угрожаетъ казнью! (*)

(*) Въ прежнихъ изданіяхъ сіи два стиха сказаны были слѣдующимъ образомъ:

„Богъ гнѣвнѣ? Богъ? и неба и земли шворецъ?
 Какой робенокъ ты! онъ нашъ прямой отецъ.
 Мнѣ это сказывалъ сегодня мой родитель;
 Неправды вишь не скажешь онъ, ты знаешь
 самъ.

„Конечно такъ; но мнѣ мой сказывалъ
 учитель,
 Что естѣли по его не идемъ заповѣдамъ,
 То онъ, хошь какъ ни милосердъ, но гнѣвъ
 покажешь,

И всякаго за преступленіе накажешь.
 „Пусть такъ; не сдѣлавши худова ничего
 Конечно ужъ не я прогнѣвала его,
 Сегодня мапушка меня разцаловала,
 За то что заповѣдъ я ешу швердо знала:
 Чпи матеръ ты свою и своего отца,
 Да будешь благодаъ имѣши отъ Творца.—
 Лишь шолько Аннушка сіе проговорила,
 Петруша плакашь спалъ.—Что сдѣлалось
 съ тобой?

Петруша поблѣднѣлъ и говоритъ *сквозь слезы*:
 Конечно гнѣвенъ богъ и дѣлаетъ *уерозы*.
 Сочинитель написалъ ихъ въ молодости, увлеченный худыми
 примѣрами. Чрезъ упражненіе и опыты почувствовалъ онъ
 попомъ, что шаковыя рифмы (*слезы и уерозы*) не совмѣстны
 съ чистотою языка, въ которомъ естѣ слова: *слезы, слеза,*
слезливъ, но не *сліозы, сліоза, сліозливъ*. Заражашъ симъ про-
 стонароднымъ выговоромъ книги весьма нехорошо. (См. раз-
 сужденіе о семъ въ *разговорахъ о словесности*). — Къ сему
 признанію сочинитель шѣтъ больше почишаешь себя обяза-
 нымъ, что книгу его читають дѣти, которыя отъ худого
 примѣра легко могутъ получить худой навыкъ.

Кто подаритъ мнѣ деревцо въ мой садикъ? говорилъ Миша братьямъ своимъ и сестрицамъ.

Я не дамъ! я не дамъ! закричали изъ нихъ двое. Я, я шебъ дамъ, сказала добросердечная Лизанька: какое шебъ надобно?

Хорошо, сказала Лизанька, и взявъ лопатку спала его выкапывать.

Какъ? вскричалъ Миша, у тебя ихъ только два и ешь, да и то одинъ маленькой! по крайней мѣрѣ дай мнѣ вонъ эшопъ, которой поменьше.

Нѣшъ, нѣшъ, сказала Лизанька; шопъ также завянешъ; а мнѣ все равно, я и у тебя въ садикѣ могу его видѣшъ, какъ онъ разцвѣшашъ станешъ.

Миша взялъ куспикъ и былъ очень радъ.

Тогда шелъ мимо ихъ садовникъ и несъ Гишпанскую сирену.

Посадишь ли тебѣ ее на мѣсто своего розоваго куспика? спросилъ онъ у Лизаньки.

„Естьли она вамъ не надобно,,

„Нѣшъ, сказалъ садовникъ, я хотѣлъ ее бросишъ, для того что садъ и шакъ ошъ множества деревьевъ загустѣлъ. Выговоривъ сіе посадилъ сирену.

Пришелъ Май: Мишинъ куспочикъ принесъ множество прекрасныхъ розъ.

Лиза получала ошъ нихъ себѣ каждое утро по свѣжему цвѣшку на голову и на грудь.

А сирена распусшяся шакую ошъ себя дала шѣнь, что Лизанька въ сильнѣйшій полуденной зной могла подъ нею укрывашься— и даже самъ родишель ея приходилъ часто

подъ сіе дерево и въ прохладной онаго шѣни
 рассказывалъ имъ правоучительныя повѣсти.

КАКЪ НУЖНО БЫТЬ ПОСЛУШНЫМЪ.

Иванушка и брашъ его Петруша просили
 въ одинъ вечеръ у опца своего позволенія
 иди поиграшъ въ саду.

Подише, сказалъ имъ ошець, шолько ни-
 куда опшуда не уходише.

Они пошли и играли нѣсколько времени
 съ великимъ удовольствіемъ.

Напослѣдокъ Иванушка увидя, что ка-
 лишка позади сада опворена, спалъ браша
 своего звашъ шуда,

А башюшка приказывалъ, чшобъ мы ни
 куда не уходили, сказалъ ему брашъ.

О! говорилъ Иванушка, онъ приказывалъ
 шолько въ большія ворота на улицу не бѣ-
 гашъ; а сюда иди прогуляшся въ кустахъ
 можно и ничего намъ не сдѣлаешся

Пойдемъ, брашець, посмотри какъ здѣсь
 хорошо! говоря сіе вышелъ онъ за калишку
 и брашъ за нимъ.

Долго бѣгали они взадъ и впередъ по
 кустамъ, покуда не примѣшили, что уже
 шемно спало.

Тогда хощбли они ворошишся назадъ,

но не знали дороги найши : шущь начали
они жестоко плакашь и кричасть.

По щастью ошець ихъ, услышалъ крикъ,
прибѣжалъ и ихъ сыскалъ.

Видише, сказалъ онъ имъ, какво бы-
ваете съ шѣми, которые совѣшовъ разум-
ныхъ людей не слушающъ.

Я зналъ, что естѣли вы изъ саду вы-
дише, то назадъ не сыщете дороги, и для
того не велѣлъ вамъ изъ него выходить.

Теперь ужъ я не пущу васъ въ садъ
играшь, опасаясь, что вы и въ другой разъ
пожъ сдѣлаете.

ДѢТСКІЯ ЗАБАВЫ.

У насъ всѣ ушѣхи
У малыхъ дѣшей,
Игрушки и смѣхи,
И много зашѣй;
Мы бродимъ и ходимъ
Въ лѣсу по кустамъ,
Шалимъ, колобродимъ,
И рѣзвимся шамъ.

Кто сидя кропочешъ
На мѣстѣ одномъ,
Тотъ развѣ бышь хочешъ
Сѣдымъ спарикомъ?

Какъ весело въ полѣ,
Гдѣ пшички поюшъ,
Лешаюшъ по волѣ,
Пшеничку кляюшъ.

Теперь насъ ребяшокъ,
Когда сощипашъ,
Здѣсь будешъ десятокъ,
Намъ любо играшъ.
Покуда маленьки
Поскачемъ дружки,
Какъ будемъ спареньки
Повѣсимъ носки.

Эй брашцы смошрише,
Вошъ бабочка спишъ,
Тихонько ловише,
Она улешипшъ;
Вошъ, эшо вершишся
Дружокъ ея знашъ
Онъ спанешъ крушишся,
Пустише оняшъ.

Какъ громко въ долину
Поешъ соловей!
Ахъ вонъ на вершинѣ
Сидитъ онъ ей ей!
Тихонько бѣгите,
Чшобъ онъ не слешѣлъ,
И пѣсни хвалише,
Чшобъ долѣ пѣлъ.

Спустишь къ намъ пониже,
 Любезной дружокъ,
 Дай видѣшь поближе
 Себя на часокъ.
 О какъ ты любезень,
 Сударчикъ ты мой!
 Пожалуйша пѣсенъ
 Побольше намъ спой!

Куда онъ дѣвался
 Куда вдругъ пропалъ?
 Знашь онъ испугался:
 Зачѣмъ ты свисталъ?
 Ахъ вонъ онъ мелькаетъ,
 Не хочешь ужъ къ намъ. . . . .
 Пускай инъ лепашъ,
 Не шронъ ево шамъ.

Какіе цвѣточки
 Здѣсь миленьки ешъ,
 Мы спанемъ вѣночки
 Изъ нихъ себѣ плѣсшъ.
 Кто сыщешъ фіялку,
 Тотъ будь Генералъ,
 Дадимъ ему палку. . . . .
 Ахъ вошь я сыскалъ!

Ужъ солнце садится,
 Насъ гонишь домой;
 Ахъ дай порѣзвишься,
 О солнце, постой!

Пришло разсѣиваться,
 Пора ужъ и спать ;
 Чуръ завтра собирайся
 Опять здѣсь играшь.

ПЛАЧЕВНАЯ СУДЬБА ДВУХЪ МАЛЬ- ЧИКОВЪ.

Во Франціи въ Парижѣ живетъ купецъ,
 который предъ недавнимъ временемъ имѣлъ
 у себя двухъ сыновей.

Оба они родителеми своими чрезмѣрно
 были любимы ?

Ошцу ихъ, по своимъ дѣламъ, надобно
 было часто и далеко иногда ѣздить верхомъ.

Для того важивалъ онъ всегда съ собою
 пару заряженныхъ пистолешъ.

Возвращаясь домой обыкновенно вы-
 стрѣливалъ онъ ихъ, или дома разряживалъ,
 дабы оными не сдѣлалъ ншо самому себѣ
 или кому другому вреда.

Сверхъ сего дѣшамъ своимъ запрешилъ
 онъ накрѣпко, чшобъ никшо изъ нихъ ни
 пистолешовъ, ни другова какова огнестрѣль-
 наго оружія ошнюдь въ руки не бралъ , по-
 тому чшо дѣши не умѣють съ ними обхо-
 диться бережно, и легко могутъ самихъ се-
 бя или кого другаго засстрѣлить.

А главное правило предписалъ онъ имъ, чшобъ они и велики вырасти подобными оружіями никогда не шутили; ибо изъ того уже часто выходили нещасія.

Въ одно время купецъ сей возвратился изъ своего путешествія домой, и какъ надобно ему было вскорѣ опять ѣхать, то онъ на эшопъ разъ пистолетовъ своихъ не выспрѣлилъ и положилъ ихъ въ горницѣ.

Онъ ни малаго не имѣлъ подозрѣнія, чшобъ дѣши спали ихъ прогашъ, понеже онъ имъ шо накрѣпко запрешилъ.

Но что сдѣлалось? на другой день по утру, какъ ошецъ ихъ вышелъ, Николаша съ Фединькой (шакъ назывались оба сыновья.) вошедъ въ эшу горницу спали рѣзвиться.

Пистолеты лежали на столѣ.

„Спанемъ солдашами играшь, сказалъ „Николаша меньшому своему брату, взявъ „одинъ пистолетъ себѣ, а другой подавалъ ему.

„Эй братецъ! опвѣчалъ Фединька, развѣ „шы забылъ, что намъ запрещено брать въ „руки пистолеты.

„Эшо правда, сказалъ Николаша, но вишь „мы знаемъ, что они не заряжены; бапюшка „недавно говорилъ, что онъ ихъ всегда вы- „спрѣливаетъ, когда возвращается домой.

„А испоршишь мы ихъ шакже не можемъ. „Посмотри какъ уже я хорошо умѣю взво-

„дишь курокъ.„—И взвелъ курки у обоихъ
„пистолешъ.

„Башюшка чаю съ шѣмъ говорилъ, чѣмъ
„мы заряженныхъ пистолешъ не прогали.—

„Ну! спань ты шамъ и слушай, какъ я
„буду повелѣвать; когда я закричу: пали!
„по ты за это желѣзцо пошани къ себѣ.„

Такимъ образомъ спали они другъ про-
шивъ друга и Николаша повелѣвалъ:

„Слушай!—къ заряду!—прикладывай-
„ся! пали!„

Съ симъ словомъ оба вдругъ спустили
курки, и оба въ крови своей залившись упали.

На сей сугубой выстрѣлъ прибѣжала къ
нимъ смущенная мать; и какое, о Боже,
представилось ей зрѣлище!

Безчувственна упала она подлѣ своихъ
дѣтей, которые въ то время уже послѣднее
дыханіе испускали.

А когда опъ прибѣжавшихъ служителей
она приведена была паки въ память, тогда
дѣти ея были уже мертвы.

Послѣдовавшій за симъ ужасной вопль
материнъ, и безмолвное оцѣпѣніе прискор-
бнаго отца, познавшаго, возвращаясь домой
всю повѣсть изъ единого на окровавленныхъ
сыновъ своихъ воззрѣнія, не можетъ опи-
сать никакое перо.

НАСТЮША И НИКОЛАША.

Ник: Скажи, Наспийна, шакъ ли тебѣ скучно какъ мнѣ. . . . я чувствую не плачу.

Нас: О чемъ ?

Ник: Видишь мы сколько башюшка и мапушка пожаловали намъ опять подарковъ , а мы шакъ малы и слабы , что не можемъ имъ за шо ошплашишь.

Нас: Ежели мы всегда будемъ весити себя порядочно, шакъ они и довольны будутъ.

Ник: То то меня и печалишь , что мы еще не шакъ шихи и хороши, какъ бы они шого хотѣли.

Нас: Богъ намъ поможетъ сдѣлаться лучшими.

Ник: Пойдемъ же помолимся ему и попросимъ, чтообъ онъ ниспослалъ намъ свою свящую помощь.

(Спановаясь на колѣна)

Нас: Боже милосшивой! мы бы весьма хотѣли добрымъ своимъ поведениемъ ушѣшашъ нашихъ родителей.

Ник: Господи! однакожъ мы иногда дѣлаемъ худо.

Нас: Мы объ эпомъ шужимъ.

Ник: Весьма шужимъ.

Нас: Для шого просимъ тебя , Бога нашего; ты все можешь, всѣмъ помогаешь, помоги намъ весити себя порядочно и не дѣлать худа.

Ник: Помоги намъ, Боже; шы всесиленъ!

Нак: Помоги Господи!

Ник: Помоги намъ. Аминь.

БАБОЧКА.

Нѣгдѣ малая пичуга
Шестра бабочка жила
Среди зелена луга,
И прекрасная была.

У ней крылья голубыя
Въ красныхъ искрахъ всѣ блестящ
На нихъ краишки златыя
Будшо въ яхонтахъ горящ.

Всякой часъ она лепашъ
Со цвѣшочка на цвѣшокъ,
То гвоздику посѣщаешъ,
То ясиновой кущокъ.

Шепчешъ въ уши всѣмъ лешая:
Какъ уборъ прелешень мой!
Ештли пшична здѣсь шакая,
Чшобъ сравнилася со мной?

Хвасшовшва сего во время
Вдругъ на встрѣчу ей пчела,
Сладкое имѣя бремя
Въ улій медъ она несла.

Ч а с ь I.

Бабочка кричишь гордяся:
 Прочь замаранная дрянь!
 Пчелка ей на шо смѣяся
 Въ домъ мой, говоришь, заглянь,

Ешьли знашь меня желаешь,
 И суди о мнѣ попомъ. . . . .
 Ты краскою щеголяешь;
 Я искусствомъ и шрудомъ.

ОПАМЯТОВАНИЕ.

Я не хочу безъ тебя иди въ садъ, сказала Параша своему братцу, и для чего не хочешь ты мнѣ сдѣлать удовольствія, когда я тебя о томъ прошу?

Для того, что мнѣ не хочется, отвѣчалъ Николаша, и сѣлъ облокотясь въ кресло.

Параша пошла въ уголокъ и спала плакашь.

О чемъ ты плачешь? спросила у нее вошедши мать. Не досадила ли ты чѣмъ нибудь брату, нѣчто онъ сидишь не веселъ.

„Да какъ же машушка сударыня, онъ не „хотѣлъ иди со мною въ садъ!“,

Правда ли это, Николаша? спросила мать; да не сдѣлала ли она тебѣ чего?

Нѣтъ, сударыня, я передъ нею виноватъ, отвѣчалъ Николаша, и взявъ Парашу

за руку, сказала: пойдёмъ сестрица, я съ тобой пойду.

Параша отверла пошчасъ слезы и спросила у него съ ласкою: да хочелсяль шебѣ?

~~~~~

П Е Т Р У Ш А,

который спать не могъ.

Въ маленькой своей постельцѣ мамюшка, Петруша лежа плакалъ, сперва шихонько, а потомъ громче, такъ что отецъ его и мать, спавшіе подлѣ него, то слышали.

„Что шебѣ сдѣлалось, Петрушинька, спросилъ отецъ; мнѣ кажется ты плачешь?

Петр: Ахъ башюшка!

От: Чшо такое душа моя, скажи намъ.

Петр: Ахъ я боюсь, чтобъ вы эшуночь не умерли!

От: Не дай Богъ — да чшо шебѣ эшо вздумалось?

Петр: Ахъ! развѣ вы не знаете —

От: Чшо такое?

Петр: Ахъ! чшо я севодня—

От: Ну!

Петр: Былъ непорядочень.

От: Такъ чшожъ?

Петр: Вы мнѣ давичъ сказали, чшо я васъ огорчилъ. Я шеперь объ эпомъ вспомнилъ, и мнѣ подумалось: ну ежели башюшка

въ эту ночь умрешь, а я его такъ огорчилъ;
и ежели ужъ не удастся мнѣ хорошимъ по-
веденіемъ опять его ушѣвшишь—Ахъ, башнюш-
ка сударь, не умрише !

От: Развѣ бы тебѣ жаль было, есшъ-
либъ я шеперь къ общему нашему опцу
взяшъ былъ на небо ?

Вмѣсто опшѣша полились у дышяши
горячія по лицу слезы.

Тогда преисполненный жалостію опецъ,
поднявъ его съ маленькой поспельки и обла-
скавъ съ горячностію, положилъ подлѣ себя
и его машери, а пошомъ оба они поцалуями
своими осушили лице его омоченное слезами.

РАЗМЫШЛЕНІЕ,

во время зимней стужи.

Среди зимы жестокой сей,
Мнѣ любѣ, въ теплый мѣхъ одѣшу,
Подъ кровлей въ горницѣ моей,
Бышь сыту, веселу, согрѣшу,
И день препроводя въ игрѣ
На мягкомъ сладко спать одрѣ.

Но горе бѣдному, кошорый,
Насущной пищи бывъ лишень,
Одинъ на голой лавкѣ хворый

Валяется опягощенъ ,
 На спужѣ, въ нуждѣ, безъ одежды,
 Безъ помощи, и безъ надежды !

Духъ братолюбія! воспрянь,
 Спѣвши, возчувствуй чужду муку;
 И щедрую опверзъ длань ,
 Дай помощи ему шы руку:
 Кшо медлишь брашу пособишь,
 Тотъ не достоинъ щасливъ бышь.

ЩАСТЛИВОЙ МУЖИКЪ.

Пожалуйше, бояре, вы не байше
 Съ насмѣшкою о мужикахъ шакой ,
 И что по больше васъ, вы эшо знайше ,
 Живемъ довольны сами мы собой.

Въ шрудахъ безъ всякихъ прихостей жизнь
 наша ,
 Безъ зависти и безъ хлопотъ печешъ ;
 Ломль хлѣба чорнова, да щи, да каша,
 Какъ ешь у насъ, шамъ намъ и горя нѣшь.

Намъ ваши всяки лакомства несладки,
 Отъ жиру нашъ животъ не заболишь ;
 До вашихъ слизкихъ устриць мы непадки,
 Мужикъ безъ кислаго лимона сышь.

Перинъ мы мягкихъ съ скукой и заботой
 Слезами ночью, право, не кропимъ ;
 Но утомленные дневной работою
 Въ избѣ своей раскинувшись хранимъ.

Хоть хлѣбъ свой въ попѣ мы лица снѣдаемъ,
 Но по трудахъ пріятенъ намъ покой ;
 Забавны пѣсни громко воспѣваемъ ,
 Какъ съ поля веселясь идемъ домой.

УДАЛИСЯ ОТЪ ЗЛА И СОТВОРИ БЛАГО ,
 ХОТЯ БЫ ТО БЫЛО ВТАЙНѢ.

Спарикъ Чеснодумъ съ младшимъ сыномъ своимъ Тимошею пошелъ далеко въ поле гуляшъ. Тогда былъ прекрасный осенній день , но еще нѣсколько жарокъ.

Башюшка, сказалъ Тимоша, идучи мимо одного сада , кошорой споялъ среди поля, мнѣ очень пить хочется !

И мнѣ шакже , душа моя, опивѣчалъ ошець , да надобно поперпѣшь покудова придемъ домой.

Тимоша.

Вонъ стоить груша и на ней висятъ множесшво грушѣ.

Чеснодумъ.

Вижу, да она въ саду.

Тимоша.

Тынъ не высокъ, можно перелѣзть.

Чеснодумъ.

А чпо́ бы намъ сказа́лъ топъ, чей это садъ, ешлы бы онъ здѣсь былъ?

Тимоша.

О! его здѣсь нѣшу; да и никово нѣтъ, кшо бы ему пересказа́ть могъ.

Чеснодумъ.

Ты ошибаешься мой другъ; ешь нѣкшо, который шочно это увидишь и долженъ будешъ наказа́ть насъ за худыя наши дѣла.

Тимоша.

И! да кшо это пакой?

Чеснодумъ.

Топъ, кошорой вездѣ присутственъ, всегда насъ видишь, всегда знаешь, чпо мы дѣлаемъ — Богъ!

Тимоша.

Ахъ! да! я объ этомъ не подумалъ.

Въ самое сіе время вспалъ человекъ, кошорой до шого лежалъ за шыномъ въ шравѣ. Это былъ самъ хозяинъ сада, и онъ сказа́лъ Тимошѣ:

„Благодари Бога, дшя, чпо благоче-

спивой отецъ швой не допустилъ тебя идши въ чужой садъ за овощами.

Знай, что у меня подъ эшою грушею поставленъ для воровъ клепецъ, въ кошорой бы ты конечно попался и цѣлой вѣкъ свой былъ безъ ноги.

Но что напоминаніе отца твоего о невидимомъ Богѣ тебя устращило, и что опспалъ ты опъ несправедливаго своего желанія, за шо пойду и принесу я тебѣ лучшихъ плодовъ съ дерева.,,

Сказавъ сіе пошелъ онъ, попрясъ дерево, и принесъ Тимошѣ цѣлую шляпу хорошихъ грушъ.

Чеснодумъ хотѣлъ ему заплашить за нихъ деньги, но онъ не бралъ.

Для чего? спросилъ Чеснодумъ.

Для того, отвѣчалъ хозяинъ сада, что помужъ самому Богу, кошорому не угодно, чтобы мы дѣлали злое, благоугодно, чтобы мы дѣлали доброе и помогали ближнему своему всѣмъ, чѣмъ только можемъ.

Чеснодумъ пожалъ у него дружески руку, поблагодарилъ его, и пошелъ съ Тимошею далѣе.

Т и м о ш а.

Какой эшо доброй человѣкъ?

Ч е с н о д у м ъ.

Доброй конечно, да и всѣ шѣ шаковы,

которыя съ примѣчаніемъ смотря на ежедневныя свои приключенія изъ оныхъ научающся знать, что правосудный Богъ не оставляешь ничего добраго безъ награжденія и ничего худаго безъ наказанія.

Тимоша.

Не ужъ по бы Богъ наказалъ насъ, есшь ли бы мы спали рванья груши?

Чеснодумъ.

Развѣ ты не слыхалъ, чтобы съ нами случилось.

Тимоша.

Давишь не Богъ поставилъ шуда клепецъ.

Чеснодумъ.

Не онъ самъ, да безъ его воли и вѣденія ничто не можешь сдѣлаться.

Господь управляетъ всѣми дѣлами на свѣтѣ, и онъ такъ устроитъ ихъ, чтобы они доброму человѣку служили къ награжденію, а худому къ наказанію. Послушай, я расскажу тебѣ одну быль, копорая случилась на моей памяти.

Я былъ такъ малъ еще, какъ ты, и жилъ въ домѣ у своего отца, а швоего дѣдушки. Подлѣ насъ жили два сосѣда, одинъ по правую, а другой по лѣвую сторону; одинъ прозывался Кузнецовъ, а другой Мѣльниковъ.

У Кузнецова былъ сынъ по имени Трофимъ, а у Мбальникова также сынъ по имени Сидоръ.

Позади нашего дому и домовъ нашихъ сосѣдей находились небольшіе садики, копорые одинъ отъ другаго отдѣлены были изгородюю.

Кузнецова сынъ Трофимъ имѣлъ весьма дурную повадку бросать всегда каменьями, не остерегаясь, чтобы не ушибить когонибудь.

Часто дѣлывалъ онъ это бывъ у отца своего въ саду, и бросалъ каменьями то къ намъ въ садъ, то къ сосѣду нашему, такъ что отъ его бросанья не было намъ почти проходу.

Отецъ его примѣшивъ это однажды и запрещивъ ему то дѣлать накрѣпко.

Но по несчастію этошъ ребенокъ или не вслушивался или забывалъ, что худова дѣлать не надобно, хотя бы никого при томъ свидѣтелемъ не было; ему или не сказывали, или онъ не хотѣлъ шого поминишь, что Богъ вездѣ присущствуетъ и видишь все, что мы ни дѣлаемъ.

Однажды былъ онъ въ саду одинъ, и захохоталось ему опять пошвыряшь каменьями: и какъ онъ зналъ, что отца его нѣтъ дома, то и думалъ, что ему это дѣлать можно.

Въ самое то время другой сосѣдъ нашъ Мбальниковъ былъ съ сыномъ своимъ Сидоромъ у себя въ саду.

Эпошъ Сидоръ имѣлъ за собою пошъ порокъ, чшо онъ думалъ: довольно коли при людяхъ не дѣлаешь худова, а коли никово нѣшъ, шакъ все можно дѣлашь, чшо ни захочешъ.

Опець его принесъ съ собою заряженное ружье, чшобъ стрѣляшь воробьевъ, копорые у него всѣ вишни поклевали. Они спояли въ бесѣдкѣ и дожидались, какъ воробьи налепляшъ; но вдругъ пришли къ Сидорову опцу сказашь, что къ нему гостъ пришолъ.

Онъ оставилъ ружье въ бесѣдкѣ и сказалъ опходя Сидору: смопри ты не шронъ ружья!

Сидоръ ошался одинъ. Чшо мнѣ сдѣлаешся, думалъ онъ, хопя бы я и поигралъ немного ружьемъ? вишь я никово не застрѣлю, да и бапюшка же шеперь ушелъ домой.

Подумавъ сіе схватилъ онъ ружье и спалъ имъ дѣлашь на караулъ. Пошомъ захошѣлось ему попробовашь, можешъ ли онъ взвеси курокъ.

Онъ положилъ на изгороду ружье, дуломъ прямо въ садъ къ Кузнецову, взялъ за курокъ и началъ взводишь.

Въ эшо время Трофимъ на бѣду изъ своего сада бросилъ черезъ изгороду оспрой камень, и попалъ Сидору въ глазъ. Сидоръ опъ великаго спраха и боли выронилъ ружье изъ рукъ, курокъ спустился, дробъ полешѣла, и закричали въ обоихъ садахъ: ай, ай, ай!

Сидору вышибли глазъ, а Трофиму вся дробь попала въ ногу; шопъ спалъ кривъ, а эшопъ хромъ, и шакими оспались во весь свой вѣкъ.

Т и м о ш а.

Ахъ бѣдненькіе !

Ч е с ш н о д у м ъ.

Они конечно оба жалки, особливо по тому, что каждый изъ нихъ не только самого себя, да и другаго вмѣстѣ съ собою сдѣлалъ несчастнымъ.—Однакожъ входя обстоятельно въ дѣло, можно сказать, что эшо случилось къ общему ихъ благополучію.

Т и м о ш а.

Какъ эшо, батюшка !

Ч е с ш н о д у м ъ.

Я тебѣ эшо расшолкую, душинька. Когда бы Богъ не наказалъ сихъ дѣшей, шакъ бы они оспаваясь на единѣ всегда продолжали дѣлать худое.

Но шупъ они сами собою испытали, что всякое худое дѣло, кошораго люди не видяшъ, ошъ Бога не можешъ бышъ закрыто, и безъ наказанія упущено не будешъ.

Ошъ шого оба они поправились, спали смирны и хороши, и удалялись ошъ всякаго зла, хопя бы шо случилось въ самомъ шайномъ мѣстѣ.

И сего - то самого Богъ , наказуя ихъ ,
отъ нихъ желалъ ; ибо сей небесный отецъ
не для чего инаго наказуешъ насъ , какъ для
нашего чрезъ то исправленія.

Т и м о ш а .

Не стану же я дѣлать худова , хотя бы
подлинно зналъ , что ни одинъ человекъ о
томъ не свѣдаетъ.

Ч е с н о д у м ъ .

Богъ утверди себя въ сихъ мысляхъ ,
диша мое !

Тутъ они возвратились домой.

~~~~~

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.

Ахъ , ежели бы все зима была ! сказалъ
Петруша , послѣ того какъ онъ игралъ въ
свѣжки и кашался на горѣ въ саняхъ.

Отецъ его приказалъ ему сіе желаніе
записать въ записную книжку , и онъ то
исполнилъ.

Зима прошла , наступила весна.

Петруша сшоялъ съ опцомъ своимъ под-
лѣ одного цвѣтника , въ кошоромъ розы , ли-
леи , гіациншы и нарциссы разцвѣшали ; и
былъ внѣ себя отъ радости.

Весна цвѣшы сіи съ собой приносятъ ,
сказалъ отецъ , съ ней они и пройдушъ.

Ахъ, ежели бы все весна была! ошвѣчалъ Пешруша.

Ощецъ велѣлъ ему и сіе желаніе записашъ въ книжку, и онъ записалъ.

Миновала весна, лѣто настало.

Въ одинъ прекрасной день Пешруша съ своими родителами и нѣскольکو другихъ робяпишекъ пошли въ ближнюю деревню и цѣлой день тамъ пробыли.

Вокругъ ихъ видна была зеленая пажить и долины, множествомъ цвѣшовъ испещренные, и луга, на копорыхъ индѣ играли ягняша, индѣ бодрые жеребяшки прыгали.

Тутъ они ѣли вишни и другія лѣтомъ распуція ягоды и проводили время очень весело.

Не правда ли сказалъ щецъ возвращаясь домой, что и лѣтомъ можно имѣть множество забавъ.

Ахъ! ошвѣчалъ Пешруша, я бы желалъ, чтобъ всегда было лѣто!

И сіе желаніе записано было въ записную книжку.

На послѣдокъ пришла осень.

Вся семья отправилась на нѣскольکو дней въ виноградные сады.

Не было уже такихъ жаровъ какъ лѣтомъ; но воздухъ былъ благорастворенной и небо свѣшное.

На лозахъ виноградныхъ висѣли зрѣлые

грозды, на грядках лежали благоуханные дыни, а вѣшви деревъ ошъ спѣлыхъ плодовъ нъ землѣ приклонялись,

Тутъ-то любо было Пепрушѣ, копорой до всякихъ овощей великой былъ охотникъ!

Сіе прекрасное время скоро минешъ, сказалъ опецъ; зима уже на дворѣ и осень проходишъ.

Ахъ! сказалъ Пепруша, я бы желалъ, чшобъ зима никогда не приходила, и чшобъ все стояла осень!

Право бы ты шого желалъ? спросилъ опецъ?

Право, ошвѣчалъ онъ.

Но посмотри, продолжалъ опецъ, вынимая записную книжку изъ кармана, посмотри, что здѣсь написано; на, чишай!

„Я желаю, чшобъ всегда зима была., А вошъ на эшой спраницѣ прочишай что написано?

„Я желаю, чшобъ всегда весна была., А вошъ на эшой?

„Я желаю, чшобъ всегда лѣшо было., Знаешъ ли ты, примолвилъ опецъ, чья рука эшо писала?

Моя, ошвѣчалъ Пепруша.

А чего же ты шеперь желаешъ?

„Я желаю, чшобъ всегда была осень., Но эшо очень чудно, сказалъ опецъ, зимою ты желаешъ всегдашней зимы, весною всег-

дашней весны, лѣтомъ всегдашняго лѣта, а осенью всегдашней осени ?

Подумай, чему изъ сего слѣдовашь должно.

„Что всѣ времена года хороши.„

Конечно такъ ; что всѣ они преисполнены радостію, преисполнены разными для насъ дарами, и что Богъ лучше умѣетъ управлять свѣтомъ, нежели мы слабые человѣки!

Есшлы бы прошлая зима въ швоей волѣ состояла, то бы у насъ ни весны, ни лѣта, ни осени не было.

Ты бы землю покрылъ вѣчнымъ снѣгомъ, для того только, чтобъ играть въ снѣжки и кашаться съ горы въ санкахъ; и сколькихъ же безчисленныхъ другихъ удовольствій ты бы насъ лишилъ.

Щасливы мы, что не въ нашей волѣ состояишь управлять свѣтомъ, мы бы съ полученіемъ власши сей пошчасъ его разрушили.

ПЕТРУШИНЪ ОТВѢТЪ.

Дорѣгой школьникъ шель

И финикъ онъ нашель:

Нъ сласшамъ ребяша падки,

А финики вишь сладки,

Такъ школьникъ финикъ сѣлъ,

И финикъ школьнику гораздо полюбился,

А въ немъ нашель онъ костъ.
 Мой школьникъ въ мысли углубился:
 Знашь эши ягоды, онъ мыслишь, могутъ
 росшь ;

Конечно эшо сѣмя;
 Чѣмъ размножаешся ихъ племя;
 Такъ эшу косточку я въ землю посажу,
 И погляжу,
 Чшо изъ шого родишся;
 Авосьлибъ ихъ у насъ и много расплодишся.

Пришелъ домой и прямо въ садъ
 Бѣжишь мой школьникъ безъ огляду,
 Пошѣеши и копаешъ гряду,
 Какъ будто ищешъ кладъ.
 Опецъ его на эшу пору

Зашелъ и сына зришь въ шрудахъ,

Какъ крошъ копаешъ нору,
 И держишь косточку въ зубахъ.
 Узналъ опецъ шрудовъ причину

И говоришь онъ сыну:
 Мой другъ! напрасно шрудъ швой пропадеши:

Ты финики сажаешъ;
 Долгонько ихъ прождеши! знашь шы еще не
 знаешъ ,

Чшо эшо дерево едва чрезъ дваццашъ лѣтъ
 Съ плодами поспѣваешъ.

Узнавъ по голосу опца,
 Привсшалъ, и сперши потъ съ лица,
 Петруша отвѣчаешъ:

Коль время наградишь мои шруды,

Ч а с т ь I.

Чего я ожидаю,
 Такъ я съ шого, что нынѣ насаждаю,
 При старосни вкушу плоды.

РАСКАЯНІЕ.

М а ш ь.

О чемъ ты плачешь, Машинька?

М а ш и н ь к а.

Ахъ, мапушка, посмотрише, что я
 нашла въ Библии!

М а ш ь.

Такъ ты объ эшомъ плачешь? да чтожъ
 такое, расскажи мнѣ, душинька.

М а ш и н ь к а.

Ахъ, подумайте! они распяли Христа—
 какіе злые люди!—а Онъ, какое милосердіе!—
 Онъ и на крестѣ-то за нихъ молился! Они
 наругались надъ Нимъ, а Онъ, умираючи, го-
 ворилъ: Отче! помилуй ихъ, они не вѣдають
 что шворятъ.

М а ш ь.

Нравится тебѣ эшо, что Христось и
 за враговъ своихъ молился?

М а ш и н ь к а.

Конечно, сударыня. Какъ чзю́ молитва
Его была прїяшна Богу! — и я думаю Онъ
вподлинну эшихъ людей просшилъ.

М а ш ь

А ты вчера разсердилась на Ивана за
то, что онъ изломалъ у тебя игрушку, такъ
что и просшилъ ему не хочешь; разсуди
же, душа моя, хорошо ли это?

Тутъ Машинька опъ спыда за́крыла ли-
це свое ручонками и прижавшись къ маме-
ри горько заплакала.

ПОДАРОКЪ ТЕТКЪ ВЪ ДЕНЬ ЕЯ ИМЕ-
НИНЪ.

Севодня множество миѣ къ радостямъ при-
чинъ:

Севодня, пешушна, день вашихъ именинъ,
Изъ всѣхъ моихъ вещей желалъ бы я конечно,
Вамъ лучшую отдашь, любя васъ такъ сер-
дечно.

Ни чѣмъ я не могу такъ много дорожить,
Чего бъ вамъ не хотѣлъ опъ сердца подарить.
Но какъ ни хочешся, однако это чудно,
Есть вещи у меня, а выбрать очень трудно.

Вѣнокъ ли изъ цвѣтовъ мнѣ пестринькихъ
соплеснь ,

И пестушкѣ моей любезнѣйшей поднеснь:
Изъ розъ и васильковъ , которыя разцвѣ-
тающь ? —

Но ахъ! цвѣшъ, цвѣшъ шакъ скоро увядающь!

Съ ясминами ль куспокъ мнѣ дашь въ пода-
рокъ ей ,

И выбрашь лучшинькой ? — Но нѣшъ! любви
моей ,

Люби шоль искренней , любви чистосер-
дечной ,

Куспокъ ешь слабой знакъ , весьма не-
долговѣчной.

Ахъ, вошъ чшо ! парочку прекрасныхъ пши-
ченъ вамъ ,

Чшобъ пѣли здѣсь онѣ, я, пестушка, ошдамъ;
Вчера нагнѣздышкѣ поймалъ я ихъ легонько, —
Но ахъ! лишъ чиркающъ онѣ, и шо шихонько!

Такъ чшожь мнѣ подарить? одно еще, одно:
Вошъ сердце вамъ мое! хопъ молодо оно,
Однако же цвѣшку подобно не увянешъ,
Понуда будешъ жишъ , всегда любишъ васъ
сшанешъ.

ФІЯЛКА И ТЕРНОВОЙ КУСТЬ.

Ни мало не гордися
 Своею красою ,
 Распя и веселяся ,
 Довольная собой ,
 Фіялочка въ лѣсочкѣ
 Не въ пышности была,
 При шерновомъ кусточкѣ
 Смирнехонько цвѣла.

Одиножды шерновникъ
 Сказалъ цвѣшку сему :
 Я знаю кто виновникъ
 Веселью швоему ;
 Конечно ты щипаешь ,
 Здѣсь краше нѣшь себя,
 О какъ ты мало знаешь
 Вѣдняжетка себя !

Взгляни какъ роза рдѣешь
 Красиво средъ луговъ ,
 Царицы видъ имѣешь
 Она между цвѣшовъ !
 Тебя здѣсь и не видно ,
 Не слышенъ запахъ швой !
 Какъ можешь шакъ безшындо
 Ты хваспашься собой ?

Фіялочка смиренно
 На рѣчь сказала шу :

Я здѣсь уединенно
 Въ спокойствіи цвѣшу ;
 За многимъ не гоняюсь,
 Завидовашъ порокъ ;
 Довольно колы щипаюсь
 Я добринькой цвѣшокъ.

Хотя не проливаю
 Я запахъ въ цѣлый лугъ ,
 Однако наполняю
 Имъ малый свой округъ ;
 Не рѣдко оставляешь
 Румяный розовъ цвѣтъ
 Пчела и прилепаетъ
 Съ меня брашь сладкій медъ.

Ошъ солнечнаго зноя
 Паспушка ушомась ,
 Для хлада и покоя
 Въ мѣста сіи склонясь,
 Не рѣдко воздыхая
 Творца благодарить,
 Чшо сладко ошдыхая
 Фіалочку въ нихъ зришь—

Сосѣдушка, пріятель,
 Не должно намъ ропшашъ ;
 Вселенныя Создатель
 Умѣлъ кому чшо дасть.
 Безумно наше чванство

Пропиву Вожьихъ дѣлъ:
Онъ розѣ далъ убранство,
Мнѣ малой бышь велѣлъ.

РѢЗВЫЙ МАЛЬЧИКЪ

Зрѣлище для дѣтей.

Дѣйствующія лица:

Господинъ Златогоровъ.

*Николаша, Златогорова десятилѣтній сынъ.
Фединька, племянникъ Златогорова, сирота,
воспитываемый имъ, однихъ лѣтъ
съ Николашею.*

Маша, дочь Златогорова, девяти лѣтъ.

*Лизанька { двѣ маленькія барышни, прїѣхав-
Анюта { шія въ гости къ Машѣ.*

Федотка, осмилѣтній мальчикъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ,

Николаша и Фединька.

Фединька, (сидя за столомъ и пишущи.)

**Братецъ! не ужъ-шо ты цѣлой часъ
все играшь будешь?**

*Николаша. (рѣзаясь и прыгая кружкомъ
по горницѣ.)*

Еще немножко!

Фединька.

Но ты забылъ, что въ чепыре часа надобно намъ отдать переводъ свой любезному нашему Ивану Карповичу?

Николаша.

Еще крошечку!

Фединька.

Предоброй учишь! какъ онъ всегда радуется, когда видишь насъ прилѣжными.

Николаша.

Ну еще немножко, крошечку!

Фединька.

Вошь ужъ при чепверши бѣеъ; мнѣ осталось дописать только два слова, такъ я и гошовъ. Вошь и конецъ!

Николаша. (бѣжитъ къ столу.)

Какъ? ужъ при чепверши было? ахъ какая бѣда! какъ мнѣ успѣшь!

Фединька.

Вишь я тебѣ говорилъ.

Николаша.

Теперь я сплану какъ можно спѣшить; авосьлибо еще успѣю. — Смогри! ужъ при спроки написалъ! — вошь какъ у насъ машущъ! шо-шо любо! (при сихъ словахъ вскакиваетъ отъ радости, опрокидываетъ тернильницу и заливаетъ свою бумагу). О какая бѣда! что я сдѣлалъ!

Ф е д и н ѣ к а.

Какой ты шалунъ, Николаша!

Н и к о л а ш а.

Право это не нарочно.

Ф е д и н ѣ к а.

Не нарочно? объ этомъ никпо и не думаешь; кпо спанешь нарочно это дѣлашь? —однакожъ опъ шалости, брашець, опъ великой рѣзвосты. Этошь порокъ сильно въ тебѣ укореняешь.

Н и к о л а ш а.

Я поскорѣ снова начну; можно еще успѣшь. *(лишетъ олять нѣсколько строкъ; катается на стулѣ, размышляя о словахъ, и опрокидывается на взникъ)* ай!

Ф е д и н ѣ к а.

Опашъ новая шалость! Николаша, Николаша, вишь ты эшакъ голову себѣ проломишь можешь!

Н и к о л а ш а.

Прокляшой шуль!

Ф е д и н ѣ к а.

Скажи лучше: проклятая рѣзвостъ и бѣдной шуль! посмотри, ты его изломалъ: машушка за это спасибо не скажешь.

Н и к о л а ш а.

Пропалъ я! какъ мнѣ бышь со своимъ переводомъ?—брашець голубчикъ! не оставь меня, дай мнѣ списашъ съ швоего перевода.

Федимьяка.

Списашъ? да какая тебѣ ошъ эпова польза!

Николаша.

Ну чшобъ учишель на меня не осердился.

Федимьяка.

Не ужъ ли ты думаешь, чшо онъ эпова не примѣпишь? да хошя бы и не примѣшилъ, какъ смѣшь ошъ него эпо упайшь? спыдно! вишь шо хошѣшь его обманывать.

Николаша (заплакавъ.)

Да какъ же бышь, — чшо миѣ скажешъ Иванъ Карповичъ, когда ты ему свой переводъ покажешъ, а я нѣшь?

Федимьяка.

Послушай, брашець! все чшо я для тебѣ сдѣлать могу, состоишь въ шомъ, чшо я не хочу въ глазахъ любезнаго нашего учишеля бышь лучше тебѣ: вошь смощри! (*издираетъ свой переводъ*). Пойдемъ шеперь на верхъ и скажемъ ошкровенно Ивану Карповичу, чшо мы севодня лѣнны были, и чшо завшра посшараемся бышь прилѣжниѣ.

Николаша.

Ну спасибо тебѣ, брашець! (*цалуетъ его въ плето*).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Прежніе и Маша

М а ш а.

Фединька! Иванъ Карповичъ позволилъ тебѣ оспашься здѣсь въ низу. Лизанька съ Анюшою будутъ ко мнѣ въ госпи, и мы хотимъ, чѣмъ и ты былъ съ нами.

Н и к о л а ш а.

А обо мнѣ ты не просила?

М а ш а.

Нѣтъ брашець!

Н и к о л а ш а.

Для чегожъ нѣтъ? онъ тебѣ только двоюродной брашъ, а я родной.

М а ш а.

То шо и худо, что ты родной брашець, а послунаешь такъ, что любишь себя не лѣзя столько, какъ двоюроднаго.

Н и к о л а ш а.

Да что я тебѣ сдѣлалъ?

М а ш а.

Со мною можешь ты обходишься какъ хочешь, я не о себѣ говорю; но мнѣ жаль, что ты самъ себѣ вредишь, дѣлая шо, что ни одинъ человекъ не хочетъ быть съ тобою вмѣстѣ.

Н и к о л а ш а.

Чшожъ шакое я дѣлаю?

Маша.

Чшо ты дѣлаешь? все безъ разсудку: безъ ума шалишь, безъ пуши рѣзвишься. Когда ты войдешь въ горницу, шо можно объ закладъ ударишься, чшо какая нибудь неприязнность случится: либо ты чшо нибудь изломаешь, либо раздерешь, либо замараешь, либо такой шумъ поднимаешь, чшо уши прокричишь, либо помѣшаешь намъ играшь, либо начнешь бранишься. Всѣ постороннія дѣли за шѣмъ не ѣздяшь къ намъ въ домъ, и эшо чудо, чшо Лизанька съ Анюшою севодня сюда прѣвхашъ общали. Скажи правду, Фединька, хорошъ ли онъ и наково поведѣніе его?

Ф е д и н ь к а.

Я надѣюсь, чшо онъ исправится. Такъ ли Николаша.

Н и к о л а ш а.

Вѣрно шакъ; во всю мою жизнь впередъ шаковъ уже не буду.

Ф е д и н ь к а.

Проси ему и позабудь, сесприца, его просупки! я пойду съ нимъ къ Ивану Карповичу и попрошу, чшобъ онъ позволилъ ему оспашься съ нами въ низу, я ручаюсь

за него, что онъ будетъ себя вести порядочно. *(уходитъ съ Николашею).*

М а ш а.

Я желаю, чтобы это такъ было.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

М а ш а. *(одна)*

Братецъ Фединька очень хорошъ!—коли бы братецъ Николаша шаковъ же былъ! *(она ставитъ стулья по мѣстамъ, вытираетъ столъ, и сипаетъ лоскутки бумаги, лежащія на полу).* Теперь кажешся все порядочно?—мнѣ думается—*(спугнется въ двери, и она бѣжитъ туда).*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Маша, Лизанька и Анюша

М а ш а.

А! здравствуй, милая Лизанька! здравствуй милая Анюшюшка! *(обнимаются и целуются).*

Л и з а н ь к а.

Мнѣ кажешся, я ужъ цѣлой годъ съ тобою не видалась!

А н ю ш а.

Въ самомъ дѣлѣ давно ужъ: почти при неѣли.

М а ш а .

Безъ малова: въ прошедшее воскресенье было ровно двѣ недѣли, какъ я у васъ была.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Прежнія, Фединька и Николаша.

(Фединька устиво кланяется гостямъ; Николаша прыгая и распѣвая вбѣгаетъ въ горницу, и не смотря на прѣзжихъ барышенъ вскакиваетъ на стулъ, стоящій подлѣ его сестры).

Н и к о л а ш а . (поетъ.)

Лай, лай, лай, веселись Николай !

Башъ, башъ, башъ, севодни шабашъ!

(онъ хотетъ вскочить на плечи къ сестрѣ своей, которая не могла его удержать присѣдаетъ, отъ того онъ упадаетъ со стула и сбиваетъ ее съ ногъ долой).

Ф е д и н ь к а .

Николаша, Николаша! чшо ты опяшь напроказилъ? (всѣ они прибѣгаютъ поднимать Машу).

Н и к о л а ш а .

Ничего, бездѣлица! (повертывается на одной ногѣ и натягиваетъ опять прыгать).

Л и з а н ь к а .

Ахъ, моя душа! не ушиблась ли ты?

М а ш а .

Нажешся нѣшъ. Не осердишесь, мои ми-

— а я, что эшо случилось: вы видише, что
— е я эшому причиною.

А н ю ш а. (цалул ее).

Нѣшъ ничего, коли шолько шы не ушиб-
лась.

М а ш а.

Нѣшъ, ужъ прошло. Сядемше, мои милыя.
(Фединька для каждой изъ нихъ ставитъ
стулъ).

Л и з а н ь к а.

Не шрудишесь!

Ф е д и н ь к а:

Никанова шруда нѣшъ!

М а ш а.

Фединька охотно эшо дѣлаешъ. (подаешъ
ему руку въ знакъ ласки). Я бы желала,
чшобъ брашець Николаша шанъ услужливъ
былъ, какъ онъ.

Н и к о л а ш а.

О! я буду севодня очень услужливъ; шы
увидишь эшо. (дѣвка приноситъ тайной при-
боръ). Напримѣрь я спану разливашъ.

М а ш а.

Чшобъ оняшъ чшо нибудь изломашъ! по-
жалуй оставъ эшо мнѣ. (наливаетъ и подаешъ
сахарницу кругомъ). Кому угодно сахару?

Л и з а н ь к а.

Благодарствую, моя душа! мы привыкли
пить безъ сахару.

Н и к о л а ш а .

Такъ инъ я за всѣхъ возьму. (хватаетъ кусокъ за кускомъ, такъ что сестра напослѣдокъ принуждена отдернуть отъ него сахарницу прогъ).

М а ш а .

Какъ тебѣ не стыдно, Николаша!—

Н и к о л а ш а .

Я попустишь хотѣлъ. Ты увидишь, что мнѣ столько не надобно—(хотетъ сахаръ положить назадъ въ сахарницу, но поспулетъ при томъ такъ неосторожно, что до половины вылитую ташку свою проливаетъ Анютъ на платье).

А н ю ш а .

Ахъ, боже мой!—какъ я пришедъ домой понажусь машушкѣ? что мнѣ дѣлать?

М а ш а .

О какой бѣшеной! (къ Николашѣ) да ужъ по крайней мѣрѣ не стой какъ столбъ: принеси поскорѣ спаканъ воды. (прежде нежели Николаша съ мѣста тронулся, Фединька уже побѣжалъ за водою),

Л и з а н ь к а .

Говорятъ лучше всего бѣлымъ плашкомъ выпереть. Вотъ у меня чистой плашокъ—(онъ подходитъ къ Анютъ: Лизанька держитъ, а Маша вытираетъ. Между тѣмъ Николаша, словно какъ бы ему до случившагося никакой нужды не было, продолжаетъ пить чай и

выливаетъ всѣ сливки изъ молошника къ себѣ въ ташку. *Фединька приноситъ стаканъ воды).*

Л и з а н ь к а.

Теперь ужъ не надобно воды; благодаримъ тебя, милой Фединька. Мы ужъ вышерли, послѣ можно замышь.

М а ш а.

Нажешся шеперь хорошо: посмотри, Лизанька, почши ничего не лъзя примѣшишь.— *(показываетъ ей залитое мѣсто у платья).*

Л и з а н ь к а.

Чушь видно, а когда высохнешь, шакъ и совсѣмъ будешъ не примѣшно,

А н ю ш а.

Ну слава Богу! а я было испугалась: новое плащье, и машушка за него дорого заплашила.

М а ш а.

Сядемъ опяшь, мои милыя; *(къ Николашѣ)* а шы пожалуй будь опъ насъ подалѣ. *(хотѣтъ наливать, но находитъ молошникъ пустымъ, и смотритъ на Николашу).* Эшо право шакъ цевѣжливо, какъ не лъзя больше! *(къ Фединькѣ)* Подумай, между шѣмъ какъ мы шамъ хлопотали, онъ всѣ сливки изъ молошника выпилъ! *(Фединька взглядываетъ на него съ неудовольствіемъ).* Ахъ! я было и забыла. Севодни одна изъ дѣвушекъ нашихъ именинница, она

Ч а с ь I.

8

давеча принесла ко мнѣ прекрасной крей-
дель, — (Фединькѣ, которой всталъ со стула и
хотѣтъ идти) прикажи ево къ намъ подашь,
да также и сливокъ еще принесши.

Лизанька.

Для меня не надобно: я ужъ сполько
напилась чаю, что не хочу больше.

Анюша.

А я шакъ напугалась, что не могу пишь.

Маша.

Чтожъ намъ дѣлать? не поиграшь ли не-
много?

Лизанька.

По мнѣ пожалуй. Да во чтожъ мы спа-
немъ играть?

Николаша.

О! я много знаю игоръ! въ жмурки — въ
гулячки — въ короли —

Лизанька.

Съ вами играшь мы не хотимъ.

Николаша

Для чего?

Лизанька.

Для того, что мы любимъ глаза свои,
носъ, руки и ноги.

Маша.

Вотъ Фединька идетъ — у него спросимъ,
во что играшь.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

Прежніе и Фединька.

Лизанька.

Мы васъ дожидались, чѣшобъ вы сказали, какую намъ игру начашъ.

Фединька.

Я оставилъ на дворѣ маленькаго музыканша; ежели вы хошите, пакъ онъ намъ чѣшобудъ сыиграешъ или споешъ.

Маша.

Маленькаго музыканша? маленькаго музыканша? да кшо онъ пакой? ошкуда пы ево взялъ?

Лизанька.

Эшо очень, очень хорошо! съ Фединькой право весело бышъ вмѣстѣ: онъ умѣешъ какъ угождашъ.

Анюша.

А я какъ люблю, когда поюшъ или шанцуюшъ!

Фединька.

Да мы же еще и добро сдѣлаемъ: эшо бѣдной деревенской мальчикъ, кошорой ходишъ съ гудкомъ и сбираешъ милосшыню. Я посулилъ ему пашъ копѣекъ, и онъ обѣщаль мнѣ за эшо цѣлой часъ играшъ.

Лизанька.

Нѣшъ! нѣшъ! пусъ всякая изъ насъ дасъ ему особливо чѣшобудъ.

А н ю ш а.

Всякая, всякая особливо.

Ф е д и н њ а.

Такъ позвашъ его сюда ?

М а ш а.

Позови, позови, да гдѣ онъ ?

Ф е д и н њ а.

Тамъ у ворошѣ спойшѣ. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

П р е ж н і е.

(*Дѣвка приноситъ крендель. Николаша хотетъ ухватить его съ тарелки, однако Маша ему въ томъ преляпствуе*).

Н и к о л а ш а.

Ну чшо? я хошѣлъ шолько его раздѣлить!

М а ш а.

Оспавъ эшо на мое попеченіе; шы бы шакже хорошо раздѣлилъ какъ сливки. (*разламываетъ крендель на тетыре куска, подноситъ двумъ гостямъ, беретъ сама, и тарелку съ остальнымъ кускомъ ставитъ на столъ*).

Н и к о л а ш а.

Эшо мнѣ? (*хотетъ взять съ тарелки*).

М а ш а. (*откинул прогъ очую*).

Погоди, еще Фединька не кушалъ. На вошѣ шебѣ по поламъ со мною! (*отламываетъ отъ своего кренделя и даетъ ему*).

А н ю ш а.

Прекрасной крендель! оставше пожалуй-
ста Фединькѣ, а не шо, я ему свой кусокъ
ошдамъ.

Л и з а н ь к а.

И я свой.

ЯВЛЕНІЕ ОСМОЕ.

Прежніе, Фединька и Федошка съ
гудкомъ.

Ф е д и н ь к а.

Вошъ я привель къ вамъ своего музы-
канша.

М а ш а.

Ошкудова ты мальчинъ?

Ф е д о ш к а.

Изъ деревни Скудихи.

Л и з а н ь к а.

Есть ли у шебя отецъ и мать?

Ф е д о ш к а.

Мачка померла, а бачка живъ еще.

А н ю ш а.

За чѣмъ же ты сюда пришелъ?

Ф е д о ш к а.

Вишь ты, бачка хворъ; работашъ нико-
му; испъ ницаго; шакъ я брожу съ гудкомъ,
да хлибъ добываю.

М а ш а.

Ну-ка съиграй намъ чшо нибудь.

Федотка.

Пожалауй изволь, боярышня; шолько я не горазно въ ившомъ смышлѣнъ; маравую да не много.

Фединька.

Играй, какъ умѣешь! для насъ шы довольно хорошо будешь играшь. (Федотка налаживаетъ свой гудокъ, Анюта между тѣмъ подаетъ Фединькѣ тарелку съ остальнымъ кускомъ кренделя, которую онъ принявъ держитъ въ рукахъ. Федотка пробуетъ смычкомъ, натинаятъ играть и прилѣваетъ).

Парнишко я бидной,
Гудишь не гораздъ:
Грошишко кшо мидной
Мнѣ смилаясь дастъ,
Тому, мой гудоцыкъ,
Спасибо шы спой.
Шшо хлибца кусоцыкъ
іонъ далъ намъ съ шобой.
Своимъ приборбудкомъ
Михей говоришь:
Съ пустымъ де жолудкомъ
Сшруна не брянцишь.

Фединька.

Ага бѣдняжка! видно шы голоденъ: на вошь шебѣ кусокъ кренделя.

Федотка.

Ниптъ, боярцынокъ: эшо самъ ишъ. Мнѣ-ка дай ломшикъ цорнова хлиба съ солью.

Федюшка.

Возми когда шебѣ даюшь. Черной хлѣбъ
я и самъ какъ и ты ѣсть умѣю.

Федюшка.

Ну инѣ спасибо! шолько я ишова не ста-
ну шоперь ишь: опнесу бѣдному бачкѣ сво-
му: ѡнѣ обрадуется.

Маша.

Бѣдному опцу? жаль миѣ, что я уже
свой кусокъ съѣла!

Лизанька.

Для чего ты не пришелъ сюда немнож-
ко поранѣе?

Анюша.

У меня еще половинка осталась. На!
опдай и эшо опцу своему.

Федюшка.

Ой нишѣ, прекрасная боярышня! ишь
сама. Полно ему и одново ишова полизать—
вешь ишо не цорной хлѣбъ.

Анюла.

Съѣшь самъ эшопѣ кусокъ.

Федюшка.

Нишѣ, нишѣ; ужъ кали милосшѣ швоя
шакая, шакъ я лушце возму оба съ собою;
заверну въ плашѣ. (ищетъ). Ена парень! плаш-
чишко свой забылъ въ жупанѣ. Кабы кло-
цокъ бумашки.—

Маша.

Постой, я шебѣ дамъ чистой плашокъ.

Между шѣмъ цусть крендель швой поле-
жишь покамѣсшь на окнѣ.

Федошка.

Дильно, преузорочная, дильно; спасетъ
тебя Богъ! ну шоперь я гудишь шану?

Фединька.

Съиграй-ко, съиграй намъ еще чшо ни-
будъ.

Федошка.

Исшь у меня заздравная писенка; яна не
маша крешьянска, не шакъ шшо бы оцень
шолковипа; однако я всю знаю набумъ. Бач-
кѣ моему написалъ ее какой-шо грамошей.
(играетъ на гудкѣ и прилѣваетъ):

Не въ нѣгѣ я родился,
Не въ роскоши я жилъ,
Рабошаль и шрудился,
И хладъ и зной сносишь.
Терпя различни муки
Боролся я съ судьбой,
Мои суровы руки
Не знали чшо покой.

Я солнечнаго всходу
Ни разу не проспаль,
Въ жестокую погоду
Укрышься не искалъ;
Но плугомъ раздирая
Ушробу я земли,

То дрогнуль промокая,
То весь горѣль въ пыли.

За разными прудами
Меня зрѣль солнца бѣгъ,
Здѣсь швердыми спѣнами
Одѣль я дикій берегъ;
Тамъ наменные дома
Воздвигнуль для другихъ,
Чушь крышку изъ соломы
Имѣя для своихъ.

Земную жилу роя,
Въ пещерахъ погребень,
Я солнечнаго зноя
И свѣта былъ лишень;
Въ количествѣ премногомъ
Я злапо находилъ,
Но въ рубищѣ убогомъ
Весь вѣкъ мой проводилъ.

Однакожь въ это время,
Бывъ молодъ и здоровъ,
Не чувствовалъ я бремя
Сихъ тягостныхъ шрудовъ;
Безъ всякаго излишку
Довольно собиралъ,
Кормилъ свою семьюшку,
Пилъ, ѣлъ, и сладко спалъ.

Но младость промелькнула,
Ее ужъ больше нѣтъ,
Скорбь люшая согнула
Упругій мой хребетъ.
Мой одръ, гдѣ я споняя,
Убогъ, лежу и сиръ,
Злой смерти ожидая;
Спалъ нынѣ весь мой міръ!

(Дѣти слушаютъ со вниманіемъ, приходятъ постепенно въ жалость, подступаютъ къ нему ближе и утираютъ глаза свои наполненные слезами. Между тѣмъ Николаша прыгаетъ кругомъ, подбѣгаетъ къ тарелкѣ и сбѣдаетъ на ней два куска кренделя).

Ф е д и н ѣ к а. *(сзвъ Федотку за руку)*

Бѣдной малой! по этому ты весьма несчастливъ!

М а ш а.

Отецъ въ нищетѣ, при смерти, а сынъ еще такъ малъ: какое жалостное состояніе!

Ф е д о ш к а.

Нищъ, боярышня: я ужъ шаки слава Богу великонекъ: смогу бродить. А какъ испъ кусокъ хлиба, такъ мнѣ и полно, и бачку на кормлю. Вошъ беда какъ хворосъ нападешъ: ну тогда Богъ подасъ. А вишь коли господь по душу пошлетъ, такъ и ницаго не надышь, кромѣ ямы, а ямъ-шо вездѣ много.

М а ш а.

Доброй малой! шакъ шы доволенъ своимъ сосполянiемъ?

Ф е д о ш к а.

Я не знаю, боярышня, што шы баешъ.

М а ш а.

Ты не пужишь о шомъ, чшо шы бѣденъ?

Ф е д о ш к а,

О цомъ пужишь? лишь бы бачкѣ Богъ далъ здоровья, а шо я и гадки не маю.—Шшо ишо шшо ли мнѣ погудишь?

Ф е д и н ѣ к а.

Какъ вы думаете? мнѣ кажется довольно. Надобно ему дать чшо нибудь. (*ищетъ у себя въ карманѣ денегъ*).

Л и з а н ѣ к а.

Поспой, мы всѣ сложимся. Вошь мои пяшь копѣекъ.

А н ю ш а.

Вошь и мои.

М а ш а.

Вошь, Фединька, два пяшикопѣшника. Ты своего не давай.

Ф е д и н ѣ к а.

Нѣтъ, эшова удовольствiя я не хочу у себя опшнать. (*беретъ у всѣхъ деньги и отдаетъ ихъ Федоткѣ*).

Ф е д о ш к а.

Нишъ, ишова много! куда мнѣ сшолько!

шы, бояринъ, посулилъ мнѣ пять копѣекъ:
съ меня и будишь.

Ф е д и н ѣ к а.

Возми, возми; мы тебѣ эшо охотно и
съ радостію даемъ. Возми, не ошговаривайся.

Ф е д о ш к а.

Ну коли такъ, заплаши вамъ господи!
(къ Машѣ) шы боярышня, хотѣла мнѣ кло-
цокъ бумажки пожаловать.

М а ш а.

Ахъ! чуть было я не забыла. — (выни-
маетъ изъ комода бѣлый платокъ): Вотъ те-
бѣ! онъ не множко поножъ, однако можно
въ него завернуть.

Ф е д о ш к а.

Нишь, нишь! куды мнѣ такой дорогой
плащъ? я ни смѣю взять.

М а ш а.

Возми не бось, возми! машушка позволи-
ла мнѣ ошдать ево кому хочу.

Ф е д о ш к а.

Ну инъ помилуешь тебя Богъ, боярышня,
помилуешь Богъ! (идетъ къ окошку, взять
крендель, и между тѣмъ кладетъ гудокъ свой
на полъ).

М а ш а.

Поспой, я пособию тебѣ завернуть.

Ф е д о ш к а. (песально).

Да шушопка ницаго нишь!

М а ш а.

Какъ ? что эшо ? Николаша, Николаша, вѣрно шы.

Н и к о л а ш а. *(смутясь)*

Да, я задумавшись съѣлъ—я забылъ, что эшо ему опдано было.

М а ш а.

О какой несносной баловень ! фуй, брашецъ, какъ эшо можно.

Ф е д о ш к а.

Не бранись, прикрасная боярышня ; ну какъ жо бышь ; мало ли цаго бываешъ ; беда не велика.—Нипъ ли у васъ свижаго яица, я бы бидному бачкѣ своему опнесѣ.

Ф е д и н ѣ к а. *(съ великою досадою.)*

А я дуракъ еще за него просиль!—сесприца голубушка—дай мнѣ въ займы.—

М а ш а. *(вынимаетъ изъ кармана кошелекъ, что дѣлаютъ также Лизанька и Анюта.)*

Я шожъ самое думала. На шебѣ!

Л и з а н ь к а.

На и мои.

А н ю ш а.

На еще и мои — *(каждая по грошу кладетъ Фединькѣ въ руку, которой все отдаетъ Федоткѣ).*

Ф е д о ш к а.

Царь небесный ! Царь небесный ! О ! ишо ужъ съ лихвой много !

Фединька. (съ жалостнымъ сердцемъ
протлеивалъ ему руку.)

Какъ бы я желалъ дать тебѣ нѣчто бо-
лѣе! но—я шакой же сирота, и живу чужими
благодѣяніями? — пашкопѣшникъ свой я
тебѣ ошдалъ.

Федошка.

И! Творецъ мой милосердой!—и! бояринъ,
доброй бояринъ! да на шпожъ ты себя оби-
жаешь? возми пашакъ свой назадъ.

Фединька.

Не печаль меня и—поди.

Федошка.

Господь пошли тебѣ! Богъ надѣли тебѣ
и здоровьемъ и живопомъ!

Николаша. (подумавъ нѣсколько.)

Постой, постой немножко! я пойду и
принесу шакже ему что нибудь. (сказавъ се
бѣжитъ къ дѣврямъ, наступаетъ отъ неосто-
рожности на гудокъ, лежащій на полу, и его
раздавливаетъ). О какая бѣда! (уходитъ испу-
гавшись).

Федошка. (ослабнувшись на гудокъ
свой.)

Охши мнѣ, пропалъ я бидной! гудокъ
мой! гудокъ мой! охъ шпо со мною поприш-
цалось! (дѣти издвѣляютъ страхъ свой и ле-
галь); безшаланный я! все мое житъе бытъе!—
цымъ шоперь шану я кормишь бачку? вись
изломался! вись въ кусоци! шпо мнѣ ди-

лашь? ой! што мнѣ горюхи дилашь? *(плачетъ и рыдаетъ неутѣшно).*

М а ш а.

О какой безпушной шалунъ! — право — я не знаю — у меня ужъ ничего нѣтъ больше — развѣ — Фединька, брашець! —

Л и з а н ь к а.

У меня есть еще два грошевика: на шебѣ!

Ф е д о ш к а, *(продолжая плакать.)*

Спасешъ Богъ, моя милосливая боярышня, хоша на што гудка и не купишь. — Обидной бачка мой! — иднѣ пипинащцашь липѣ на нѣомѣ гудилъ. —

А н ю ш а.

На — все, что у меня есть! *(высылаетъ изъ кошелька, но въ немъ нитого нѣтъ, кроме нѣсколькихъ денежекъ и полушекъ.)*

М а ш а. *(отошедъ къ мѣшетку, въ которомъ работа ея лежала.)*

Вотъ мой серебряной наперстокъ. Поди бѣдной малой, продай его; я могу и мѣдной употребить.

Ф е д и н ь к а.

Посшой, бѣдняжка! я хочу также шебѣ помочь. *(наклоняется выстегиваетъ у себя серебрянныя пряжки и даетъ ему.)* У меня останутся еще томпаковыя. — За это дадутъ шебѣ рубли два или три. Покойница машущка мнѣ ихъ пожаловала. *(Маша по-*

даетъ ему наперстокъ , а Фединька пряжки , но онъ не принимаетъ).

Ф е д о ш к а .

Ника, ника, куды мнѣ съ эспимъ! яни смѣю: ища бачка подумаешь , шшо я ушациль гдѣ нибудь, опъ цаво боже упаси!

М а ш а .

На , я шебѣ говорю , на, возми мой наперстокъ !

Ф е д и н ь к а .

На , возми мои пряжки—или я разсержусь—на, возми !

М а ш а .

Ежели ты не возмешь, шо.—

Ф е д о ш к а .

Ну шшо мни правошко дилашь?—о владыко царь мой!—да вишь ишо , бояре, вамъ самимъ надышь, а вы мника ошдаеше?

Ф е д и н ь к а .

Пожалуй не заботься: Богъ насъ за эшу малость щедро наградишь. Тебѣ и опцу своему ѣсть нечево; я благодаря Бога сышь, и у меня нѣшь опца , кошораго бы кормишь надлежало.

М а ш а .

Поди, поди скорѣе къ опцу своему.

Ф е д о ш к а .

Да возми хошь ты , боярышня, напирсшокъ свой назадъ.

М а ш а.

Нѣшъ, нѣшъ, нѣшъ!

Л и з а н ь к а.

Приходи когда нибудь къ намъ, мы ше-
бѣ также что нибудь подаримъ.

А н ю ш а.

Да, да, приходи; а мы живемъ подлѣ са-
мага мосу.

Ф е д о ш к а.

Заплаши вамъ Господи, милосливые мои
доброхошы!—Охъ!—шолько я ни знаю какъ
бышь—кабы гудишко мой цѣлъ былъ—не взялъ
бы я, нишъ, не взялъ бы ни зашшо. —

Ф е д и н ь к а.

Перестань хлопошашъ! поди, бѣдняжка,
поди, покуда башюшка не пришелъ.

Ф е д о ш к а:

Вашъ бачка?—іонъ шоперь сюда буде?

М а ш а.

Да, поди, поди!

Ф е д о ш к а. (сквозь слезы.)

Охъ!—охъ! што дилашъ, надышъ взять!—
ну да какъ іонъ васъ за ишо бранишъ спа-
нешъ?—ау право, шо шо добрые, шо-шо ми-
лосливые бояре!—(уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

Маша, Лизанька, Анюша, Фединька.

Л и з а н ь к а.

Какъ мнѣ жаль вашихъ пряжекъ!
Ч а с т ь I.

А н ю ш а.

Мы у васъ перенимать спанемъ.—

Ф е д и н ь к а.

О ибѣшь! не у меня: я самъ это перенялъ у сестрицы.

М а ш а.

Ежелибъ я тебя не любила, братецъ, такъ бы я не достойна была имѣть у себя шакова родственника. Ты своимъ примѣромъ сдѣлалъ меня гораздо лучшею, нежели я была до тѣхъ поръ, покуда ты не жилъ у насъ въ домѣ.

Ф е д и н ь к а. *(сжималъ ей рукою ротъ.)*

Эй Машинька! какъ тебѣ хочется меня слѣдить?—однакожъ какъ намъ бытъ, скажешь ли батюшкѣ о севоднишнихъ Николаиныхъ поступкахъ? онъ себя очень дурно велъ.

М а ш а.

Я право не знаю—мы его опечалимъ—а! да вошь и самъ онъ.—

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Прежніе; Злашогоровъ, Федотка.

(дѣти нѣсколько смущенно собираются всѣ въ кусту; Маша и Фединька смотрятъ съ нѣкоторымъ изумленіемъ на маленькаго Федотку.)

З л а ш о г о р о в ъ. *(къ двумъ гостямъ.)*

Здравствуйте, мои дорогія! насилу вы къ моимъ дѣтямъ пріѣхали. Здоровъ ли вашъ батюшка и машушка?

Лизанья.

Слава Богу, сударь.

Анюша.

Они приказали вамъ кланяться.

Злашогоровъ.

Эпошъ мальчикъ на дорогѣ увязался за мною и нейдетъ ошъ меня прочь. Я не знаю, чево ему хочешся. (къ Федоткѣ) Ну говори, маюшня, чшо ты мнѣ шакое лепещалъ?

Федошка. (къ Машѣ и Федичкѣ.)

Не погнѣвись на меня, мой милосливой боярцинокъ, и ты, моя милосливая боярышня, ради Христа не погнѣвишесь! не могу я ишова греха на душу принятьъ, шшобъ шайкомъ ошъ вашава бачки шшо нибудь у васъ взяшь: я видаю, шшо дѣшя безъ спросу ошца своего ницаво давашь не можешъ.

Злашогоровъ.

Чшо шакое вы съ нимъ дѣлали?

Федошка.

Ницаво, цесной бояринъ, ницаво худова! все доброе! — ипошъ боярцинокъ кликнулъ меня съ улицы, шшобъ я на гудишиѣ своемъ посмыцалъ. Тутъ былъ другой боярцинокъ, не шакой доброй какъ ипошъ. —

Злашогоровъ.

Онъ эшо про Николашу говоритъ?

Федошка.

Не погнѣвись, шшо я шакъ баю: шшожъ дѣлашь, коли надышь сказашь? я эдика сшою

и гужу знашь шы какъ смышляю: милосливны дѣтки швыи, вошь ишошь боярцинокъ и боярышня, пожаловали мни колачика и плашь во што завернуть, да надавали мни шакую куцу денегъ, што я и смелы не дамъ.

З л а ш о г о р о в ъ .

Ну?

Ф е д о ш к а .

Ну шуть пришолъ другой боярцинокъ не такой доброй какъ ишошь и съилъ у меня калацъ, кошорой хошилъ было я снесъ въ моему хворему бачкѣ: и шо бы нишь ницаво, да вишь шы на биду гудишко мой лежалъ на полу, а іонъ расбижался, да наступилъ на ево и раздавилъ въ кусоцки.

З л а ш о г о р о в ъ , (къ Машѣ и Федимкѣ.)

Правда ли вшо, дѣшки? (оба они пощупляютъ глаза.)

Ф е д о ш к а .

іонъ не нарокомъ ишо сдилалъ: не сердись на ево.

З л а ш о г о р о в ъ .

Тебѣ за гудокъ швой заплашишь, мой другъ, не шужи! всели ты сказалъ?

Ф е д о ш к а .

Нишь ища, бояринъ, выслухай меня—я стою знашь шы и горько плацу, какъ вошь иши дѣшки Твои—Господь Богъ помилуетъ ихъ—сълихвой хошили вывести меня изъ изь-яна.—Прикрасная ища боярышня опдала мни-

ка свой серебрянной напирстокъ, а доброй ипошъ боярцинокъ свои серебряныя пряжки. Только я не хочу взять ихъ, нишъ!—бачка мой подумаешь ища, што я ихъ укралъ! я вслухался, што ты сюда идешь, шо и хотилъ шобѣ объ ипомъ сказать: я видаю, што у робяшъ своему бышъ нецаму, и безъ отца брашъ у нихъ не пригожо. Нишъ, владыка меня опъ ишова сохрани! хоша бы гудишко мой и пропалъ—охъ! мой гудокъ! охъ! бидной бачна!

З л а ш о г о р о в ъ.

Боже мой—я не знаю—тебя ли мнѣ, или васъ, любезныя мой дѣшъ, обняшь прежде?—ноишъ! тебя, безпорочная душа, тебя прежде!—подойди ближе, дай мнѣ прижашъ тебя къ моему сердцу!—въ совершенной бѣдноспи—въ крайней нищетѣ—и шакъ честень! (обнимаетъ его).

Ф е д о ш к а.

Цаму дивишца, бояринъ? бачка мой цасто мнѣ баишъ „живи правдою, не завидуй цужому, и помни всегда эшу прибабудку: шопъ не богашъ, у ково много палашъ: а шопъ не убогъ, ково любить Богъ.“ Вошъ кабы ты кормилецъ мой смиловался, да купилъ мнѣ другой гудишко, шакъ бы и вся беда прошла.—На, возми назадъ напирстокъ свой и пряжки!

З л а ш о г о р о в ъ .

Знаешь ли что мальчикъ? останься съ нами: ты вощъ яшому боярчинку (указывая на Фединьку) служишь будешь, а шамъ по-смотримъ.

Ф е д о ш к а .

Ишому кормильцу? — ты въ забылъ ба-ешъ? — о! я радъ умереть съ нмъ! (бѣжитъ съ великою радостію поцаловать руку у Фединьки, но вдругъ останавливается и говоритъ летально), а кшожь бидново бачку моево кормишь спанешь? я буду здѣсь набивать брюхо, а іонъ одинъ голодной сидѣшь будешь? — нишь ишо не дело!

З л а ш о г о р о в ъ .

Предоброй малой! ишо швой отецъ?

Ф е д о ш к а .

Хворинькой спарицокъ; іонъ цушь живъ и ужъ не сможетъ бродить: я своимъ гудишкомъ хлибъ ему добываю, не въ доволъ правда, ну да цаво иногда не добуду, шакъ Богъ шерпѣнье дастъ.

З л а ш о г о р о в ъ .

Хорошо! я и опца швоего шакже при-шрою; у меня не годалену опсель въ деревнѣ выстроена для пресшарѣлыхъ и увѣчныхъ крестьянъ моихъ больница, гдѣ за ними смотрятъ и всякое попеченіе имѣють; я шамъ ему дамъ мѣсечко.

Ф е д о щ а . (съ радостными криками
бѣжалъ въ грезвѣтѣйномъ
восторгѣ по горницѣ.)

О царь мой небесный!—мать пресвятая
Богородица!—бачка! бачка! я тебѣ радость
принесу!—нишъ не смогу больше! сердце у
меня въ пазухѣ шакъ и прыгаетъ!—пусти-
те! побѣгу, побѣгу къ нему!—о сердешной
мой бачка!—о—хъ! о!—(уходитъ).

З л а ш о г о р о в ѣ . (утираетъ себѣ глаза и
у дѣтей текутъ слезы
по лицу.)

О любезныя дѣшья мои! какой для насъ
щасливой день! вамъ благодаренъ я за эту
радость. (садится). Подише ко мнѣ, дайше
мнѣ себя обняшь! (всѣ брасаются къ нему и
нѣсколько минутъ продолжается душеумили-
тельное молчаніе) Ты, Феденька, (положа на
щеку къ нему свою руку, которую сей съ вели-
кимъ жаромъ цалуетъ.). Ты ошнынъ будь
сынъ мой, испинный мой сынъ! шы достоинъ
въ сердцѣ моемъ имѣшь одинакое мѣсто съ
другимъ моимъ сыномъ: попеченія мои о тебѣ
не будущъ ни въ чемъ различны отъ попеченій
моихъ о немъ. (обнимаетъ Феденьку, которой
охвативъ его руками безмолвенъ виситъ у не-
го на шѣи).—О ежели бы Николаша мой ша-
ковъ былъ какъ шы!—да гдѣ эшопъ шалунъ?

М а ш а .

Когда онъ по неосторожности наступилъ
на гудокъ, то испугался и ушолъ ошселъ.

Лизанья.

Вотъ онъ.

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Презніе; Николаша.

(Николаша входитъ съ потупленными глазами, держа въ рукахъ кусокъ золотого позументу: взглядываетъ изъ подлбья и видя другихъ дѣтей въ объятіяхъ отца своего, со стыдомъ останавливается).

Злашогоровъ.

Чшо ты найдешъ ко мнѣ, Николаша?

Николаша.

Не могу—бапюшка!

Злашогоровъ.

Для чего?

Николаша.

Я недостойнъ такой любви опъ васъ, науу вы имѣше къ другимъ вашимъ дѣшамъ.

Злашогоровъ.

Сердце швое шебя въ шомъ уличаетъ?
(Николаша платетъ) поди ко мнѣ! я знаю все, чшо ты сдѣлалъ.

Николаша.

Нѣштъ — ежели бы все знали — вы бы не сшали говоришь со мною шакъ милосшиво. Накажите меня, бапюшка! я заслуживаю бышь наказанъ.

Злашогоровъ.

За чшо?

Николаша. *(сначала не может
отъ слезъ промолвить.)*

Я—во всемъ вамъ признаюсь. — Сперва вмѣсто того, чѣмъ сидѣшь за переводомъ, я скакалъ все по горницѣ, и зашѣмъ урока своего не могъ доканчишь. — Фединька былъ такъ добръ, что не желая опличишь себя передомною, изодралъ для меня свой переводъ.

Злашогоровъ. *(ласкаетъ Фединьку.)*

Предоброе дѣшя!

Николаша.

Помѣмъ выпросилъ онъ мнѣ у Ивана Карповича позволеніе оспашься внизу, и опѣвчалъ за меня, что я конечно ничего худаго не сдѣлаю. — Но лишъ только сошли мы внизъ, какъ я вспрыгнулъ на спуль, упалъ съ него и уронилъ сесприцу на полъ.

Злашогоровъ.

Эшова я не слыхалъ!

Николаша.

Ахъ! эшо еще не все! послѣ того пролилъ я чашку чаю на Аняшино плашье, и между шѣмъ какъ другіе спарались его вытирашь, я о томъ ни мало не забошлся, и выпилъ всѣ сливки изъ молошника.

Злашогоровъ.

Вѣшреность и скорость лвоя не допустили шебя рассудишь, что эшо непристойно и дурно?

Н и к о л а ш а.

Да, башюшка сударь!—пошомъ съблѣ я крендель убѣднаго мальчика, и когда побѣждалъ ошселѣ съ шѣмъ, чшобъ принесѣ ему также чшо нибудѣ, шо насшупилѣ на его гудокъ и раздавилѣ.

З л а ш о г о р о в ѣ.

Чшо же ты въ сердцѣ своемъ чувствуешь обо всемъ эшомъ здраво разсудя?

Н и к о л а ш а. (всхлипывая).

А—ахъ!

З л а ш о г о р о в ѣ.

Я увѣренъ, что ты все эшо сдѣлалъ не нарочно и безъ умыслу; однакожъ отъ вѣшености, отъ промешчивости, отъ шого, что ты никогда о дѣлахъ своихъ не размышляешь. Разсуди сколько ты досадишъ другимъ! и какая бы могла произойти изъ шого бѣда, ежели бы швое щасшѣе, или паче милость божеская тебя отъ оной не избавили? себя самого и сесшру свою могъ ты убишъ; бѣдной мальчикъ и ошецъ его хворый старикъ отъ тебя лишились бы своего пропитанія: отъ тебя! — подумай эшо, ты бы причиною былъ ихъ голода, можешь быть ихъ смерти—ты, мой сынъ!—дѣшская рѣзвостъ и необузданность хотя не ешь насшолщій порокъ, однакожъ дурная, очень дурная привычка, отъ кошорой часто шавое-

же зло приключается, какъ и опъ самого порока. Ежели ты все шаковъ будешь —

Николаша.

Нѣтъ, башюшка сударь, нѣтъ, я никогда шаковъ не буду!

Злашогоровъ.

Дай Богъ, чѣмъ ты слово свое сдержалъ. — Да чѣмъ эшо у тебя за позументъ въ рукахъ?

Николаша.

Я споролъ ево съ моей старой шляпы, и хотѣлъ ошдашь эшому мальчику. Я по всему дому искалъ васъ башюшка, чѣмъ вамъ объ эшомъ сказать, но не могъ найши; а другога у меня ничего не было.

Злашогоровъ.

Ну эшо не вина. — Пойдемте, любезныя дѣвши, къ машери вашей, и скажемъ ей какой севодни у васъ былъ праздникъ. Какъ я сожалью о тебѣ, Николаша, чѣмъ сердце швое въ нашей радости не примешъ никакого участія!

~~~~~

дѣвушка, любившая тюльпаны.

Одной осмилѣвшей дѣвушкѣ нравилась чрезмѣрно въ саду опца ея гряда, усаженная тюльпанами.

Подобно пригожей бабочкѣ перелетывала она опъ одного цвѣшка къ другому и не могла довольно ими налюбоваться.

Между тѣмъ никогда не пекалась она о кореньяхъ сихъ цвѣтшыхъ.

Однажды пришла осенью въ садъ къ своему ошцу въ то самое время, когда онъ всѣ тюльпаны велѣлъ поломашъ и осушенные луковицы снова посадить въ землю.

Съ великимъ смущеніемъ и удивленіемъ смошрѣла она на работу ошца своего.

Напоследокъ жалкимъ голосомъ сказала ему:

Ахъ, башюшка! что вы это такое сдѣлали?

За чѣмъ вы.... (*тутъ она прослезилась*), за чѣмъ вы всѣ прекрасныя тюльпаны поломали, и вмѣсто ихъ насадили такихъ негодныхъ луковицъ?

Опець отвѣчалъ ей, что она не знаетъ для чего это дѣлается, и хотѣлъ ей расшоловать, что сіи луковицы сушь коренья, изъ которыхъ въ будущую весну новыя тюльпаны выросшутъ; однакожъ Аннушка (такъ называлась сіе дитя) повтореніями жалобъ своихъ не дала ему ни слова выговорить.

Опець видя, что она въ сіе время не въ состояніи была его выслушать, велѣлъ ей замолчать и идти домой.

Послѣ того, когда бывало зимою спануть говоришь о цвѣтахъ, то Аннушка всякой разъ вздохнетъ и сама про себя шихонько скажетъ; куда жаль, что башюшка при-

казалъ испортившъ самую прекрасную грядку съ шюльпанами!

Пришла весна, выросли шюльпаны.

Аннушка не была еще въ саду; совѣшуютъ ей шуда идти.

Долго не соглашалась она и говорила, что она съ шѣхъ поръ, какъ поломали шюльпаны, не находить въ саду никакого удовольствія.

Напоследокъ однакъ пошла.

Какъ велико было ея удивленіе и радость, когда глазамъ ея вдругъ спольно пушистыхъ шюльпановъ представилось!

Сперва въ радостномъ смущеніи стояла она неподвижно, потомъ бросилась въ объятія къ своему отцу и благодарила его, что онъ велѣлъ вырыть луковицы и насадить опять шюльпановъ.

Отецъ увѣрялъ ее, что эшова не было, но что шюльпаны выросли изъ шѣхъ самыхъ луковицъ, кошорыя она въ прошлую осень видѣла какъ ихъ сажали.

Эшова она не могла понять, покуда отецъ не показалъ ей того выдернувъ изъ земли одинъ шюльпанъ и съ луковицею.

Тогда Аннушка устыдясь спала у него просить прощенія въ томъ, что прошлую осень такъ безразсудно жаловалась на его поступки.

„Я шебъ эшо охотно прощаю, душа моя,

„сказалъ отецъ, видя, что ты теперь узна-
ла, какъ легко можешь ошибаться дѣши,
когда они пересужаютъ поступки возму-
жаемыхъ людей.

„Я надѣюсь, что сіе приключеніе сдѣ-
лаешь себя такъ оспорожною, что ты
впредь скорѣе въ собственномъ мнѣніи сво-
емъ усумнишься, нежели спашешь хулишь
дѣла такихъ людей, которые и спарѣ
тебя и искусишь.

Такъ, бабюшка сударь, ошѣчала Аннуш-
ка, я впрѣдъ конечно такъ поступашь буду,
и ежели когда покушусь счестъ себя разум-
нѣе другихъ, то пошчасъ вспомню о школь-
панахъ.

Отецъ по просьбѣ ея принужденъ былъ
сдѣлать ей вѣрѣ, на которомъ съ одной
сторонѣ нарисованы были разбросанныя
шкюльпаннныя луковицы, а съ другой прекрас-
ной пукешъ изъ шкюльпановъ.

Даже предостерегаетъ она разговоры
маленькой своей подружки, (съ симъ доб-
рымъ намѣреніемъ, чтобъ то ей также къ
исправленію служило), и когда та начнетъ
о чемъ нибудь разсуждать скоро и не по-
думавши, то она пошчасъ покажетъ вѣрѣ
и пошепчетъ ей дружески на ушко: сестри-
ца голубушка, а шкюльпаны!

НИКОЛАШИНА ПОХВАЛА ЗИМНИМЪ УТЪХАМЪ.

Хоть весною
 И тепленько,
 А зимою
 Холодненько,
 Но и въ снужѣ
 Мнѣ не хуже :
 Въ зимній холодъ
 Всякой молодъ,
 Всѣ игривы ,
 Всѣ шусливы :
 Въ долгу ночки
 Къ огонѣчку
 Всѣ сберушся ,
 Стары , малы,
 Точашъ балы
 И смѣются..
 А какъ машки
 Придутъ свѣшки ,
 Тупъ-шо грохотъ ,
 Игры , хохотъ ;
 О какіе
 Тупъ дурные
 На игрищи
 Есть личищи !
 А плутишкамъ
 Ребяпишкамъ
 Тамъ и нравно

Гдѣ забавно,
 Гдѣ пирушки,
 Гдѣ игрушки,
 И гдѣ смѣхи,
 Сначки, пляски,
 Пѣсни, сказки,
 Всѣ ушѣхи.
 А смѣжки-то ?
 Комъ свернися!
 А коньки-то ?
 Спань, напися!
 А солазки ? —
 Эй ребяша !
 По подвязки
 Нада съ браша :
 Привяжише :
 Ну! везите:
 Ъдемъ въ Пишеръ.
 Я пущь кучеръ,
 Вы лошадки
 Рѣзвоноги —
 Прочь съ дороги !
 Держи право!
 Ай ребяшки!
 Ну ужъ bravo!
 Накапались,
 Наигрались,
 Вилошь до ночи;
 Не видали
 Какъ часочки

Пролешали.
 Только дѣла
 Чшо напайся?
 Чѣмъ изволишь
 Забавляйся:
 Ошъ ученья
 За веселье,
 Ошъ веселья
 За ученье.
 Всяко время,
 Миѣ не бремя,
 И зимою
 Какъ весною,
 Слава Богу,
 Не скучаю,
 Но вкушаю
 Радость многу.

СОФЬЮШКА И МАТЬ ЕЯ.

М а ш ь.

Для чего Аннушка пошла ошъ себя съ
 слезами прочь, а ты сидишь одна и шакъ
 пасмурно?—чшо ты миѣ не опвѣчаешь?

С о ф ь ю ш к а.

Ахъ! машушка, сударыня—

М а ш ь.

Чшо шакое? ты запинаешься? эшо не
 доброй знакъ.

Ч а с ь I.

Софьюшка.

Ей хотѣлось моей куклы —

Машь.

Ну!

Софьюшка.

А я не дала ей.

Машь.

Не дала? да развѣ куклы съ собою здѣсь
не было?

Софьюшка.

Была.

Машь.

Или тебѣ самой играть хотѣлось?

Софьюшка.

Нѣтъ.

Машь.

Такъ развѣ Аннушка неосторожно по-
сшупаешь съ куклами и ломаешь ихъ?

Софьюшка.

Нѣтъ, я у нее недавно изломала куклу.

Машь.

Какаяжъ была причина, что ты не да-
ла ей своей куклы?

Софьюшка.

Такъ—мнѣ не хотѣлось.

Машь.

Тебѣ не хотѣлось сдѣлать сестрѣ своей
удовольствія? эшова я ошъ себя никогда не
ожидала.

(С о ф ь ю ш к а п л а ч е ш ь.)

М а ш ь.

Не плачь; слезами не поможешь. Скажи мнѣ лучше, какъ это было. Сперва прозьба ея тебѣ не понравилась, и ты хошѣла, чшобъ кукла швоя была при тебѣ; шакъ ли?

С о ф ь ю ш к а.

Такъ, машушка.

М а ш ь.

Ты не разсудила, чшо ты отказомъ своимъ сдѣлаешь сестрѣ неудовольствіе, шакъ ли?

(С о ф ь ю ш к а п л а ч а.)

Такъ сударыня.

М а ш ь.

Но ты видишь, чшо случается съ шѣми, кошорые не хопяшь другимъ дѣлать удовольствія. Она пошла отъ себя и заплакала—ты оспалась одна—веселоль тебѣ было?

(С о ф ь ю ш к а п л а ч а.)

Нѣтъ, машушка.

М а ш ь.

Отъ чевожъ невесело? отъ шово ли, чшо ты сдѣлала хорошо; или отъ шово, чшо худо?

(С о ф ь ю ш к а п л а ч а.)

Отъ шово, чшо худо.

М а ш ь.

Конечно шакъ: хорошо сдѣлавши не лѣзя бышь печальну, а худо сдѣлавши не лѣзя бышь.

*

веселу. Давъ ей свою куклу шы бы сдѣлала ей удовольствіе; такъ ли по швоему?

С о ф ь ю ш к а.

Такъ сударыня,

М а ш ь.

Помнишь какъ она радовалась вчера, когда шы уступила ей свои каршы?

С о ф ь ю ш к а.

Помню, сударыня.

М а ш ь.

Видишь и тебѣ самой весело тогда было на нее смотреѣшь?

С о ф ь ю ш к а.

Весело.

М а ш ь.

А теперъ весело ли тебѣ сидѣть здѣсь одной?

С о ф ь ю ш к а.

Ахъ, нѣтъ сударыня.

М а ш ь.

Ну такъ шы видишь, что всевозможнымъ образомъ должно спараться всякому дѣлать угожденіе. Помни впередъ, что когда тебя о чемъ просить, а шы могли по сдѣлать и не сдѣлаешь, такъ лишишься собственнаго своего удовольствія. Когда бы шы сестру свою утѣшила, то не сидѣла бы теперъ пошупя носъ одна въ углу.

услуги снискиваютъ любовь.

Услужливой Федюша пошелъ съ сосѣдомъ своимъ Васею'искать цѣвѣшовъ. Оба они на дорогу съ собой взяли по пирожку.

Въ полѣ встрѣчилась съ ними бѣдная женщина, а за нею бѣжалъ мальчишко и плакалъ.

Ахъ, милое дитяшко, сказала она Васѣ, пожалуй мальчишкѣ моему кусочикъ пирожка; онъ ужъ цѣлыя супки ничего не ѣлъ.

Мнѣ самому ѣсть хочется, отвѣчалъ Вася, и отвернулся отъ нее.

Но что сдѣлалъ Федюша?.... Онъ хотя самъ былъ голоденъ, однакожъ видя мальчишку въ слезахъ отдалъ ему весь свой пирожокъ. Мальчишко самъ себя отъ радости не помнилъ, и мать спала за Федюшу Богу молишь.

Потомъ мальчишко побѣжалъ и показалъ ему одно мѣсто, гдѣ много было цѣвѣшовъ. Федюша рвалъ, а мальчишко ему помогалъ.

И такъ Федюша возвратился домой съ большою вязью цѣвѣшовъ, а Вася съ маленькою.

На другое утро пошли они за шѣмъ же самымъ, и съ ними былъ еще третій мальчикъ, Мишюша.

Какъ они отошли нѣсколько, то Мишюша сказалъ: братцы! я потерялъ бѣлку, пособиѣ мнѣ ее сыскашъ.

Мнѣ недосугъ, ошвѣчалъ Вася, и побѣжалъ далѣе. Федюша, ворошился назадъ и спалъ съ Мишюшею искашь пряжки.

Они скоро ее нашли, и пошомъ шанже побѣжали за цвѣшками.

Мишюша сколько ихъ ни нашелъ, подарилъ всѣ шому, кшо пособилъ ему сыскать пряжку, а другому ничего не далъ.

Такимъ образомъ и въ эшомъ день Федюшѣ больше досталось цвѣшовъ, нежели Васѣ; ошъ шого шелъ онъ веселе домой, а шомъ пасмурно.

На третій день пошли они шудаже искашь цвѣшовъ, но на дорогѣ встрѣшилъ съ ними шомъ мальчишко, кошорому Федюша ошдалъ свой пирожокъ, и у него было много пригожинькихъ цвѣшковъ, кошорые всѣ подарилъ онъ Федюшѣ; ибо онъ нарочно для него ходилъ ихъ искашь.

Вася хотѣлъ было шанже нарвать себѣ нѣсколько цвѣшковъ, но не нашелъ ни одного. пошому чшо мальчишко уже всѣ ихъ сорвалъ.

И шакъ у Васи въ эшомъ день не было ни одного цвѣшка.

А какъ они возвращались домой, шо встрѣшилъ съ ними маленькой Мишюша.

„Любезный дружокъ! сказалъ онъ Фединь-
„кѣ, съ шѣхъ поръ, какъ шы помогъ мнѣ сыс-
„кать мою пряжку, я шакъ себя полюбилъ,
„чшо желалъ бы всегда съ шобою бышь вмѣстѣ.

„Пойдемъ пожалуйста къ намъ , у насъ
 „въ саду севодня будетъ много ребяшишекъ
 „и мы спанемъ играшь.

„И башюшка мой тебя очень полюбилъ!
 „онъ велѣлъ мнѣ тебя позвать; онъ самъ
 „хочетъ севодня съ нами играшь, и много
 „новыхъ игоръ намъ покажешь.

Фединька съ радосшію побѣждалъ къ не-
 му въ садъ; а Вася.....принужденъ былъ съ
 скукою осмашься одинъ, пошому чшо ево
 шуда не звали.

Тутъ узналъ онъ, какъ хорошо бытъ
 ласковымъ и услужливымъ прошивъ каждаго!
 Онъ спалъ шakovъ, и съ шого времени шак-
 же какъ и Фединька сдѣлался всѣмъ любимъ.

ШУТЬ И ИЗВОЩИНЪ.

Шутъ однажды шелъ черезъ поле.

На пуши встрѣшилъ съ нимъ извощикъ,
 которой по весьма каменистой и негладкой
 дорогѣ лошадей своихъ шакъ гналъ, чшо они
 принуждены были бѣжать во всю прышь.

Могу ли я, спросилъ онъ у шута пробъ-
 жая мимо его, севодня къ вечеру посидѣшь
 въ городъ ?

Шутъ ошвѣчалъ: ежели ты шше побѣдешь.

Эшомъ человекъ конечно не въ своемъ

умѣ, подумалъ извозчикъ, и погналъ лошадей еще болѣе.

Къ вечеру шущъ возвращаяся по тойже дорогѣ назадъ, нашель эпова извозчика опять почти на томъ же мѣстѣ и въ великихъ хлопотахъ.

Отъ того, что онъ по камѣню гналъ, изломалось у него колесо.

И такъ онъ принужденъ былъ съ коляскою оспашься на одномъ мѣстѣ и шущъ ночевалъ.

Не говорилъ ли я тебѣ, сказалъ шущъ, что надобно ѣхать пише, ежели хочешь поспѣть въ городъ?—

Эпотъ же шущъ имѣлъ чудную привычку смѣяться, когда идешь на гору, и плакалъ, когда съ горы на другую сторону спускается.

Для чего бы онъ это дѣлалъ?

Когда я на гору всхожу, сказывалъ онъ, то помышляю о пріятной долинѣ, въ которую съ другой стороны горы спускаюсь буду, и заранѣе тѣмъ увеселяюсь.

А когда на низъ схожу, то думаю, что, скоро другая гора на пути мнѣ встрѣтится, и напередъ представляю себѣ трудъ, которымъ буду я имѣть всходя на оную. Не худо было бы, примолвливалъ онъ къ тому всегда, естълибъ всѣ люди во время щастія и нещастія своей жизни пожь дѣлали:

меньше бы они въ щастіи были горды, а
въ нещастіи малодушны.

В Е С Н А.

Полно, полно пряшашъ носъ :
Теплый дышетъ вѣшперокъ,
Минуль холодъ и морозъ,
Распускаешся листокъ :

Таюшъ снѣги на горахъ,
Рѣчки быстрыя текушъ,
Травки и цвѣшки въ лугахъ
Зеленѣяя распушъ.

Вьется ласпочка кругомъ,
И, какъ въ морѣ корабли,
Долгимъ шлануся гужомъ
Длинноноги журавли.

Слышенъ пшичекъ звонкій гласъ,
Веселишся взоръ и грудь :
Всякой день и всякой часъ
Вновь увидишь что нибудь.

Тамъ, раскинулся пучокъ,
Тамъ соловушка запѣль,
Тамъ явился червячокъ,
Тамъ листочикъ зашумѣль.

Изъ простой справинки шамъ
 Незабудка спала вдругъ,
 Зеленъ зрится по кущамъ,
 Испещренъ цвѣтами луиъ.

Запрубилъ пасухъ въ рожокъ,
 Заблеялъ барашииъ мой,
 Скачешъ прямо на лужокъ:
 Ахъ какъ весело весной!

МОЛОДОЙ БЫКЪ ЛГУНЪ.

Одинъ молодой быкъ имѣлъ дурную привычку всегда лгашъ.

Когда онъ съ большими быками на пасшвѣ былъ, то находилъ глупое удовольствіе въ томъ, чшобъ ихъ пугашъ и надъ ними смѣяшся.

Онъ прятался иногда за кусты и вылъ по волчьи.

Сшарые быки услышавъ вой прибѣгали пошчасъ шуда, чшобъ не допустить волка поймашъ кошораго нибудъ изъ молодыхъ быковъ.

Однако на шомъ мѣстѣ, гдѣ слышанъ былъ вой, ни ково они не находили, кромѣ эшова молодова быка лгуна, кошорой всегда въ сіе время пришворялся, будшо онъ спитъ.

Они скоро примѣшили, чшо эшо онъ

проказничаетъ, и не спали ему съ шѣхъ поръ ни въ чемъ вѣришь.

Въ одинъ вечеръ эшошъ молодой быкъ лгунъ, поудалившись нѣсколько ошъ нихъ, нечаяно увидѣлъ наспоящаго волка, копорой изъ за-кушовъ выскочилъ.

Онъ не могши ошъ него ни уйши, ни обороняшъся, подиалъ ужасное рычанье.

Му! му! му! рычалъ онъ; шо ешъ помогише, помогише, волкъ!

Однакожъ изъ спарыхъ быковъ ни одинъ не разсудилъ за благо къ нему бѣжашъ, думая, что онъ ихъ опяшъ обманываетъ.

Тогда голодной волкъ напалъ на него, ухвалилъ за горло и началъ его жрашъ.

Ахъ! умирая сказалъ онъ со вздохомъ, какъ худо бываетъ шѣмъ, копорые обманываютъ другихъ!

Ф Е Д Ю Ш А,

которой хотетъ быть Княземъ.

Федюша говорилъ всегда: я хочу быть Княземъ.

Для чего? спрашивалъ у него ошець.

Тогда всѣ люди спанушъ мнѣ давалъ деньги, опивѣшшвовалъ онъ, и должны будуть исполняшъ мою волю.

Въ одно время идучи по улицѣ случилось Федюшѣ увидѣшь, что двухъ разбойниковъ вѣшаютъ. Сии несчастные привели его въ жалость, и онъ спросилъ у своего дядьки:

За что ихъ умерщвляютъ? гдѣ Князь? и для чего онъ сіе терпитъ?

Сказали ему, что доброй Князь не только сіе терпѣшь, но и повелѣвать долженъ.

Для чего это? спросилъ Федюша.

Для того, отвѣчалъ ему, что подданные его не будутъ безопасны отъ разбойниковъ, ежели сихъ не спанутъ наказывать.

Онъ это понялъ.

Послѣ сего не слышно было, чтобы онъ когда нибудь пожелалъ быть Княземъ; а говорилъ всегда, что онъ купцомъ быть хочетъ.

Для чегожъ не Княземъ? спросилъ у него отецъ.

Нѣтъ, отвѣчалъ Федюша, неравно опять придутъ разбойники, и мнѣ надобно будетъ приказашъ ихъ повѣсиль, адова я не могу!

Такъ, моя душинька! сказалъ отецъ, чѣмъ выше степенъ, тѣмъ шруднѣе должности.

Что благоразумень, потъ дѣлаешь какъ ты шеперь; не щипишъ быть большимъ человекомъ, для того, что съ великими дошюинствами сопряжены всегда великіе шруды и попеченія.

Сему, научишъ можно изъ басенки: Оселъ и Верблюдъ. (см. выше, стр. 79).

ХУДЫЯ СЛѢДСТВІЯ НЕОПРЯТНОСТИ.

Тимоша былъ изрядной мальчинъ; учился прилѣжно и слушался своихъ родителей.

Да шолько имѣлъ нощъ одинъ за собой порокъ, что небережливъ былъ на плащье и ходилъ всегда неопрятно.

Иногда у него руки грязны, иногда ногти не ошпиржены, иногда лице замарано, иногда рубашка черная, иногда чулки опущились, иногда кафшанъ засусленъ либо изодранъ.

Самыя прекрасныя вещицы, которыми отецъ и мать его дарили, въ рукахъ его не долго были прекрасны: онъ ихъ либо запачкаешь, либо изломаешь, либо пошеряешь.

Хошя ему и очень чувствительнѣе было слышать, когда бывало его за то осуждали, такъ что онъ нерѣдко ошъ много плакалъ, однако такую уже сдѣлалъ въ сей лѣности и нераденію привычку, что всегда въ нощъ же порокъ оный впадалъ.

Въ одинъ день бѣгалъ онъ съ братьями и сестрицами своими по саду и пошерялъ пряжку.

Лѣнь ему было подумать хорошенько, не вспомнишь ли гдѣ это случилось, и пойми шуда поискашь; а между шѣмъ безъ пряжки бѣгать неловко, башмакъ сваливается.

И такъ спалъ онъ проситъ пряжекъ у

брашца своего Николаши, кошорой былъ въ сапогахъ.

Услужливой Николаша позволилъ ему взять свои пряжки, и сказалъ гдѣ онѣ лежашъ.

Тимоша побѣжалъ скорѣе домой, схватилъ Николашины пряжки, заспегнулъ ихъ кое какъ на скорую руку, спѣша обратно въ садъ, и черезъ часъ мѣста и шѣ опять потерялъ.

Какъ бышь? гдѣ взять пряжки? на другой день ошець его узналъ объ эшомъ и сказалъ ему: ну Тимоша! я тебѣ много разъ говорилъ, не будь такой рохля.

Вошь ты не только свои, да и брашнины пряжки потерялъ. Когда ты вещей своихъ беречь не хочешь, такъ будь безъ нихъ. Безъ пряжекъ выходишь не лзя: и такъ сиди дома.

Тимоша заплакалъ.

Другъ мой, сказалъ ошець, самъ ты слезъ своихъ причиною. Мнѣ очень жаль тебя, да нечего дѣлать: купишь тебѣ пряжки, эшо бы было приучать тебя къ шому пороку, за кошорой я давно уже тебя осуждаю, и ошъ кошораго, ежели бы тебя кто ошъ учишь могъ, я бы шому шысячу пряжекъ дать не пожалѣлъ.

Бапюшка сударь, сказалъ въ слезахъ Тимоша, я знаю, что я виновашъ, очень виновашъ, и буду конечно спарашься исправить

себя; но коли вы не простите меня, и не пожалуете мнѣ пряжень, шакъ я цѣлое лѣто долженъ буду не выходитьъ изъ горницы.

Я себя охотно прощаю, сказалъ ошець, да только не могу тебѣ помочь. Ты самъ на себя навлекъ эшу великую бѣду, шо и долженъ самъ себя опъ ней избавляшь.

Ахъ, бапюшка сударь! да какъ могу я эшо сдѣлать?

Я радъ вмѣстѣ съ тобою думать о способѣ, сказалъ ошець. Мнѣ помнишся—да! врядъ можно ли найши лучше эшова' способа, мнѣ помнишся, мать швоя выучила тебя вязаць шурки: ежели ты ихъ сполько навяжешь, что продавъ можешь за эши день-ги купишь себѣ пряжки, тогда надѣнешъ ихъ и свободенъ будешь выходитьъ изъ дому.

Какъ ни шяжко было для Тимоши сидѣть дома и вязаць шурки въ шо время, когда другія дѣши гуляютъ, и хошя эшова не могъ онъ сдѣлать скоро, однакожъ радъ былъ, что покрайней мѣрѣ имѣешь надежду когда нибудь побывашъ опяшь въ саду.

Онъ шрудился весьма прилѣжно надъ шурками, и не одинъ разъ далъ себѣ вѣрное слово впредь бышь ошорожибе и опряшнбе.

И дѣйшвишельно нѣсколько времени послѣ того былъ шаковъ; но пряжки были уже куплены, горе прошло, старая привычка берешъ всегда силу надъ шѣми людьми, ко-

шорые ей хопъ чупъ успупаюшъ, забывая сколько опъ ней поспрадали; Тимоша рѣдко приводилъ себѣ эшо на памяшъ, и шакъ опу-
стился опяшъ по прежнему.

Между шѣмъ башюшка его, мапушка, бранцы, сесприцы, и еще два сосѣда ихъ съ своими семьями, собирались ѣхашъ къ одному пріятелю своему, кошорой жилъ опъ нихъ версшахъ въ пашидесяти.

Давно уже сговаривались они ѣхашъ къ нему въ госпи, но все какъ-шо не удавалось.

Повѣдка эша общевала много пріятно-
сти и веселія, а особливо для дѣшей.

Во первыхъ эшо было въ самую лучшую лѣтнюю пору, когда уже многія ягоды поспѣли; во вторыхъ для лучшаго удовольствія положено было ѣхашъ рѣкою на большемъ суднѣ; въ шрешьихъ дѣшей было шакое мно-
жество вмѣстѣ и всѣ между собою дружны; наконецъ въ чешвершыхъ господинъ эшошъ, къ кошорому ѣхали, былъ человекъ шакже семейнистой, жилъ на прекрасномъ мѣстѣ и имѣлъ у себя большой садъ, гдѣ было мно-
жество всякаго рода ягодъ, и сверхъ шого еще пруды, качели, бесѣдки, рощицы и раз-
ныя увеселишельныя мѣстечки.

И шакъ для дѣшей эшо былъ большой праздникъ: онѣ очень обрадовались, какъ услышали, что день къ опѣѣзду уже на-
значенъ.

А больше всѣхъ радовался Тимоша, которой дружень былъ съ дѣшми эпова господина, и которому очень хошѣлось шуда ѣхашь.

День насшалъ, всѣ собрались; пришли сказахъ, что судно у берегу стойтъ гошово: послали за дѣшми, они всѣ прибѣжали прыгая отъ радости, въ шомъ числѣ и Тимоша.

Но какое несчастіе! всѣ дѣши одѣшы были порядочно, кромѣ Тимоши, у котораго камзолъ былъ залихъ чернилами, чулки съ дирами, шляпа вся въ салѣ, кафшанъ измаранъ, продранъ и пуговицы на немъ многія отпорвались, а другія чухъ висѣли.

Ощецъ и машъ увидя его покраснѣли отъ сшуда. Ощецъ взялъ его за руку, подвелъ къ большому зеркалу и сказахъ: посмотри на себя, Тимоша, похожъ ли шы на господскаго сына? не всякой ли, взглянувъ на себя, подумаешъ, что шы поваровъ сынъ, и что должностъ швоя чисшишъ на кухнѣ носшрюли?

Надобно о шебѣ всякому сказывашъ, что шы сынъ мой: безъ шого не повѣряшъ; да пришомъ еще и шо къ сшуду моему должень я воображаешъ, что всякой обо мнѣ подумаешъ: вошъ какой щецъ! какъ худо смошришъ онъ за своими дѣшми!

Жаль мнѣ себя, но съ собою взяшь не лъзя: шы должень ошпахъся дома.

Часъ I.

11

Можно себѣ представить, каково было Тимошѣ услышавъ сіи слова: онъ весь поблѣднѣлъ, и минушу спуская залился горькими слезами.

Всѣ надъ нимъ сжалились; отецъ, сколько считалъ нужнымъ и полезнымъ для него такое наказаніе, однакожъ, видя жестокую печаль его и раскаяніе, хотѣлъ перемѣнить свое слово и взять его съ собою, дождавшись покуда онъ переодѣнешся.

Но по несчастію хоша и можно было перемѣнить чулки, однако шляпа такъ была замарана, что трудно было ее вычистить; да при томъ хоша и было у него два кафшана, но другой ошданъ былъ порпному, кошорой не успѣлъ еще починить его, для того что онъ также очень былъ засусленъ и изодранъ.

И такъ ни какимъ образомъ не лзя было Тимошу взять съ собою.

Всѣ побѣхали, а онъ одинъ оспался дома.

Трудно изобразить скуку его и горечь, какую чувствовалъ онъ во все то время, покуда побѣзка эша продолжалась: какъ ни прекрасна была погода, онъ ни разу не вышелъ изъ горницы, и даже не подходилъ къ окошку.

Печаль его долго и тогда не прошла, когда уже всѣ вазвратились, для того что дѣвши безпрестанно между собою разгова-

ривали и воспоминали шѣ веселости, копорыя онѣ шамъ имѣли, и всегда швердили: ахъ! какъ жалъ, Тимоша, чшо шебя съ нами не было: чшо эшо за садъ! чшо за веселіе!

Случай эшотъ и долговременная печаль Тимошина послужили однакожъ ему въ пользу. Испытавъ худыя слѣдствія неопряжности, онѣ принялъ швердое намѣреніе всегда себя осмашривашъ, и мало по малу шакъ пріучился къ чистотѣ, чшо уже никому въ шомъ не ушупалъ.

Сперва ему нѣсколько шрудно было къ шому привыкашъ; онѣ часшо забывался, однакожъ вскорѣ приводилъ себѣ на памяшъ какъ скучное вязаніе шурковъ, шакъ и пріятную для другихъ, а не для него, побѣдку въ гости; и чшобъ чаще напоминашъ себѣ о шомъ, шо вышвердилъ онѣ слѣдующую пѣсню, кошорую бывало всегда пѣвалъ.

Дѣши, дѣши! нешмѣнно
 Должно чисту бышъ всегда;
 И каменье драгоцѣнно,
 Ешъли пылію покрышо,
 Ешъли грязи въ немъ набишо,
 Не годишся никуда.

Чистоташа имѣешъ свойство
 Въ насъ раждашъ веселый нравъ;
 Легкостъ, здравіе, шворство,

Ловность, вѣжливость вселяешь ;
Вялость, грубость опшимаешь,
Тѣмъ приносишь намъ забавъ.

На источникъ вы взгляните
И съ болошною водой.
Воду чистую сравните:
Та подъ шиной въ ямѣ плачетъ ,
А сія бѣлѣясь скачетъ
По камнямъ съ быстриной.

МОЖНО ИСПРАВИТЬСЯ, КОГДА ТВЕРДО ТОГО ЗАХОЧЕШЬ.

Вамъ, дѣши, впадшія, по несчастію въ ка-
жую либо худую привычку, вамъ во ушѣше-
ніе скажу я нѣчто, изъ чего бы вы увидѣли,
что всякой порокъ исправить можно, когда
только твердо того захочешь.

Маша, премилая дѣвочка, до шести лѣтъ
возраста своего была ушѣхою своихъ роди-
телей.

Потомъ, не знаю какимъ образомъ, за-
няла она негодныя повадки, приличныя
только шѣмъ собакамъ, которыхъ называемъ
мы злыми и сердитыми.

Когда бывало услышишь она, что ее за
дурныя поступки не хвалятъ, то всегда на-
дувала губы. А когда кто нибудь возьметъ

нѣчто изъ ея вещей, то она бросалась на того съ такою злостію, что рада была его укусишь.

Есѣли прикажутъ ей сдѣлать, чего она не хочешь, или опскажутъ въ томъ, чего ей хочется; то она или заворчитъ нахмурившись, или идучи съ сердцемъ изъ горницы хлопнешь изо всей силы дверью.

Съ тѣхъ поръ опцу своему и мащери наводила она великую печаль, и не было ни одного человѣка въ домѣ, кошорой бы ее любилъ.

Хотя часто приходила она въ раскаяніе, и сдѣлавши худо иногда горько о томъ плакала, однакожь впередъ опъ того не воздерживалась.

Въ одинъ вечеръ (это было въ свѣщки) вбѣжала она за мащерию, кошорая въ покрышой корзинкѣ принесла нѣчто, въ другую комнату.

Машъ не хопя, чтообъ она шупъ была, велѣла ей выпши вонъ: шупъ-то насупилась она и хлопнула дверью шакъ сильно, что окна задрожали.

Спусся полчаса машъ кликнула ее къ себѣ. Какъ удивилась она, когда вошедъ увидѣла, что вся комната освѣщена была, а по срединѣ стоялъ покрышой столъ и на немъ множество разныхъ игрушекъ лежало! Она не могла выговорить ни слова.

Подойди ближе, Маша! сказала мать, и прочитай вошь эту бумажку, для ково все это сдѣлано.

Маша подошла и развернувъ бумажку, которая поверьхъ игрушекъ лежала, нашла въ ней сіи слова: *тихому дитяти въ награжденіе за его послушаніе.* — Она потчасъ попутила глаза и не сказала ни слова.

Ну, Маша! спросила мать, для ковожь это? — Не для меня, отвѣчала Маша, и слезы навернулись у нее на глазахъ.

Вошь здѣсь другая бумажка, сказала мать, посмотришь, шушь не о себѣ ли сказано.

Маша прочитала: *упрямому и непослушному дитяти, которое признаётся въ своемъ пороѣ и захотѣтъ исправиться* — Это я, это я! вскричала она и бросилась съ горькими слезами къ матери своей на шею. Мать ея также заплакала и ошъ печали, что видѣла дочь свою въ худомъ поведеніи, и ошъ радости, что привела ее къ раскаянію.

Ну такъ возьми ихъ себѣ, когда они швы, сказала она домолчавъ нѣсколько, и дай Богъ, чтобъ ты сдержала швое шеперешнее обѣщаніе.

Нѣшъ мапушка, отвѣчала Маша, я не хочу ихъ прежде взять, покуда не буду шакова, какъ въ бумажкѣ написано. Возьмише

вы ихъ къ себѣ, и тогда мнѣ пожалуйше, когда я подлинно шаковою сдѣлаюсь.

Сей ошвѣпъ весьма обрадовалъ машъ; она убрала всѣ игрушки въ сундучокъ, и ошдавая ошъ него дочери ключъ, сказала: на, Машинь-ка, держи ево у себя, и когда ты сама въ себѣ почувсшвуешь, что ты ничево худова не дѣлаешь, то бери себѣ игрушекъ сколько хочешь.

Шестъ недѣль прошло, какъ Маша ни одново просшупка не сдѣлала, и вела себя весьма порядочно.

Послѣ того въ одинъ день приласкалась она къ машери и печальнымъ голосомъ у нее спросила, можешь ли она шеперь взять нѣсколько игрушекъ.—Возьми, душа моя! сказала машъ съ умиленіемъ и поцѣловала ее. Но скажи мнѣ, какимъ образомъ ошсщала ты ошъ своихъ дурныхъ привычекъ?

Я всегда ихъ имѣла въ памяти, ошвѣчала Маша, и всякое ушро и вечеръ молилась Богу, чтобъ онъ помогъ мнѣ ошъ нихъ ошсшашъ. Такимъ образомъ въ корошное время они мнѣ омерзѣли.

Машъ пролила радостныя слезы, Маша получила назначенныя ей игрушки, и всѣ въ домѣ спали ее любящъ.

И шакъ швердое намѣреніе и молишва могушъ и дѣшей избавляшъ ошъ пороковъ.

Машъ рассказывала однажды сію щасш-

ливую переѣну при нѣкошорой дѣвушкѣ, кошорая шакимъже подвержена была порокамъ.

Она шакъ эшимъ была пронуса, что вознамѣрилась шопчасъ послѣдоваць Машинькину примѣру, чтобъ шолько же какъ она сдѣлалась любви достшойною.

И сіе ей шакже удалось.—И шакъ Маша не шолько сама исправиалась и спала щасш-лива, но сдѣлала шо, что и другія дѣшки глядя на нее исправлялися.

Накоежъ дѣшя захочешъ самого себя и другихъ лишишь себя радости?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПѢСЕНКА

*которую поетъ мать катая маленькую свою
дотку.*

Спи малюшка почивай,
Гласъ своихъ не опкрывай,
Во младенчествѣ своемъ
Ты не знаешь ни о чемъ:
Ни зелены что луга,
Ни песчаны что берега,
Ни что пшички на кустахъ,
Ни что солнце въ небесахъ.

Время нынѣ почивашъ;
А какъ спанешъ выросшашъ

Мы поидемъ среди луговъ,
 Мы нарвемъ себѣ цвѣтшвъ;
 И въ пріятный лѣшній часъ,
 Слыша пшичекъ нѣжный гласъ,
 Я къ груди тебя прижму,
 Сладко, сладко воздохну.

На зеленомъ шамъ лужку,
 На песчаномъ бережку:
 Иль съ крушыхъ высокихъ горъ,
 Веселя свой умъ и взоръ
 Мы природы красотой,
 Въ умиленіи съ шобой,
 Всей душей благодаря,
 Воспоемъ небесъ Царя.

Ты шеперь еще мала,
 Равнодушна для всего;
 Какъ дочь машери мила,
 Ты невѣдаешь шого,
 И тебѣ и мнѣ покой
 Нуженъ намъ одинъ съ шобой,
 Но тебѣ лишь для себя,
 Мнѣжъ, мой свѣшъ, лишь для себя.

Спану, спану ожидашь
 Съ нешерпѣніемъ шѣхъ лѣшъ,
 Когда можешь ты узнатьъ,
 Что милѣй тебя мнѣ нѣшъ:
 Вырасшай, мое дшя,

Будто розачка цвѣшя,
И во мзду мово шруда
Будь утѣхой мнѣ всегда.

НАДЛЕЖИТЬ БЫТЬ ДОВОЛЬНУ ВСЕМЪ ТѢМЪ, ЧТО УСТАВИЛА ПРИРОДА.

Ахъ! для чего такъ жарко! говорила Аннушка матери своей, упирая носъ съ разгорѣвшагося лица—(день тогда былъ весьма знойной). Я насилу могу дышать. —

„Для чего такъ жарко, душа моя, объ этомъ я тебѣ черезъ нѣсколько недѣль скажу лучше, нежели теперь, опивчала мать; а теперь только то напомню, что Богу такъ угодно, чтобы было жарко, и что этошъ милосердой отецъ ничего не дѣлаетъ, что бы не клонилось къ нашей пользѣ.

Аннушка замолчала и повѣрила своей матери, потому что она ей всегда правду говорила.

Она старалась терпѣливо сносить жаръ, кошорой послѣ того еще нѣсколько времени продолжался.

Прошелъ мѣсяцъ Августъ, перестало быть жарко.

Прохладные вѣтерки и умѣренная теплота воздуха вызывали всякой день Аннушку въ садъ прогуливаться.

Всякой овощъ уже поспѣлъ и начиналась жашва.

Аннушка удивлялась приманчивому наливу яблоковъ, грушъ и персиковъ: ничто не превосходило сладости ихъ вкуса, и самый медъ былъ для нея не слаще.

„Ахъ, мапушка! какіе плоды Богъ намъ пожаловалъ! какой онъ милосливой! какъ насъ любитъ!—,,

Такъ, душа моя, сказала мать! а помнишь ли ты оногдась чупъ было на него не подосадовала за то, что онъ намъ ихъ даруешь.

Знай, что самый шопъ жаръ, на коптой ты ропшала, далъ пріятной румянецъ и сладкой вкусъ плодамъ.

И такъ научись, душа моя, быть довольною всемъ шѣмъ, что Богъ ни дѣлаетъ; ибо рано ли поздно ли, всегда ты узнаешь, что онъ это сдѣлалъ хорошо.

ВАРИНЬКА и НИКОЛАША.

Николѣша. *(прибѣжавъ къ Варинькѣ, которая сидѣла въ саду въ бесѣдкѣ).*

О чемъ ты такъ грустишь, Варинька?— все на свѣтѣ такъ хорошо!—У меня нѣтъ никакой печали, меня все веселишь. — Ба-

пюшка и мапушка насъ любящъ, игрушень
у насъ много. —

В а р и н ъ к а.

Ахъ, брашецъ! и ты спанешь пужишь,
какъ услышишь. Вишь всѣ мои любезныя
игрушечки изломались! и восковая куколка
упала; вонъ и рука ее опшибена лежишь:
какъ мнѣ не грустишь!

Н и к о л а ш а.

Жаль мнѣ тебя, сесприца!—Да не все
же объ эпомъ сокрушаться. Пойдемъ со
мною, я тебя развеселю; скажу тебѣ про
свою охоту: шеперь лишь шолъ я здѣсь по
саду и вдругъ увидѣлъ—о какъ мнѣ было лю-
бо!—увидѣлъ бабочку. Ну ужъ бабочка! какая
песпринькая, пригожинькая! ахъ сесприца!
ты бы на нее заглядѣлась. И какъ она леша-
ла? шо кверху подыметъ шо внизъ опу-
сшился, шо на кушочкѣ сядешь, шо ко
цѣвшку прильнешъ; вонъ и на эшой розочкѣ
она сидѣла. Побѣжимъ шуда, сесприца!

В А Р И Н Ь К А.

Побѣжимъ, брашецъ. Посшой:—Вонъ эшо
не она ли сидишь на гвоздичкѣ?

Н И К О Л А Ш А.

Она, она. Тихонько! Теперь уже ей ошъ
насъ не улетѣшь. Посшой ты шупъ, а я
подкираюсь—Поймалъ! поймалъ, сесприца!

ВАРИНЬКА.

Покажи. Ахъ какая пригожиньякая! она
мнѣ милѣе моей куклы.

НИКОЛАША.

Посадимъ ее у себя въ горницѣ, сдѣла-
емъ ей изъ зеленыхъ лиспиковъ постельку,
и станемъ ее кормить ясминцами. На, сестри-
ца, возьми ее себѣ.

ВАРИНЬКА.

О любо!

НИКОЛАША.

Видишь, что печаль и скука не долго
продолжающся; Богъ сердце наше сошворилъ
на радость.

КОШКА, МЫШЬ и МЫШОНОКЪ.

Кошка (къ мышонку).

Какой, о мышка, ты премиленькой звѣрчикъ!
Не лѣзя увидѣвши тебя не полюбишь.
Поди къ мнѣ, мой другъ, приближись на ча-
сочикъ.

Мышь.

Дитя! я не совѣтую тебѣ ходить.

Кошка.

Пожалуй подойди. Я для швоей ушѣхи,
Смотри, вошь эми всѣ опдамъ тебѣ орѣхи.

Мышонокъ.

Какъ можно опъ шакой мнѣ ласки опрещись?
Пойду я, машушка... .

Мышь.

Дитя, поберегись!

Кошка.

Вотъ сахаръ; я тебя сласпиями позабавлю,
И блюдо цѣлое конфетъ тебѣ поставлю.

Мышонокъ.

Вели мнѣ, машушка, на часъ сходишь шуда.

Мышь.

Пожалуй не ходи!

Мышонокъ.

Да что въ помъ за бѣда?

Кошка.

Подъ, дурочка, не бось!

Мышонокъ.

Иду. . . ахъ пропадаю!

Она душишь меня! . . . ой больно! . . . умираю!

Мышь.

Ужъ поздно! по дѣламъ мученіе неси,
Совѣша не принявъ спасенія не проси.

ДИТЯ и НЯНЯ.

(Сперва одно дитя къ своей куклѣ.)

Такъ, сударыня! вы не хотише меня слу-
шаться? не хошише голову держашъ прямо?
доброжъ! я на васъ осержусь, еще больше
осержусь, нежели вчера осердилась на меня
моя няня за то, что я ударила собачку.

Няня (вошедъ и услышавъ ея послѣднія слова)

Нѣчто ты сердита, душа моя; не досадила ли тебѣ швоя кукла?

Д и ш я.

Да! она не хочешь голову держашь прямо.

Н я н я.

Какая упрямица! но ты что-то ей говорила, какъ я сюда вошла?

Д и ш я.

Я... да.... а развѣ вы слышали, что я говорила?

Н я н я.

Положимъ я не слыхала, и прошу тебя пересказать мнѣ швоя слова: не ужъ ли ты ихъ опъ меня пошайшь?

Д и ш я.

Ахъ нѣтъ! я бы тогда сдѣлала очень худо: добрыя дѣши не должны ничего ушайвашь опъ своихъ родителей и нянюшекъ.

Н я н я.

Такъ, душинька! поди поцалуй меня и пошомъ расскажи, что ты куклѣ своей говорила.

Д и ш я.

Она не хотѣла голову держашь прямо, такъ я сказала ей, что ешьли она меня не послушается, то я на нее еще больше осержусь, нежели вчера осердилась на меня моя няня за то, что я ударила собачку.

Н я н я.

Тако ты думаешь, что я была на тебя сердита?

Д и ш я.

Вы мне прошивъ обыкновеннаго показались очень невеселы, и пошому я подумала, что вы на меня гнѣваетесь.

Н я н я.

Я не гнѣвалась, мой другъ, но была опечалена; мне было непріятно видѣшь въ тебѣ такое жестокосердіе, что ты не переставашь бишь бѣдную собачку, и сверхъ того я опасалась, чтобы она тебя не укусила. Для того я спала тебя увѣщавашь; но видя тебя непослушною, подумала, что ты сдѣлалась упряма, и это привело меня въ такую печаль, что я чуть было не заплакала. А ты между тѣмъ сочла меня сердитою.—Сердитою? нѣтъ, душа моя! ты сердилась на собачку, а я на тебя не сердилась.

Д и ш я.

Такъ вы и теперь на меня не сердиты за слова, которыя говорила я кука?

Н я н я.

Не только не сердита, но еще радуюсь, что такое случай подаль мне способъ вывести тебя изъ заблужденія. А ты этому рада ли!

Д и ш я.

О конечно! . . . Есшьли бы шолько. . .

Н я н я.

Чшо шакое ?

Д и ш я.

Есшьли бы впредь вы всегда мною были довольны.

Н я н я.

Я сама сердечно эшова желаю; мнѣ весь-
ма непріятно быть принужденною. . . но
для эшова надобно сдѣлать маленькой дого-
ворецъ.

Д и ш я.

Какой !

Н я н я.

Чшобъ ты впредь , когда я буду тебя
оптъ чего нибудь худаго воздерживать , съ
перваго слова шощасъ меня послушалась ;
шогда ты можешь быть увѣрена. . .

Д и ш я.

Чшо вы всегда мною будете довольны ?

Н я н я.

Да. Вошъ шебѣ моя рука! но ты должна
непремѣнно исполнять свое обѣщаніе.

Д и ш я (прыгал).

О! я ужъ конечно буду его исполнять!

Дѣвушка сія сдержала свое слово. Ног-
да она бывало начнетъ дѣлать что нибудь
Ч а с т ь I.

нехорошее , и Нянюшка на нее только по-
 смотришь , то она шопчасъ и переспанеть.
 Иногда и нянюшки съ нею не было , одна-
 кожъ она ничего шаково не дѣлала , въ чемъ
 не была совершенно увѣрена , что это хо-
 рошо. Ради того нянюшка никогда не имѣ-
 ла причины на нее жаловаться , и такимъ
 образомъ обѣ онѣ , любя другъ друга сердеч-
 но , жили въ великомъ удовольствіи.

О ТЫКВѢ и ЖОЛУДѢ.

Дѣши! Богъ , всего шворецъ ,
 Нашъ спасишель и ошецъ ,
 Что ни создалъ въ свѣтѣ семъ ,
 Все премудро создалъ въ немъ ;
 Нѣшу въ мірѣ ничего ,
 Что могло бы безъ его
 На то воли всесвѣшай ,
 Само сдѣлалъ себя собой .
 Силой онъ своихъ словесъ
 Солнцу спашъ среди Небесъ
 И лучи велѣлъ простерть :
 Жизнь въ его рукѣ и смерть .
 Малый червь и спрашный кишъ
 Имъ единымъ лишь дышишь .
 Въ мѣстѣ всяка вещь своѣмъ ,
 Онъ премудро правишь всемъ .
 Есть однакожъ мудрецы ,

Или по просту глупцы,
 Кои свой ничтожный умъ
 Дерзостью высокихъ думъ
 Выше божескаго чшуть.
 Гордостью такой надуть
 Нѣкакѣй безумецъ былъ,
 Имя я его забылъ;
 Онъ однажды на справѣ
 Тыквы взросшія узрѣлъ,
 И въ безумной головѣ
 Мысль такую шопчасъ сплелъ:
 Не прилично имъ росши
 На жолъ маленькой просши;
 Я бы это премѣнилъ.
 Тыквѣмъ ростъ опредѣлилъ,
 По такой ихъ шолшотѣ,
 На дубу, на высотѣ.
 Такъ помысли продолжалъ
 Онъ по прежнему свой пушъ.
 День былъ жарокъ, онъ уснулъ,
 Захотѣлось ошдохнуть.
 Дубъ увидя на пуши,
 Лишь успѣлъ къ нему придти,
 Легъ подъ онымъ и уснулъ.
 Вдругъ престрашный вѣспръ задулъ,
 Воды всѣ смушилъ шопчасъ,
 Вѣшьями дровесъ пошрясъ:
 Съ верьху дуба, какъ на смѣхъ,
 Сорвался большой орѣхъ,
 (Кои жолудьми зовушъ)

И лежаща мужа шунъ
 За его неправый шолкъ
 По носу всей силой щолкъ.
 Вспрыгнулъ мудрый гоголькомъ.
 Полно свѣтъ переправляшь!
 Онъ съ разбишымъ въ кровь носкомъ
 Началъ шако размышляшь:
 Худо, худо я судилъ:
 Есльлибъ пыкны дубъ носилъ,
 И шеперь изъ нихъ одна
 Вдругъ упала на меня,
 Былъ бы я безъ головы.
 Кшо себя поставишь смѣлъ
 Судією Божьихъ дѣлъ,
 Всѣ безумны шаковы.

И М Я Н И Н Ы.

Завтра, брашець Фединька именинникъ,
 говорила Нашюша: я не знаю, чѣмъ его по-
 радовать.

Не пожалуете ли вы мнѣ чшо нибудь,
 машушка, чшо бы я ему подарить могла?

„Пожаловать я тебѣ могу, душа моя, да
 могу также и сама его подарить: развѣ ты
 думаешь, чшо меня эшо меньше швоего ве-
 селишь, когда я подарками своими другимъ
 дѣлаю радость?

„Да сверхъ шого ежели я тебѣ дамъ,

что ему подаришь, шакъ спало бышь это
я его подарю, а не ты.,

Правда ваша, мапушка, да мнѣ хочешся
чѣмъ нибудь его подаришь.

„Хорошо, душинька; шакъ подумай,
нѣтъ ли у тебя самой чего нибудь: на при-
мѣръ миршное швое деревцо?—,,

Ахъ, я его очень люблю! сказала вздох-
нувъ Нашюша.

„Инь оветку —,,

О мапушка! она мнѣ самой надобна.

„Инь парочку мохноногихъ швоихъ го-
лубковъ.—,,

Ахъ мапушка! они мнѣ всево дороже.

„Для чегожъ тебѣ не опдашь ихъ бра-
ну? что для насъ дорого, шѣмъ то и надоб-
но даришь шѣхъ, ково мы любимъ.

„Кошеленъ швой съ рѣдкими золошыми
монешцами, кошорой подарила тебѣ недавно
тешка, былъ бы ничего незначашій пода-
рокъ, пошому что ты его не упошребляешь
и не любишь, да и у него былъ бы онъ шак-
же безъ упошребленія.

„Но то называешся истиннымъ по-
даркомъ, когда мы съ охошою и съ радостію
опдадимъ, что насъ самихъ, да и шого, ко-
му мы опдали, увеселешъ.,

Не ужлижъ, мапушка, опдашь мнѣ браш-
цу Оединькѣ все, что я люблю?

„Нѣтъ, душа моя, ты опдай ему что

хочешь; это состоишь въ швоей волѣ: хощь ни чѣмъ не подари: я тебя не принуждаю, а только хощѣла тебѣ исполновашь, что значашь подарки и съ какимъ намѣреніемъ ими даришь.,,

Нашюша подумала немного и пошомъ сказала: — Такъ! я подарю ему милыхъ своихъ голубковъ, и еще нарву для него пучокъ цвѣшковъ изъ моего садаку.

Мащъ обняла ее и сказала: шы ему великую радасщъ сдѣлаешь.

И себѣ шакже, вскричала съ восторгомъ Нашюша; я ужъ напередъ сердечно радуюсь. —

„А послѣ завтра шы еще больше будешь радовашься, пошому что я позволяю тебѣ повзашь брата швоего и со всѣми его гощьми въ маленькой швой садакъ, гдѣ шы можешь угощашь ихъ свѣжимъ молокомъ и разными овощами. ,,

Нашюша изъ благодарности поцаловала у машери руку и прыгая около нея повшоприла: о кабы послѣзавтешній день пришолъ поскорѣе!

ВОЗДЕРЖАНІЕ.

„Что такое воздержаніе?, спросилъ Мишюша ошца своего, услыша, что онъ сіе слово упомянулъ въ разговорахъ.

Опець радовався шакому вопросу; ибо копия любезной его Мишюша и хоронѣ былъ, однакомѣ имѣлъ за собою шопъ порокъ, чпо всегда былъ въ неудовольствіи, и плакалъ, когда бывало чпо нибудь по желанію его не исполнился.

А вишь это не рѣдко бываешъ на свѣтѣ, чпо мы желаемаго не получаемъ; или имѣя у себя нѣчто пріятное, внезапно онаго лишаемся.

Для шого опъ самой юности надобно пріучашъ къ шерпѣнію.

И шакъ Мишюшинъ опець на вопросъ его онѣвѣстивовалъ:

„Воздержаніе, мой сынъ, ешь шо, когда пы севодня и въ шабашные часы на любимую свою деревянную лошадку не сядешъ.,,

Для чево это?—спросилъ печально Мишюша; вишь вы мнѣ ее сами пожаловали, башюшка;

„Такъ, душа моя, онѣвѣчалъ опець; я и не запрещаю тебѣ на нее садиться, а ондаю на волю, хочешъ сядешъ, хочешъ нѣнъ.,,

Мишюшѣ вчера шолько подарили эту лошадку, а онъ шакъ ее любилъ, чпо радъ былъ во всѣ шабашные часы безпресшанно на ней ѣздишъ.

М и ш ю ш а.

Да къ чему мнѣ это послужитъ?

О ш е ц ь

Нѣшому, чшобъ научишься самому надъ собою имѣшь власть, и безъ шруда ошща-вашь ошъ любимой шебѣ вещи, когда шого пошребуешь нужда.

М и ш ю ш а.

Да въ ашомъ шеперь никакой нужды нѣшъ.

О ш е ц ь

Конечно нѣшъ; но когда придетъ нужда, шогда уже поздно будешь себя къ шому при-учашъ.

Тутъ Милтюша умолкъ и задумался; хотя не все, однакожъ нѣшто пони-малъ онъ изъ разговору отца своего.

О ш е ц ь.

Хочешь ли шы, я скажу шебѣ сказочку, изъ кошорой шы увидишь, какъ нужно при-учишь себя не вдаваться своимъ желаніямъ.

М и ш ю ш а.

Хочу бапюшна.

О ш е ц ь

Нѣкошораго робенка, глупая нянюшна кормила всегда сласпами.

Чрезъ шо шанъ онъ привыкъ лакомиш-ся, чшо ужъ и выросши довольно велико-некъ, о шомъ шольно и помышлялъ, какъ бы гдѣ набшсья сладкаго.

Тщѣнно старшая сестра увѣщевала его, и совѣшовала ему заранѣ ошъ шого ошвы-нашъ, пошому чшо не всегда можно ему бу-

дешъ кормишься сластями. Онъ же напрошивъ думалъ, что это время долго продолжишь, и не старался ни мало себя воздерживать.

Напоелъ докъ ошданъ онъ былъ къ одному Господину въ домъ, гдѣ его строго содержали, и гдѣ лакомство было не въ употребленіи.

Чтожь онъ дѣлалъ? — покупалъ изюмъ, миндаль и конфеты, покудова всѣ свои денжонки издержалъ.

Между тѣмъ алчность къ лакомству ошъ часу въ немъ усиливалась, такъ что ужъ не могъ онъ ошъ того воздержаться.

И какъ уже денегъ у него больше не было то сперва спалъ онъ продавая свое плащье, а какъ и то все промощалъ, тогда. . . . Я содрагаюсь рассказывая сіе! обокралъ онъ господина своего.

Но худое дѣло не можешь бышь скрышо, рано ли поздно ли оно выдешъ наружу: узнали о семъ; и чтобъ избѣжать наказанія, ошотъ молодой человекъ сѣлъ на корабль и отпра-вился далеко—въ Остъ-Индію.

Хотя избѣгнулъ онъ такимъ образомъ человѣческаго наказанія, однако не могъ избѣгнушь Божескаго: корабль, на которомъ онъ поплылъ, разбился о камень, и пресшупника поглотили волны.

Охъ! эшо спрашно! сказала вздохнувъ Мишюша.

Конечно спрашно, ошвѣчалъ ошець; но все сіе произошло ошъ того шолько, что робенокъ эшошъ не научился заблаговременно воздерживашься ошъ своихъ прихостей, кошорыя напослѣдокъ чрезвычайно въ немъ усилились.—Понимаешь ли ты шеперь шеня, мой другъ, для чего совѣшывалъ я шебѣ пышашься преодолаѣшь свою охоту и не сядишь ся севодня на свою лошадку?

М и ш ю ш а.

Понимаю, бапшюшн. Я не спану севодня ѣздишь на лошаdkѣ, и всякой день послѣ шабаша цѣлой часъ не буду на нее сядишь ся, хошя бы миѣ того и очень захошѣлось; надобно приучишь себя къ воздержанію.

Ошець обнялъ его и радовался сему великодушному намѣренію; но онъ еще больше обрадованъ былъ, когда увидѣлъ, что сынъ его держишь свое слово.

А между дѣмъ Мишюша шакъ привыкъ къ воздержанію, что онъ бывало никогда не осердился, ешъли что прошивъ его желанія сдѣлаешь ся, и чрезъ шо избавлялся онъ ошъ многихъ печалей.

Щасшливо шо дѣла, кошорое переймешъ у Мишюши!

~~~~~

Ф Е Д Ю Ш А,

которой спать не могъ.

М а ш ь.

Чшо шы, душенька, шакъ ворочаешься
на постелькѣ; развѣ тебѣ спать не хочется?

Д и ш а.

Не спишся, машушка.

М а ш ь.

Не болишь ли у тебя чшо нибудь?

Д и ш а.

Нѣтъ. Мнѣ вѣтъ хочется.

М а ш ь.

Да шы шеперь лишь кушала, душа моя.

Д и ш а.

Не осердись на меня, маминька! сюда
приходила бѣдная дѣвочка просить ради
Христа; никшо не слыхала какъ она про-
сила. Я ошдалъ ей свою булочку и пирожокъ:
молишь Богу, сказалъ я ей, Богъ тебѣ дастъ
больше. Какъ она бѣдняшка обрадовалась!
три раза сказала мнѣ: заплаши тебѣ Гос-
поди!

М а ш ь.

Другъ мой любезной! умница моя! чешо
шы у меня ни попросишь, я тебѣ все дамъ.
И шы эшова не хошѣлъ мнѣ сказать?

Д и ш а.

Я съ радости и позабылъ о томъ, чшо
самъ ничешо не вѣлъ.

М а ш ь.

Теперь ты знаешь, каково шѣмъ бѣднымъ дѣшамъ, которые безъ пищи спашь ложашся.

Д и ш а.

Ахъ, маминька! пожалуйста давай имъ милосшыню, когда они придуть: шажело сносишь голодь!

ЩАСТЛИВО ПРЕОДОЛЕННОЕ НА ЗЛОЕ ДѢЛО ПОКУШЕНІЕ.

Бѣдному мальчику шрубочиспу досшало въ дворцѣ чиспишь шрубу шого каминна, кошорой былъ въ уборной комнашѣ одной княгини.

Когда онъ сквозъ шрубу опушнлся въ каминъ, шо нашель что въ комнашѣ ни кошо не было; онъ ошпановишя на минушку полюбовашься на прекрасныя вещи, кошоры въ ней находились.

Больше всего полюбились ему осыпанныя драгоцѣнными каменьями золотыя часы, лежавшіе на споликѣ. Онъ не могъ воздержашься, чшобъ не взяшь ихъ въ руки, и шогда пришло къ нему желаніе; „ахъ ежели бы у шебя шакіе часы были!“

Пошомъ спушя минушку подумалъ онъ:

„что, ежели я ихъ возьму?—но спало бышь и ихъ украду и буду воръ.

„Да вишь никакъ эшова не узнаешь,“ продолжалъ онъ думашъ. Но въ шо самое мгновеніе услышалъ шумъ въ смѣжной съ эшою горницѣ: пошчасъ оставилъ онъ часы и бросился назадъ въ трубу свою.

Когда онъ пришелъ домой, шо не могъ изъ головы своей выкинуть эшихъ часовъ : гдѣ ни былъ, куда ни ходилъ, вездѣ они были у него передъ глазами. Онъ покушался переспашъ объ нихъ думашъ, но нѣшъ! словно какъ бы кто насильно его къ шому шянулъ.

Онъ не могъ уснуть; и шакъ вознамѣрился идти опять шуда, и ихъ взять.

Вошедъ по прежнему въ комнату нашель онъ все шакъ шихо, что ни какъ не могъ сомнѣвашся, чтобъ онъ не одинъ въ ней былъ. При слабомъ лунномъ свѣшѣ шихонько подираался онъ къ уборному шолику, на кошоромъ лежали часы.

Уже проспиралъ онъ руку взяшь ихъ, какъ вдругъ увидѣлъ подлѣ нихъ еще превосходнѣйшія сокровища: драгоценныя серги, ожерелье, и другія шому подобныя вещи.

„Не ужъ ли мнѣ? сказалъ онъ весь съ головы до ногъ шрясучись—не уже ли мнѣ?—,

„Но не буду ли я во всю мою жизнь самой скаредной человѣкъ? могу ли я послѣ

эшога когда нибудь спокойно спашь? какими глазами спану я на людей смошрѣшь.

„Правда!,, но ужъ за шо однимъ разомъ сдѣлаюсь я богашой человѣкъ; у меня будутъ лошади и кареша; плащье спану прекрасное носишь, и всяной день буду ѣсть и пишь сышно!,,

„Ну да какъ эшо ошкроешься? — полно какъ ошкрышься? вишь нишо эшога не видишь.—,,

„Ни што? — а развѣ Богъ, вездѣсущій, шого не увидишь?—можешь ли ты по прежнему молишься ему, когда сдѣлаешься ворожъ? можешь ли ты умереть спокойно?,,

При сей мысли волосы у него спали дыбомъ и холодной потъ пролился по всему его тѣлу. „Нѣтъ! сказалъ онъ, бросивъ ошъ себя сокровища, нѣтъ, лучше бѣденъ и чисшь совѣстью, нежели богашъ и оскверненъ злодѣйствомъ! „вымолвивъ сіе спѣшилъ прежнимъ своимъ пушемъ возвратишься назадъ.

Княгинина спальня была подлѣ самой эшой комнашы, она еще не спала, все эшо слышала, и самого мальчика при свѣшѣ луны разсмошрѣшь могла. На другой день приказала она позвать его къ себѣ.

„Послушай, мальчикъ, сказала она ему, когда онъ вошелъ къ ней въ комнашу, для чего ты вчера ночью не взялъ эшихъ часовъ и другихъ драгоценныхъ вещей?,,

„Мальчикъ упалъ къ ней въ ноги и не могъ ошъ страха ни слова промолвить.

„Я все слышала, продолжала Княгиня; благодарю Бога, душа мое, что онъ помогъ тебѣ преодолѣшь искушеніе, и спарайся впредь непорочность свою сохраняшь.

„Ошнынѣ пы у меня будешъ жишь: я велю тебѣ кормишь и одѣвашъ. Но миѣ хочешся еще больше для тебѣ сдѣлашь: я на-мѣрена тебѣ порядочно воспишашъ и обучишь, дабы и впредь бѣдность и неразуміе не могли тебѣ подвигнушь на какое либо злое дѣло.,,

У мальчика полились изъ глазъ горячія слезы; онъ хотѣлъ благодарить, но не могъ: онъ могъ только хлипашъ и уширашъ кулаками глаза свои.

Княгиня здержала данное ею слово: мальчикъ былъ преизрядно воспишанъ, выросъ великъ, и благодѣшельница его имѣла удовольствіе видѣшь въ немъ скромнаго, добросовѣшнаго и честнаго человека.

МАТЬ И СЕМЬ ДОЧЕРЕЙ.

Машъ благонравная, Напаша,
Съ семью своими дочерьми,
Прекрасными какъ майски розы,
Пошла по близости въ лѣсокъ,

И шамъ при ручейкѣ журчащемъ ,
 Пріятнымъ воздухомъ дыша,
 Подъ тѣнію вѣшвисшой липы
 На мягкой сѣла муравѣ.
 Какое зрѣлище прекрасно,
 Благополучну видѣвъ мамъ,
 Такою кучкой окруженну
 Любезныхъ, милюнькихъ дѣшей! —
 Сей міръ обильный красотами,
 Мнѣ мнишся, сотворенъ для нихъ;
 Съ воспоргомъ нѣкій мужъ вѣщаешь,
 Сѣдящій съ зади ихъ въ кустахъ.
 Безмолвенъ, въ шипинѣ глубокой,
 Онъ долго ухо приклонивъ,
 Съ сердечной радостью бесѣду
 Сей нѣжной мамери внималъ.
 О естли бы, любезны дѣши,
 Теперь ошець вашъ также здѣсь,
 Рекла она, былъ вмѣстѣ съ нами!
 Колю много въ сей странѣ пріятствъ!
 На всѣхъ вершинахъ древъ такъ тихо,
 Какъ будто бѣ нѣжны пшички всѣ
 Между собою согласились
 Единый слушають соловья
 Гласъ раздающійся повсюду.
 Ахъ маминька! сказала шумъ
 Вшорая дочь ея Дуняша,
 Я шотчасъ побѣгу домой,
 На крыльяхъ въ башюшкѣ слетаю. —
 Мой другъ! далеко онъ ошъ насъ

За нѣкошорымъ посланъ дѣломъ ;
 Онъ тамъ пробудешъ семь недѣль,
 И прежде къ вамъ не возвращишся.
 Какъ? старшая сказала дочь ,
 На мать взглянувшая печально,
 Его здѣсь нѣтъ? но какъ же онъ
 Уѣхалъ съ нами не простися?—
 Свое родительское вамъ
 Оставилъ онъ благословенье,
 Боясь прощаніемъ своимъ
 Повергнушь васъ въ печаль и скуку.—
 Ахъ! папинька любезной нашъ ,
 Четвертая изъ дочерей вскричала,
 Въ пуши всецѣдый Богъ его
 Да сохранитъ благополучно!
 Сии усердныя слова ,
 Да сохранитъ благополучно ,
 Онь благодарныхъ сихъ дѣшей,
 Кругомъ Нашалии и древа ,
 Твердилися изъ устъ въ уста,
 Съ такимъ усерднымъ восклицаньемъ,
 Чшо на глазахъ у нихъ у всѣхъ
 Пріятны слезы навернулись.
 Какъ эшо можно? семь недѣль!
 Вишь эшо очень, очень долго ;
 Не лѣзая, хошь намъ къ нему сходишь?
 Спросила пьяная малюшка.
 Шестая же ужъ чужь не плача
 Прижавшись къ материной груди
 Сказала помоги: боже мой!

Когдабъ назадъ онъ возвратился
 И вдругъ шеперь пришелъ сюда!
 Дочь шрешня пошчасъ подхватила:
 О какъ бы мы вокругъ его,
 Скакашь и прыгаешь спали!
 Анюша младшая изъ всѣхъ
 Къ сесприцѣ старшей на колѣни
 Свою головку положи
 Ни слова не сказавъ лежала.
 Какъ нѣжный розовый цвѣшокъ
 Ея краснѣлись пухлы щочки;
 Казалось, что другихъ сесшеръ
 Она внимала рѣчь прилѣжно,
 И только разговоръ лишь ихъ
 На часъ объ этомъ перервался,
 Она съ колѣней вдругъ свочивъ
 На шею бросилась къ Нашалѣ,
 И крѣпко нѣжными ее
 Обнявъ ручонками спросила:
 А ты, ты маминька, опъ насъ
 Не ѣдешь никуда? ты съ нами?
 Нѣтъ, душинька, сказала мать,
 Я никуда опъ васъ не ѣду.
 Тогда сидящій мужъ въ кустахъ
 Не могъ подслушивать ихъ болѣ,
 Его и сердце и душа
 Въ восторгѣ сладкомъ упоали.
 Однакожь дѣйствія спрашась
 Онъ радости крушой, безмѣрной,
 Не смѣлъ нечаянно предстать;

Но вышедъ изъ кустовъ шихонько,
 Находишь друга своего,
 И посылаетъ оспорожно
 Женѣ и дѣщамъ возвѣстить,
 (сей самый мужъ былъ ихъ родителъ).
 Чшо опложенъ его побѣздъ.
 Когда сей другъ ихъ пригошовилъ,
 Тогда-шо нѣжный самъ опецъ
 Является предъ ихъ очами:
 Какая жъ радостъ разлилась!
 Машъ бросилась къ нему на шею,
 Всѣ дѣши прыгая, крича,
 Сшо разъ его цалуютъ руки.
 Чшо можешъ описашъ восторгъ
 Сей матери благополучной,
 Сего предобраго опца,
 И сихъ дѣшей ихъ благодравныхъ!

О С О Г Л А С И И.

Наташа, Катюша, Аннушка, и Машинька имѣли у себя учительницу, копорая ихъ какъ машъ дочерей своихъ любила.

Я назову ее Теоною, для шого чшо я не смѣю настоящаго имени ея здѣсь поспавить.

Она имѣла усердное желаніе, чшобъ воспитанницы ея хорошо себя вели, и чрезъ шо были бы щасливы; чшобъ онѣ взаимною другъ къ другу любовію услаждали дѣтскія

*

свои успѣхи, и чтобы каждое удовольствіе вкушали безпрепятственно.

Съ неописанною радостію взирала она на добрые успѣхи своего ученія и примѣра.

Малюшки сіи начали бытъ счастливыми дѣтьми. Онѣ поправляли другъ друга въ проступкахъ, извиняли охотно небольшія огорченія, дѣлили каждую радость, и не могли жить другъ безъ дружки.

Но какъ легко теряюшъ дѣти способы къ счастью, хотя уже познаюшъ оное, и какое благодѣяніе пошъ имъ дѣлаешъ, ишо не усыпно за ними смощишъ!

Теона должна была ошъ своихъ малюшкѣ на нѣкоторое время оплутинься; необходимость принудила ее ошъ нихъ уѣхать; но она спѣшила возвратишъся какъ скоро могла.

Едва успѣла пройти одинъ мѣсяцъ, уже она лешѣла къ нимъ обратно.

Онѣ встрѣтили ее съ великою радостію.

Но ахъ! Теона примѣтила между ними великую перемену.

Одна изъ нихъ съ сердцемъ шребовала чего нибудь у другой, другая не хотѣла ей уступишъ; ошъ сего рождались досадныя рѣчи, все ихъ прежнее увеселеніе въ играхъ и въ дѣлахъ не вѣстъ куда дѣвалось.

Всякую минушу мѣшали онѣ другъ дру-

гу; той не нравилось шамъ, гдѣ другой нравилось.

Иная хотѣла играть въ саду, другая напрошивъ того въ горницѣ, прешья на дворѣ, и сіе несогласіе часъ ошъ часу умножалось.

Въ одинъ день, когда онѣ ни малѣйшей услуги другъ другу не хотѣли сдѣлать, и даже одна другой досаждашь спаралась, Теона глядя на нихъ заплакала.

Она пошла ошъ нихъ прочь и заперлася въ своей комнашѣ.

Тамъ спала она размышляшь, какъ бы маюшокъ сихъ примиришь и возобновишь между ими взаимную дружбу.

Когда послѣ того оняшь она къ нимъ вышла, шо всѣ онѣ бросились къ ней съ неудовольствіемъ и жаловались, что онѣ не находятъ больше прежняго веселія; каждая изъ нихъ обвиняла въ томъ другую, и всѣ приступали къ своей учительницѣ, чшобъ она, какъ умѣвшая всегда ушановляшь ихъ ушѣхи, не опреклась и шеперь шоже сдѣлать.

Теона взглянула на нихъ съ важностію и сказала: ошъ сего времени запрещаю я вамъ мѣшашъ другъ другу въ играхъ, и чшобъ сего не было, шо пущъ каждая изъ васъ изберешь себѣ особливой уголокъ въ эшой комнашѣ, и шамъ сядя играешъ какъ хочешъ.

Сегодня послѣ обѣда позволяю и вамъ такимъ образомъ играть до самаго вечера.

Всѣ обрадовались сему позволенію; каждая взяла назначенный себѣ уголокъ, и стала шамъ играть особо отъ другихъ.

Машинька куклѣ своей сказывала сказки, однакожъ ша не умѣла ничего ей отвѣчать и молчала, а другія всѣ играли каждая про себя.

Аннушка играла мячикомъ, но никакъ не утѣшался глядя на проворство, съ какимъ она его ловишь, и никово не было, кто бы ей сказалъ хоть слово: другія всѣ играли каждая про себя.

Наташа хотѣла играть въ любимую свою игорку въ гулочки, но кому было ее искать? другія всѣ играли каждая про себя.—

У Капюши, маленькой домовницы, было нѣсколько грушъ и яблоковъ, она хотѣла сдѣлать у себя пирушку и позвать гостей; но кому было къ ней прѣхать? другія всѣ играли каждая про себя.

И такимъ образомъ всѣ игры ихъ не ладились. Наконецъ прибѣжали онѣ къ Теонѣ, и со слезами просили ее найти способъ, чтобы имъ опять было весело.

Я знаю только одно средство, сказала она имъ печально, и вы его прежде знали, но забыли: ешьте хоппе, я вамъ о немъ напому.

Хошимъ! хошимъ! вскричали онѣ всѣ, и ожидали съ нестерпѣливостію перваго изъ устъ ея слова.

Это согласіе! это дружба! о мои любезныя! въ какое несчастіе ввергнули вы и меня и себя самихъ съ шѣхъ поръ, какъ ево забыли!

Она умолила, и горькія слезы по лицу у ней капились.

Тутъ всѣ малюшки онѣмѣли передъ нею, и спояли пошупя въ землю глаза отъ стыда и раскаянія.—Потомъ бросились къ ней въ объятія, и общали любими другъ друга по прежнему.

Онѣ сдержали слово. Никогда не упрямилась и не ссорилась: ибо узнали канія слѣдствія раждающаго отъ упрямства и несогласія.

Теона сама мнѣ это рассказывала и говорила, что ужъ онѣ шеперь всѣ чешыре выросли великоньки и спановаясь пре-любезныя дѣвицы.

ДВА МАЛЬЧИНА.

Два мальчика пошли въ садъ прогуливаться. Садовникъ сказалъ имъ въ предосторожность: не подходите близко къ ульямъ, пчелы васъ ужаляютъ.

Меня еще никогда пчела не ужаливала! сказалъ одинъ изъ нихъ мальчикъ, и пошелъ смѣло туда. Но лишь только спустился онъ нѣсколько шаговъ, то пчела его ужалила, и онъ долго былъ боленъ.

И такъ одинъ сдѣлался благоразумнѣе чрезъ испытаніе, а другой чрезъ наставленіе: скажите, кошмой изъ нихъ былъ умнѣе?

БОЛТУШКА.

Одна маленькая дѣвочка имѣла за собою пошлѣ порокъ, что молчать не умѣла.

Когда она свѣдаетъ какую тайну, то ужъ ей бывало не утерпѣться, чтобы поскорѣе не рассказать того всѣмъ своимъ знакомымъ.

А всего хуже, что услыша о чемъ нибудь худомъ, она это первому, кто ей на встрѣчу попадался, пересказывала, ни мало не разсуждая, что могла этимъ навесить иному великую печаль, другому бѣду или несчастіе.

Черезъ короткое время маленькая эта болтушка сдѣлалась сущей язвою для людей того дому, гдѣ она жила, и для другихъ, съ кошмой была знакома; ибо гдѣ ей только бывать случалось, тамъ вездѣ бол-

паньемъ своимъ сѣла она сѣмена брани, раздора и несогласія.

Мудрено ли, что спали всѣ отъ нее бѣгать, всѣ ее ненавидѣть? Въ короткое время не было у ней не только ни одной подруги, ниже такой пріятельницы, кошорая бы вмѣстѣ съ нею бытъ хотѣла.

Куда она сама приходила, тамъ зашворяли отъ нее двери, или не сказывались дома; а когда она къ себѣ звала въ гости, то всѣ ей въ этомъ отказывали.

Напослѣдокъ это понудило ее примѣнить свой порокъ, и она вознамѣрилась отъ него исправиться.

Но горе тому, кто привыкъ и пристрастился къ чему нибудь худому! Трудно, трудно ему вовсе отъ того отстать.

Барышня Калашухина (такъ называлась сіе несчастная дѣвушка) въ цѣлые десять лѣтъ насилу могла совершенно исправиться отъ своего порока: она спокрапно заикалась впадать въ оной, и спокрапно опять впадала.

Наконецъ выросла она велика, но никакъ не хотѣла не ней жениться; ибо какъ давно уже всѣ отъ нее убѣгали, то и не вѣдалъ никто, что она перестала бытъ болшуньею.

Такимъ образомъ всю жизнь свою долженствовала она проводить въ плачевномъ уединеніи, не вкуся утѣхъ добродѣтельнаго

брака, и не познавъ никогда пріятностей
дружбы.

Такъ-то печальныя сѣдствія дѣтскихъ
пороковъ часто принуждаютъ насъ спра-
дать во всѣ дни нашего вѣка!

~~~~~

УМИРАЮЩЕЕ ДВѢНАТЦАТИ-ЛѢТНЕЕ ДІТЯ.

Лиза бѣдная въ постелѣ
Опчаянно лежишь больна;
Душа чужь держишься ужъ въ шѣлѣ,
Спрадаешь и какъ шѣнь блѣдна.
Прегорькими надъ ней слезами
Нещасная рыдаешь мать,
И усну насаяся усами
Ей хочешь жизнь свою опдашь.
Но щещино бѣдная спенаешь,
И громко къ небу вопіешь:
Смерть сожалѣнія не знаетъ,
Кто долженъ умереть, умреть.
Увидя Лиза мать спенящу
Послѣдні силы собрала,
И рѣчь простерши къ ней дрожащу
Прерывнымъ голосомъ рекла:
О чемъ ты слезы проливаешь,
Любезна мамушка, о чемъ?
Куда меня ты опускаешь?
Къ ошцу всеобщему намъ всѣмъ.

Надежду на него прешверду
 Въ блаженствѣ я моемъ кладу,
 Описалъ въ Богу милосерду
 Съ окошкою моею иду.
 Онъ тамо дастъ мнѣ жизнь блаженну,
 Вселишь меня въ свой домъ святой;
 Тамъ буду радостъ совершенну
 И вѣчной я вкушашъ попой;
 Къ нему тамъ съ Ангелами купно
 Я буду гласъ мой возносишь,
 И Господа повсеминушно
 О вашемъ щастіи просишь.
 Сіе сказавъ она вздохнула,
 Рукою сотворила крестъ,
 На масть вполсѣдніе взглянула
 И отошла отъ здѣшнихъ мѣстъ.

ПРЕОДОЛЕННОЕ ВЛАСТОЛЮБІЕ.

Перестанешь ли ты?—Какъ бы не такъ?
 —не хочу, я тебѣ говорю!—машуща, по-
 смошрише чѣмъ Пепруша дѣлаешь!.....
 Только рѣчей и слышно было отъ маленькой
 властолюбивой Параши, когда что нибудь
 не по ней дѣлалось.

Особливо надъ меньшимъ брашомъ сво-
 имъ Пепрушею господствовала она съ та-
 кою необузданностію, что шотъ не зналъ
 бѣдной какъ ему быть.

То не шакъ, другое не шакъ; за всепро-
все на него кричишь, и всего чаще когда
они играютъ вмѣстѣ.

Непремѣнно дѣлай онъ все то, что ей
хочется; въ свое удовольствіе не выдумывай
ничего, и ежели онъ желанія своего шопи-
часъ по ея пребыванію не перемѣнишь, то
она перестанетъ съ нимъ играть и шужь
минушу отъ него уйдешь, оставя его одного
въ скукѣ.

Крошкіе родители ея хотя часто увѣ-
щавали ее и совѣщавали воздерживаться
отъ сего порока, а особливо мать часто
напоминала ей, что благоувѣшливую дѣвуш-
ку всѣ любящъ, а напрошивъ шого свое-
правную, которая все на своемъ поставишь
хочешь, ничто не терпишь и всякой отъ
нее убѣгаешь; однако слова ихъ были щещ-
ны и ни мало не послужили къ ея исправ-
ленію; всѣ другія дѣшши перестали имѣть съ
нею дружеское обхожденіе и начали отъ нее
удаляться, но и отъ этого она не пришла
сама въ себя.

Въ одинъ день въ домѣ у нихъ обѣдалъ
мужъ весьма разумной и пришомъ весьма
чистосердечной.

Онъ часто съ удивленіемъ смотрѣлъ на
Парашино грубое обращеніе съ маленькимъ
ея брешомъ, и наконецъ не вытерпя сказалъ:

„Ежели бы я была опець эшой дѣвушки, я бы зналъ что съ нею сдѣлать!,,

А чтожъ такое? спросила мать.

Я бы надѣлъ на нее муское плашье, опивѣчалъ онъ, прикленялъ бы ей усы, и называлъ бы ее драгуномъ; тогда бы поступки ея согласны были съ ея званіемъ, и неприличность видѣнь въ дѣвушкѣ такую къ самовластною склонность по крайней мѣрѣ симъ одѣяніемъ была бы сколько нибудь прикрыта.

Параша оцѣпенѣла, краска показалась у нее въ лицѣ и слезы покашились изъ глазъ.

Съ сей минуты почувствовала она непристойность поведенія своего, она возмѣрилась исправиться опъ сего порока, и шакъ швердо эшо въ умѣ своемъ вкоренила, что дѣйствительно до того достигла.

Она конечно очень хорошо сдѣлала; но желашъ надлежишь, чтобъ всякая другая дѣвушка, которая хоть нѣсколько этому пороку подвержена, лучше крошкихъ увѣщаній матери своей послушалась, нежели бѣ дождалась того, чтобъ разумной человѣкъ пришелъ и въ глаза ей сказалъ, что она больше годится бышь драгуномъ, нежели любви достойною дѣвицею.

ПЕТРУШИНЫ ВЕЧЕРНІЯ МЫСЛИ.

Ужъ смерклося на дворѣ, лучъ солнечный со-
крылся,

Пора ложишься спать.

Прекрасной день! куда, куда ты укашисся?

Приди скорѣй оняшь.

Игралъ севодня я, и прыгалъ и смѣлся,

И шму вкушалъ оспрадъ;

Но что въ ученьи я прилѣжно упражнялся,

Тому я больше радъ:

Родителямъ моимъ я сдѣлалъ угожденье

Прилѣжношью своей,

За то подасшь мнѣ сонъ покой и улажденье

Въ ночи прекрасной сей.

Во снѣ увижу я робяшочекъ блаженныхъ,

Которые въ раю;

Они проводятъ дни въ ушѣхахъ совершенныхъ,

Я съ ними ихъ дѣлю.

Приди скорѣе сонъ и дай мнѣ насладиться;

И дай вкусить покой;

Но прежде надлежитъ мнѣ Богу помолишься;

Поспой, о сонъ поспой!

Ты, Боже, далъ мнѣ все, чѣмъ я ни ушѣшаюсь,

На что я ни взгляну:

Училей, ошца, мать, домъ и чѣмъ питаюсь,

И всю сію страну,

И садъ прекрасный нашъ, гдѣ я всегда гуляю,

Когда урокъ скажу,

Малину, вишни ѣмъ, иль бабочекъ гоняю,

Иль просто такъ сажу;
 И мало ли еще? съ пушистыми цвѣтами
 Мой милой цвѣшничокъ,
 Игрушечки мои, мой домикъ съ голубками,
 И рѣчку и прудокъ,
 И красные деньки, и жизнь сію безцѣнну,
 И время поиграшь,
 И время для прудовъ, и солнце, и вселенну—
 Но какъ перецѣпишь
 Всѣмилосши твою, что пымидалъ, Владыко?
 Я всей моей душой,
 Сколь можешь чувствъ моихъ усердье быть
 велико,
 Люблю тебя, Богъ мой!
 Ахъ! даруй, чтобы я прилѣжно обучался,
 И не былъ шалуномъ,
 Чтобы доброе любилъ, ошъ злаго ошвращался,
 Гнушался бышъ лгуномъ,
 И ненавидѣ все, что худо, непристойно,
 Хранилъ бы твой законъ,
 Чпилъ машеръ и ошца, жилъ мирно и спо-
 койно—
 Приди теперь, о сонъ!

РАЗГОВОРЪ

У Вариньки съ Митюшею.

Варинька.

Черезъ восемь дней свяшки: башюшка и
 машюшка оляшъ насъ подаряшъ чѣмъ нибудь:

прошлого году, помнишь ты, сколько они намъ пожаловали.

Мишюша.

Помню. Накъ мы пришли къ нимъ Христа славишь и поздравили ихъ съ праздникомъ, шакъ бапюшка пожаловалъ намъ по двѣ игрушки, да машушка по сполькуже.

Варинька.

Съ какою радостію они насъ дарили! казалось, имъ не меньше нашева было весело.

Мишюша.

Мы еще малы и у насъ ничего нѣтъ, а то бы и мы могли эшимъ упѣшались.—Ахъ, да знаешьли что, сесстрица? черезъ восемь дней Рождество—вишь у тебя есть деньги?

Варинька.

Есть цѣлой рубль. Ну да чтожъ?

Мишюша.

Завтра ярмонка. Вспанемъ-на мы поушру поранѣ и поучимся хорошенько, чтобъ насъ послѣ обѣда оппустили на ярмонку. У тебя рубль, у меня шесть гривенъ; купимъ на половину эшихъ денегъ разныхъ сладшей и игрушекъ, спрячемъ ихъ, и какъ придуть свяшки, то выпросимся у машушки, возьмемъ съ собой дядьку Ивана, и пойдемъ раздадимъ ихъ садовника Якова маленькимъ дѣшамъ.

Варинька.

Да ужъ надобно и Федошки повара робляшишкамъ что нибудь удѣлишь.

М и ш ю щ а.

И вѣдомо! я про шѣхъ чуюсь было не забылъ. Какъ они возрадуются! съ ними эшова я чаю никогда не случилось.

В а р и н ѣ к а.

Конечно не случилось. И мы, подумай, мы будемъ первые шѣ, кошорые шакъ ихъ обрадуемъ.—

О голубчикъ мой братецъ! поцалуй меня.— Кабы поскорѣй пришли свашки!

М и ш ю щ а.

Однако миѣ вспало на умъ нѣчто— —

В а р и н ѣ к а.

Нучшо шакое? скажи пожалуйста. Неужъ ли шебѣ жалъ спало!— А вишь эшо наши деньгн: мы можемъ ихъ упошребить на чшо хошимъ, право можемъ.

М и ш ю щ а.

Я эшо знаю, да—

В а р и н ѣ к а.

Ну чшоожъ шакое?

М и ш ю щ а.

Вишь деньгн, кошорыя шеперь у насъ, пожаловали намъ башюшка съ машушкою. Коли мы ихъ спанемъ давашъ бѣднымъ дѣшямъ— Ну, шакъ спало бышь не мы ихъ эшимъ даримъ, а даряшъ башюшка съ машушкою.

Ч а с ш ѣ I.

В а р и н ь к а.

Это правда; да у насъ нѣтъ никакихъ другихъ денегъ.

М и ш ю ш а.

Знаешь ли что, Варинька? я умѣю вязать, да и шы шапке.

В а р и н ь к а.

Да; да много ли умѣю?

М и ш ю ш а.

По крайней мѣрѣ шы можешь связать подвязки; а я ужъ двѣ недѣли какъ вяжу чулки для бабюшки. Спанемъ спарашься чшобъ поспѣли къ свяшкамъ и мои чулки и свои подвязки.

В а р и н ь к а.

На что?

М и ш ю ш а.

Экая шы! да мы продадимъ ихъ бабюшкѣ: онъ намъ за нихъ вшрое больше пожалуешь, нежели чего они спшбашъ.

В а р и н ь к а.

Да; однакожъ ярмонка-ша завшра, а мы къ завшрему эшова не успѣемъ сдѣлать.

М и ш ю ш а.

Въ эшомъ нѣтъ нужды. Мы шеперъ возмемъ будшо займы изъ нашихъ денегъ сколько намъ завшра на покупку понадобится, а послѣ такоежъ число назадъ шуда и положимъ. Тогда шо ужъ подлинно можемъ мы о

себѣ сказать, что мы сами—разумѣешь ли?—
сами бѣдныхъ дѣшей обрадовали.

В а р и н ѣ к а.

Разумѣю, разумѣю. О какъ это хорошо!
какъ любо! кабы поскорѣй пришли свѣчки!

М и ш ю ш а.

Какъ мы щасливы, что ужъ собствен-
ными своими трудами умѣемъ доставлять
себѣ такіа утѣхи?

В а р и н ѣ к а (привал),

О кабы поскорѣе пришли свѣчки!

М и ш ю ш а.

Еще восемь деньковъ, сестрица; а завт-
ра мы пойдемъ на ярмонку.

~~~~~

АЛЕКСАШИНА МОЛИТВА.

О ты, который на дѣшей
Съ небесъ высокихъ призираешь.
И слогъ нескладной ихъ рѣчей
И лепешанье ихъ внимаешь,
Внемли мою молитву Богъ!
И сердце даруй мнѣ такое,
Чтобъ мнѣ прошивно было злое,
Чтобъ доброе любить я могъ,

Въ просупки часто я впадаю
И шажу съ маминькой гнѣваю;
Къ тебѣ, о Боже, прибѣгаю,

*

Исправь, исправь меня, молю!
 Прилѣжно всякой день учишься
 Во мнѣ желаніе всели,
 И ахъ, не дай мнѣ ни коли
 Нричашь, упряму бышь, сердидься.

Когда я голубковъ своихъ
 Пшеницей накормишь спараюсь,
 (А у меня вишь пара ихъ)
 О какъ я ими ушѣшаюсь!
 Какъ шихо жизнь они ведутъ,
 И какъ между собою дружны!
 Какъ смижны! какъ всегда послушны!
 Скажу гуль, гуль: они идушь.

Досады я опъ нихъ не знаю,
 Одну имѣю къ нимъ любовь;
 Съ спыдомъ я часпо разсуждаю:
 За чѣмъ я шапже не шаковъ?
 Какъ можешь шваръ со мной сравнишься?
 Ты, Господи, мнѣ разумъ далъ,
 Чшобъ зло съ добромъ я разбиралъ . . . .
 Но ахъ, я долженъ ихъ спыдидься!

Когда я о своихъ дѣлахъ
 Судишь начну какъ должно строгаго,
 Какимъ я бышь желаю, ахъ!
 Еще не доспаешь мнѣ много.
 О Боже! благосшью швоей
 Содѣлай, чшобъ я былъ послушенъ,

Прилѣженъ, шихъ, великодушень,
И словомъ, лучшій изъ дѣшей!

ПРИМѢРЪ ВЕЛИКОДУШНАГО БЛАГОДѢ- ТЕЛЬСТВА.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ въ одномъ изъ большихъ Нѣмецкихъ городовъ хлѣбъ шакъ былъ дорогъ, что многіе бѣдные люди помирали съ голоду.

Въ то время жилъ тамъ одинъ Герцогъ, человѣкъ предобрый и весьма жалостливый. Онъ упѣшался тѣмъ, что Богъ далъ ему великое богатство, коимъ можешь онъ способствовать бѣднымъ, и щедроты его изливались на многихъ, о кошорыхъ доходило до его свѣденія.

Однимъ утромъ, одѣвшись въ простое платье, побѣжалъ онъ въ большой садъ, и, оставя у воротъ онаго коляску и слугу своего, пошелъ одинъ ходишь по саду.

Едва отошелъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ изъ за куста выскочилъ человѣкъ, кошорой усава ему пистолезъ въ грудь пребоваъ у него десяти талеровъ (по нашему рублей). Человѣкъ эшопъ, стоя передъ нимъ, весь шряся и дрожалъ, и блѣденъ былъ какъ смерть.

Герцогъ взглянулъ на него съ нѣкошо-

рымъ сожалѣнiемъ, вынулъ изъ кармана кошелекъ, опщичалъ пребываемое имъ число денегъ, опщдалъ ему и сказалъ: ты видишь, что въ кошелькѣ у меня гораздо больше десяти шалеровъ; судя по ремеслу швоему не очень честному, кажешся, долженъ ты и эшихъ опъ меня попотребовашь.

Разбойникъ не опвѣчалъ на эшо ни слова и удалился. Герцогъ, держа кошелекъ свой въ рукахъ, смотрѣлъ ему съ удивленiемъ въ слѣдъ, покуда онъ вышелъ изъ воротъ сада. Тогда Герцогъ кликнулъ своего слугу и велѣлъ ему идти за эшимъ человѣкомъ и примѣчать, куда онъ пойдешъ.

Потомъ сѣлъ въ свою коляску, поѣхалъ спокойно домой, и никому о семъ приключенiи не сказывалъ.

Черезъ нѣсколько часовъ возвратился къ нему слуга его и увѣдомилъ, что человѣкъ эшошъ прошелъ прямо къ хлѣбнику, заплашилъ ему пять рублей спараго долгу, и купя у него большую корзину ржаныхъ хлѣбовъ опнесъ ихъ домой; а живетъ онъ въ глухомъ переулкѣ въ одномъ спаромъ доикѣ на чердакѣ подъ самою кровлею.

Герцогъ сказалъ: хорошо! и оппустилъ слугу своего.

На другой день сѣлъ онъ въ коляску, взялъ съ собою нѣсколько человѣкъ людей

своихъ, и приказалъ себя везши шуда, гдѣ
эпошъ разбойникъ живешъ.

Прѣхавъ къ дому ошановиася, вышелъ
изъ коляски, принужденъ былъ по многимъ
безпокойнымъ лестницамъ вскарабкаться
на самый верхъ, и постучался въ двери
шой малой горницы, въ кошорой, по сказа-
нію слуги его, человекъ эпошъ жилъ.

Разбойникъ самъ отворилъ ему дверь, и
вдругъ, увидя его ошснулъ назадъ съ ша-
кимъ ужасомъ, словно какъ бы громъ передъ
нимъ упалъ.

Но Боже мой! какое зрѣлище!—больная
жена и шесперо изнемогшихъ дѣшей вала-
лись на голомъ полу! на лицахъ ихъ изобра-
жалась смершная блѣдность, и нѣсколько
спарыхъ лоскушьевъ едва прикрывали наго-
шу худошавыхъ шѣлъ ихъ!

Долго нещасный ошецъ сего пребѣдна-
го семейшва не могъ выговорить ни слова;
напослѣдокъ бросился къ ногамъ Герцога и
дрожащимъ голосомъ, указывая на жену и
дѣшей своихъ, сказалъ:

„Вошъ, государь мой, причина, для ко-
шорой я васъ ограбилъ! уже шромъ суши
сѣи нещасные не имѣли куска хлѣба во
рпу; хлѣбникъ, кошорому я долженъ былъ,
не хощѣлъ мнѣ больше вѣрить. Всего имѣ-
нія ошавалось у меня одинъ спарой изло-
манной писполешница, кошорого никакъ у

меня не покупалъ; я опнесъ его къ хлѣбнику, но и онъ не давалъ мнѣ за него больше двухъ гривенъ, и по въ зачосъ долгу: тогда голодная и спрашная смершь жены и шестерыхъ малыхъ дѣшей моихъ предсхавилась мнѣ въ шакомъ ужасномъ видѣ, что довела меня до опчаянія: безчувственъ побѣжалъ я самъ не зная куда; вы первый со мною встрѣбились, и я, не взирая на опшращеніе мое опъ гнуснѣйшаго изъ злодѣяній, приступилъ къ оному.

Предайше меня правосудію; я достоинъ смерши, и хочу умереть. Но о! государь мой!—(шущъ обнялъ онъ колѣна Герцоговы)—Ежели естъ въ васъ соспраданіе, сжалитесь надъ бѣдною женою моею и будише опецъ моимъ злополучнымъ дѣшамъ!“

Больная машъ подняла вопль и рыданіе, моля о пощадѣ мужа ея; малыя голодомъ изнуренныя дѣши ползли къ ногамъ Герцога, воя и прося о помилованіи несчастнаго ихъ опца.

Герцогъ прослезился; велѣлъ имъ успокоиться, и увѣщавалъ мужа сего съ крошкю и безъ гнѣва.

Помомъ вынувъ изъ кармана кошелекъ, далъ ему нѣсколько денегъ, и приказалъ, по искупленіи на оныя нужныхъ для бѣднаго семейства его събснныхъ припасовъ, приди къ нему во дворецъ.

Тутъ узнали несчастные, что это самъ Герцогъ, и чуть не умерли отъ страха.

Бѣдный сей преступникъ хотѣлъ промолвить еще нѣчто къ своему оправданію, но добродушный Герцогъ успокоилъ его, и повторилъ приказаніе свое, чтобы онъ пришелъ къ нему.

Когда сей по повелѣнію его исполнилъ и къ нему явился, тогда Герцогъ на содержаніе семейства его опредѣлилъ ежемѣсячно нѣкоторое число денегъ, а самому велѣлъ ему ходишь къ себѣ во дворъ, для исправленія работъ, за которыя ему особливо платишь будешь.

Мужъ сей обливался радостными и благодарными слезами, и съ того времени не проходило ни одного дня, въ которой бы онъ съ женою и дѣтьми своими, стоя на колѣняхъ предъ Богомъ, не проливалъ теплыхъ и усердныхъ моливъ о здравіи и долголетіи сего великодушнаго ихъ благодѣтеля.

ЛѢТНЯЯ ПО УТРУ ПѢСЕНКА

Трудолюбивый Николаша, живучи лѣшомъ въ деревнѣ, никогда не просыпалъ солнечнаго восхода: отъ того всегда былъ бодръ и веселъ. Часто по ушрамъ выходилъ онъ на лежащій не подалеку отъ жилища его приго-

рокъ , на кошоромъ споя любовался пріятно-
ностями окружающей его страны, и нерѣд-
ко въ удовольствіи сердца своего такъ пѣвалъ:

По крапкой и пріятной ночи
Мои оптверзлись снова очи,
Се паки пѣсенку свою,
Природы красотамъ дивися,
Умомъ и сердцемъ веселяся,
Въ восторгѣ сладкомъ я пою.

Покрышы здѣсь листки роскою;
Съ цвѣтами лугъ передо мною;
Все въ полѣ спѣешь и распеешь:
Вонъ тамъ начается пшеничка,
А тамъ краснѣетъ земляничка;
О боже! какъ хороша твоя свѣтъ;

Синѣютъ тамъ бугры лѣсисы;
А небеса—какъ свѣтлы, чисты!
Лазурь въ нихъ смѣшенъ съ хрусталемъ.
Журчаніе тамъ рѣченъ слышно;
А тамъ какъ величаво, пышно,
Блещаетъ солнышко лучемъ?

Куда я взоръ ни обращаю,
Повсюду вдругъ себя сръшаю
Людей спѣвающихъ изъ домовъ,
Чтобъ, красной веселясь погодой,

Разсыпанныхъ вездѣ природой
Сбирашь обиліе даровъ.

На холмѣ стоя семь высокою
И я, смоля веселымъ окомъ
На общіе труды сіи,
Готовъ сего дня дѣлать поже:
Услышь мою молишву, Боже,
Благослови дѣла мои!

Дадень въ трудахъ препровождаю,
Тебѣ владыко, угождая,
Доволенъ буду самъ собой,
И тихой ночи подъ крылами,
Подъ маковыми сна цвѣтами,
Вкушу пріятнѣйшій покой.

ЕСТЬЛИ ХОЧЕШЬ, ЧТОВЪ ИГРА ТЕБЯ ВЕ-
СЕЛИЛА, ТАКЪ ИГРАЙ УМѢРЕННО И СТА-
РАЙСЯ БЫТЬ ПРИЛЪЖЕНЪ.

Я бы севодня весь день все играла, ма-
шущка! говорила малинькая Анюша.

Весь день?

Да, сударыня!

Пускай будетъ по швоему, сказала при-
страшная мать, кошорая не могла дѣлать
своимъ ни въ чемъ опказывашь; только я ду-
маю, ты послѣ сама жалѣешь спанешь.

Нѣтъ, нѣтъ, мапушка!—и съ сими словами побѣжала Анюша забрать всѣ свои игрушки. Но она была одна; братья и сестрицы ея сидѣли всѣ за ученъемъ. (Это былъ день непраздничной).

Она сперва веселилась по волѣ какъ умѣла, и играла долгое время, но напослѣдокъ удовольствіе ея мало по малу спало уменьшавшяся.

Она играла во всѣ тѣ игры, копоры знала, такъ что не могла ихъ больше выдумать, а повсорятъ старыя было уже для нее скучно.

Она пришла къ матери и просила ее сказать ей новыя игры, и чтобы она пришла вмѣстѣ съ нею поиграть; однакожъ матери было недосугъ и она принуждена была въ этотъ разъ ей отказать, хотя и не охотно сіе дѣлала.

Тогда малюшка нахмурившись сѣла и ожидала, какъ бы поскорѣ настала часъ, въ которой братья ея и сестрицы перестанутъ учиться и придутъ играть всѣ вмѣстѣ.

Она побѣжала къ нимъ на встрѣчу, лишь только ихъ увидѣла, и жаловалась на свою скуку, и рассказывала какъ она нестерпиво ихъ ожидала.

Они обошлись съ нею ласково, и чтобы развеселить ее, стали играть во всѣ лучшія игры, въ какія они только по праздникамъ играли.

Однакожь всѣ ихъ усердныя спаранія были бесполезны: Анюша опять жаловалась, что это для нее не новыя игры, и что ужъ онѣ ей наскучили. Никакъ всѣ сговорились, чтобъ ничего шакова не дѣлашь, что бы ее увеселяло!

Тогда Кашюша, старшая изъ дочерей и разумная дѣвушка одиннадцати лѣтъ отъ роду, взяла ее за руку и съ ласкою сказала:

„Послушай Анюшунка! ежели ты не осердишься, то я тебѣ скажу, что причиною твоей скуки.—Ты сама, ты видишь, мы всѣ веселы, хотя и чаще себя играли этими играми.

„Но мы учились и дѣлали себѣ пользу; отъ того мы въ играхъ находимъ больше удовольствія. Ежели бы ты сперва поприлѣжнѣе поучилась, то бы вѣрно онѣ тебѣ столько же пріятны показались сколько и намъ.

Мать пришла и услыша слова Кашюшины, увѣряла Анюшу, что она ей говоритъ правду.

ГУСЬ И УТКА.

Гусь ушкѣ говорилъ:

Куда ты, ушка,

Имѣешь мало у себя разсудка!

И кто тебя такой походкѣ научилъ

Дурной, нескладной?
 Пристойноль голову шакъ низко пошупляшь,
 Ходишь и ковыляешь?
 Взгляни, какой я спашной!
 Съ какою бодростью высоко въ верхъ держу
 Свою я шею,
 Какъ ею
 Повершываешь умѣю,
 И гордо какъ хожу!
 Кшо въ важной выступцѣ со мною могъ
 сравнишься?
 Оставь, сосѣдка, свой манерь,
 Возми съ меня примѣрь:
 Какъ должно въ свѣшѣ жишь, пора тебѣ
 учишься.
 На вѣшу ушка рѣчь сказала: ква, ква, ква,
 И повшорила раза съ два
 Сія слова,
 А значили они: куда де ты гусяшка
 Какой великой хваспунишка!
 Поди-ка къ лебедю и шамъ ты передъ нимъ
 Похвасчай мастерствомъ своимъ,
 Изобличи его передъ собой пороки,
 И послѣ приходи давай ко мнѣ уроки.
 Не полюбился складъ
 Ушиной гусю шушки,
 Пошелъ нахмурившись назадъ,
 И говорилъ: ума ни крошки нѣшь у ушки!

ЧИСТОСЕРДЕЧНЫЯ ДѢТИ.

Однажды послѣ обѣда въ ясную погоду Мишюша съ Палагеюшкой получили отъ ма-
машушки своей позволеніе ийти однимъ по-
играть въ саду.—(Сію вольность заслужили
они хорошимъ поведеніемъ своимъ въ по-
утро).

Долгое время играли они весело и хоро-
шо, какъ добрымъ дѣшамъ играть должно.

Въ саду стояли съ плодами различныя
деревья, между кошорыми было одно моло-
дое персиковое дерево, въ первый разъ плодъ
принесшее. На немъ не много было перси-
ковъ, но они шѣмъ пріятнѣе казались.

Мать не сорвала еще ни одного изъ
сихъ персиковъ, хотя уже они довольно бы-
ли зрѣлы: она берегла ихъ къ пріѣзду отца,
кошорой куда-то отъѣзжалъ.

И какъ она однажды навсегда запрети-
ла дѣшамъ своимъ, чшобъ они безъ ея поз-
воленія плодовъ въ саду не рвали, спадшихъ
же не поднимали и не кушали, а припомъ
привыкла видѣшь ихъ всегда послушными;
шо на этомъ разъ ничего имъ о персикахъ
не сказала.

Когда сіи малюшки довольно наигрались,
шо побѣжали кругомъ, осмашривали пре-
красные плоды на деревьяхъ и любовались
глядя на нихъ.

Напоследокъ прибѣжали они и къ персиковому дереву, подлѣ котораго вѣтромъ сшибены лежали два прекрасные персика. Мишюша первый ихъ увидѣлъ, забылъ о машушкиномъ запрещеніи, поднялъ одинъ персикъ и скушалъ, а другой ошдаъ Палашѣ, у которой онъ также не долго былъ цѣлъ.

Когда персики были съѣдены, тогда Палаша вспомнила о машушкиномъ приказаніи, чтобы не показавъ ей не кушашъ ни какихъ плодовъ.

Ахъ, брашець! сказала она, мы не послушались машушки, она шеперь на насъ прогнѣвается; какъ намъ быть?

МИТЮША.

И! да она не свѣдаетъ.

ПАЛАША.

Какъ не свѣдаешь? брашець! а развѣ вошь какъ мы сдѣлаемъ: ты знаешь, что она и большіе проступки иногда намъ прощала, когда мы ей чистосердечно въ нихъ признавались...

МИТЮША.

Да, однакожь мы ее послушались, а ты знаешь, что она за послушаніе всегда наказываетъ.

ПАЛАША.

Пусть инъ накажетъ; но вишь это она любя насъ сдѣлаешь, а мы впредь не будемъ

забывать того, что она приказываетъ намъ или запрещаетъ.

МИТЮША.

Правда швоя, сесприца! но это, что она принуждена будетъ насъ наказашъ, сдѣлаешъ ей опять не малую печаль.—А я не могу видѣть ее печальною.

ПАЛАША.

И я также, братецъ! Ну, да какъ она еще печальнѣе будетъ, когда узнаешъ, что мы ошъ нее просшупокъ свой ушвили? а хопя бы и не узнала, но съ какимъ сердцемъ спанемъ мы на нее смотрѣмъ, знаяши за собою такую вину? не стыдно ли намъ будетъ, когда она приласкаетъ насъ и назоветъ любезными дѣшми, а мы эшова не заслуживаемъ?

МИТЮША.

Ахъ, голубушка сесприца; я вижу, что ты лучше меня разсуждаешъ. Пойдемъ, пойдемъ къ ней, и признаемся въ нашемъ непослушаніи.

Тутъ обнялись они и взявшись рука за руку пошли.

Мапушка сударыня! сказала пришедъ Палаша, мы тебя не послушались! накажи насъ, мы шово спшбимъ. Только не гибвайся, не будь печальна; мы забыли о швомъ зашщеніи.

Потомъ расказалъ Мишюша, что они сдѣлали, расказалъ подробно всю правду.

Ч а с ь I.

15

Добрая матиъ такъ пронуша была чисто-сердечіемъ своихъ дѣшей, что она прослезилась. Она не наказала ихъ за ослушаніе и на сей разъ охотно имъ простила, ибо думала, что они раскаяніемъ своимъ довольно наказаны, и чрезъ то научились впредь остерегаться отъ непослушанія.

ВЕСЕННЯЯ ПѢСЕНКА.

Взгляньте, какъ ясно лучъ солнца блискаетъ;

Зелень пріятна луга украшаетъ ;
Хладный распалъ и снѣгъ ужъ и ледъ ;
Въ полѣ цвѣточикъ и шравка расцветъ.

Съ шумнымъ жужжаніемъ кучкой немалой
Пчелки шолпятся вокругъ розочки алой;
Песпрая бабочка, въ бархатѣ вся,
Смогришь любуясь сама на себя.

Жавронки къ верху высоко віюшся;
Пѣсенки пшичекъ въ лѣску раздаюшся;
Громки ихъ гласы, но всѣхъ ихъ громчей
Нѣжный малюшко поетъ соловей.

Взоры куда я свои ни кидаю,
Всюду веселье, улыбки вспрѣчаю;

Бьется ошъ радости сердце мое!
Господи! славно будь имя швое.

ВЕЛИКОДУШНОЕ ДИТЯ.

Мальчишка былъ и выросъ великонекъ,
Малчишка неплохонекъ,
Да шолько изъ избы не вышупалъ ногой.
Не знаю для чего содержанъ былъ такъ строгаго,
Да мнѣ и знашь о шомъ пошребности не
много;
Довольно, что мальчишка мой,
Окромѣ печи,
На коей грѣлъ онъ плечи,
Другова ничего на свѣшѣ не видалъ :
Онъ можешъ бышь хворалъ,
Такъ за болѣзнію все дома ошавался.
Пришла пора
Мальчишиѣ ѣхашъ со двора;
Ошецъ его куда-шо собирался;
Не вѣдаю о шомъ ,
То лѣшомъ было иль весною,
Но ѣхалъ онъ верхомъ
И сына взялъ съ собою.
Мальчишка, вырвавшися изъ долгой заперти,
Всему дивишся:
Ему все чудо зришся ,
Что онъ ни встрѣишъ на пуми:
Всѣ холмики ему казалися горами,

Всѣ лужицы морями;
 Вопросамъ не было конца,
 Замучилъ ими онъ опца.
 Впослѣдокъ, пушъ свой продолжая,
 Они въѣзжаютъ въ лѣсъ,
 А къ нимъ бѣжитъ на встрѣчу песь,
 Иль попрошу сказать, собака злая,
 Хохлашая, большая.

Мальчишка мой кричишь:
 Скажи мнѣ башюшка, вонъ эшо что бѣжитъ?
 Опець опшѣпсхуесть, мальчишку искушая:
 Одругъ мой, знаешь ли? вишь эшо злой медвѣдь,
 Онъ хочешъ насъ сожрашь, намъ должно
 умереть!

Мальчишка мой опнюдь шого не испугался,
 И говоритъ опцу: сполкни меня
 Съ коня,
 Чшобъ въ зубы я къ нему попался,
 А какъ меня онъ спанешъ жрашь,
 Ты можешъ, башюшка, опселѣ ускакашь.

ХУДО БЫТЬ НЕПОСЛУШЛИВЫМЪ.

Чешыре маленькія дѣвушки, окончавъ
 часы своего ученія, играли съ саду:

Учительница и купно пріятельница ихъ,
 кошорая никогда опъ нихъ не оплучалась,
 была и на эшошъ разъ съ ними.

Эшо было въ шо время, когда плоды

начинающъ поспѣвать, и естли изъ нихъ копорой упадалъ съ дерева, то дѣти прибѣгали къ ней и спрашивали, поспѣлъ ли онъ и можно ли его кушать.

Нѣвакое дѣло принудило учишельницу пойти изъ саду и оставишь на часокъ своихъ малюшонъ.

Не срывайте, любезныя дѣти, и не кушайте до меня ни какихъ плодовъ, сказала она, и пошла опъ нихъ; а онѣ общались бышь послушными.

Между тѣмъ, какъ дѣти сидѣли подъ однимъ деревомъ и играли, упала передъ ними на землю прекрасная груша:

По своему обыкновенію бросились было онѣ всѣ за нею, но скоро вспомнили, что учишельница имъ запретила, и что не хорошо бы было ее послушаться.

Одна Аннушка, младшая изъ всѣхъ, не хотя воспровивишья своему желанію, побѣжала къ грушѣ, подняла ее и сказала сестрицамъ: я ее благополучно скушаю, а вы будшо не видите!

Послѣ сего идетъ учишельница: малюшки всѣ побѣжали къ ней на встрѣчу, и она спала ихъ спрашивать, были ли онѣ послушны.

Три старшія увѣряли ее безъ всякаго смущенія, потому что онѣ были правы, а

праваго чловѣка совѣсть не укоряешь; но Аннушка стояла покраснѣвъ какъ нѣмая.

Хорошо, сказала учительница, вамъ прѣмь позволяю я идши вонъ въ ашотъ уголокъ сада и кушашъ шамъ вишни и малину; на васъ можно положишься, что вы ничего незрѣлаго или запрещеннаго кушашъ не съѣдите. Я между шѣмъ пойду и буду сидѣшь въ бесѣдкѣ.

Но ты, Аннушка, не можешь участвовашь въ ихъ удовольствіи, пошому что ты безъ меня запрещенныхъ плодовъ накушаешься, или ошъ многого объяденія занеможешь, а я еще имѣю сполько къ тебѣ любви, что не хочу тебя до того допустить.

Аннушкѣ было весьма чувствительна, она сожалѣла о своемъ непослушаніи; но сія чувствительность послужила ей къ великой пользѣ.

А именно, она подала ей поводъ одуматься и узнать, въ какую опасностъ каждую минушу вдается дѣшя подверженное сему пороку, и для того Аннушка съ тогожъ часа твердо вознамѣрилась всегда бышь послушною.

Она сіе исполнила и наслаждалась, какъ и прочія ея сестрицы, любовію всѣхъ шѣхъ, которые ее знали, и могла уже во всѣхъ забавахъ позволяемыхъ шѣмъ, безъ всякаго опасенія брать равное съ ними участие.

~~~~~

СЛОВА БѢДНАГО НИКОЛКИ, КОГДА ОНЪ
УСЛЫШАЛЪ О ВОЛЪЗНИ БОГАТАГО ПЕТ-
РУШИ.

Петруша нездоровъ? Петруша захворалъ?
Которой шакъ вчера былъ веселъ и игралъ?
По эшому, хошь кто богашъ и всѣмъ доволенъ,
Но съ бѣднымъ наровнѣ бышь можешъ шакъ-
же боленъ?

Я эшова не зналъ.

Любимый сынъ опца, опъ сполькаго до-
сшашку

Петрушалъ жизнь свою не могъ содѣлать
сладку?

Ни въ чемъ и' никогда онъ нужды не имѣлъ,
Одѣшъ былъ хорошо, со вкусомъ пилъ и ѣлъ,
А шерпилъ лихорадку!

Мы съ брапомъ Бединькой безъ нужды ни
на часъ,

Ѣдимъ лишь чорствой хлѣбъ и пьемъ за рѣдъ-
кось квасъ;

Однако дни свои не худо провождаемъ:
Мы веселы, поемъ, мы рѣзвимся, играемъ,
И нѣшъ здоровѣи насъ.

Не всходяшъ и на умъ намъ мысли прихотъ-
ливы,

Не ѣвши съ роду сливъ для насъ рябина сливы.

Благодарю шебя всѣмъ сердцемъ и умомъ,
О Творче! чшо меня не сдѣлалъ ты Петромъ:
Не онъ, а мы щаспливы.

ДАМЕТЬ И ДОРИСА.

ДАМЕТЬ.

Ахъ! чшо мнѣ дѣлать? боюсь показаться
башюшкѣ. Какъ будетъ онъ шужишь о васъ,
бѣдныя козы! — Нѣтъ! Я не могу видѣть
слезъ его; лучше пойду. пойду, куда
глаза глядятъ. Бѣдной я!

ДОРИСА.

О чемъ ты плачешь, Даметь?

ДАМЕТЬ.

Ахъ, Дориса! кабы ты знала. каково
мнѣ! подумай только: двѣ козы, кошорыхъ
мнѣ башюшка велѣлъ пасши, спрыгнули съ
горы и убились до смерти! У бѣднаго спа-
рика только и всего имѣнія было; мы пиша-
лись ихъ молокомъ. Теперь чшо намъ оста-
лось? Чѣмъ мы будемъ жить? Бѣдныя ко-
зочки! какъ я ихъ любилъ! Онѣ часто игра-
ли со мною на травѣ; часто лежали сми-
рненько у ногъ моихъ, когда я подъ шѣнію
древеси сидѣлъ. Я нарочно ходилъ выбирать
любимую имъ травку, кормилъ ихъ изъ своихъ
рукъ, водилъ всегда къ чистому источнику,
холилъ ихъ, мылъ, и прежде самъ не ложился

спать, покуда ихъ не опшводитъ въ хлѣвокъ.
Теперь ужъ ихъ нѣтъ! ахъ ахъ!

Д О Р И С А.

Но какимъ образомъ это сдѣлалось? Для
чево ты за ними не смошрѣлъ?

Д А М Е Т Ъ.

Я на часокъ предъ шѣмъ сошелъ съ горы
въ долину, и искалъ шамъ цвѣшовъ, чшобъ
сплесни себѣ вѣнокъ. Между шѣмъ какъ я
хожу и рву цвѣшки, Тирсисова большая со-
бака съ другой стороны горы бѣжипъ во
всю мочь и лаешъ: бѣдныя мои козочки
испугавшись бросились съ горы безъ памяти!
я кричу, бѣгу; но прибѣжалъ уже шогда,
шогда онѣ мершвыя у ногъ моихъ лежали!

Д О Р И С А.

Бѣдной ты!

Д А М Е Т Ъ.

Ахъ! не шуши о мнѣ, шуши лучше о мо-
емъ опцѣ: ты знаешъ какъ онъ бѣденъ, а
теперь я его еще бѣднѣе сдѣлалъ, лишилъ
послѣдняго: О Дориса! ушѣшь его безъ меня:
я во вѣни ему не покажусь, уйду куда глаза
глядяшъ.

Д О Р И С А.

Ты безумшвуешъ, Даметъ; развѣ ты
хочешъ больше его опечалишъ? ты знаешъ,
какой онъ доброй, шощасъ себя просшишъ.

Д А М Е Т Ъ.

Такъ, Дориса; но сіе шо самое, чшо я

его люблю и онъ меня любишь, пуще меня сокрушаешь: я не могу на горестъ его смощрѣшь.

Д О Р И С А

Послушай, Дамешушка; оспанься съ нами. Какъ можешь ты любишь опца и наводишь ему такую жестокую печаль? Оспанься и только молчи! Ты вѣдаешь, какъ я богата, и что на здѣшнихъ поляхъ спадо мое всѣхъ больше: какую розницу могушь мнѣ сдѣлать двѣ козы? Пойдемъ, мой другъ, я тебѣ ихъ съ радостію подарю.

Д А М Е Т Ъ.

О Дориса!—О любезная!—Ахъ ты мнѣ жизнь возвращаешь!

Д О Р И С А

Какъ щасливѣе шомъ, кшо можешь дѣлать добро другимъ!

Д А М Е Т Ъ.

Теперь пойду я къ башюшкѣ. Какъ бѣдный старикъ обрадуется! Какъ будетъ онъ тебѣ благодаренъ! пойдемъ—Но нѣтъ! возьмемъ козъ и приведемъ къ нему сами—О Дориса! скажи, какъ мнѣ тебя любишь? какъ оказашь тебѣ свою благодарность?

Д О Р И С А

Молчи!—Двѣ козы прежде были у тебя, а шеперь, чшобъ больше обрадовать швоего опца, я тебѣ даю шрехъ овецъ машокъ и съ агняшниками.

ДА М Е Т Ъ.

О небо!—Я умру отъ радости! Дориса!
любезная Дориса! нѣтъ! этова много!

Д О Р И С А.

Пойдемъ , возьми изъ моего спада козъ
пивоихъ и овецъ.

О люди! естъ ли что сладостиѣ удо-
вольствія благодѣтельствовашъ себѣ по-
добнымъ ?

ЛИСИЦА И ЛЕВЪ.

Лисица льва на единѣ узрѣвъ,
Поджавши хвостъ пришла къ нему смиренно

И говоритъ уничиженно:

Высокомочный левъ !

Осмѣлюсь донести не ложно ,

Что по моей къ тебѣ любви не можно

Никакъ того мнѣ перенесъ ,

Что бы твою при мнѣ кто шрогалъ честь.

Оселъ меня совсѣмъ выводилъ изъ шерпѣнья:

Онъ, не храня къ тебѣ почтенья ,

Мнѣ часто говоритъ ,

Что будшо я хвалю себя напрасно ,

Что онъ въ тебѣ достоинствъ шѣхъ не
зришь ,

О коихъ я ему шолную ежечасно ;

Что будшо мужества не видно шво-
его ,

Великодушія въ тебѣ что будшо мало,
 Чшо ты похвальнаго не сдѣлалъ ни-
 чего ;

Чшо правосудія въ тебѣ и небы-
 вало.

Левъ , выслушавъ сіе , съ минушку помол-
 чалъ ,

И шако ошвѣчалъ :
 Равны мнѣ ваши лица ,
 На гнусну лесшь лисицы,
 И на ослову брань и гнѣвъ
 Не смопришь левъ.

~~~~~

ВИТТИНГТОНЪ.

Въ Лондонѣ (вы я думаю знаете, гдѣ
 эшошь городъ лежишь?) богатшой нѣкшо ку-
 пецъ принялъ къ себѣ въ домъ одного пре-
 бѣднаго сироту , у кошораго ошець и машь
 умерли.

Мальчикъ эшошь назывался Рихардъ Виш-
 шингшонъ. Съ начала, для шого чшо онъ еще
 очень малъ былъ, не употребляли его ни въ
 какому дѣлу: и шакъ онъ бѣгалъ шолько вез-
 дѣ въ домѣ.

Но онъ нашель самъ себѣ дѣло: спалъ
 прилѣжно собирашь и пряшашъ потерянныя

Булавки и брошенные голландскія нитки, копторыми купцы увязываютъ свои шовары. Когда онъ дюжины двѣ булавокъ и довольно толстой пучокъ голландскихъ нитокъ собралъ, то принесъ ихъ къ господину своему въ кабинетъ.

Господину его это понравилось: мальчикъ эшопъ, подумалъ онъ, можетъ со временемъ быть вѣрный и бережливый смолришель за домомъ. Съ того времени онъ больше занимался имъ и полюбилъ его.

Однажды онашилась кошка: одинъ изъ людей того дома взялъ маленькихъ копяищъ и понесъ ихъ бросишь въ рѣку; мальчикъ выпросилъ себѣ одного кошенка съ шѣмъ, чшобъ его вскормишь и послѣ продашь. Далъ ему, онъ кормилъ его, кошенокъ выросъ и сшалъ прекраснѣйшій кошъ.

Спустия нѣкоторое время купецъ оширавлялъ въ далекую землю большой корабль съ шоварами, для продажи шамъ оныхъ. Когда онъ шель на него посмошрѣшь, все ли порядочно укладено, мальчикъ всшрѣшилсѣ съ нимъ, и кошъ у него на рукахъ.

Рихардъ, сказалъ ему купецъ, нѣшъ ли у тебѣ чего оширавить за море на продажу?—

Ахъ сударь, ошвѣчалъ мальчикъ, вы знаете, что я бѣденъ и ничего не имѣю, кромѣ ошова коша.

Ну такъ пошли коша, сказалъ купецъ. Рихардъ пошелъ за нимъ на корабль, оставилъ тамъ своего коша и просилъ чтобъ его продали. Корабль поплылъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ корабельщикъ присталъ къ одному оспрову, кошорой до того времени совсѣмъ не извѣстенъ былъ. Вышли на берегъ и услышали, что на ошомъ оспрову владѣеть Король.

Король лишь только узналъ о прибытіи въ землю его чужестранцевъ, то велѣлъ ихъ позвать къ себѣ обѣдать. Кушанья на столѣ было много, но почти ничего ѣсть не лзя.

Въ горницѣ такая пропасъ была мышей и крысъ, и такихъ смѣлыхъ, что онѣ спадми по столу бѣгали, пожирали кушанья, и даже изъ рукъ у гостей куски хватали.

Не могли найши никакова способа къ избавленію отъ нихъ, хотя Король шому, ншо ошопъ способъ сыщеть, обѣщалъ дашь кучу золоша въ награду.

Чужестранцы услышавъ сіе сказали Королю, что они привезли съ собою звѣря, ко-

второй всѣхъ мышей и крысъ передавишь; и велѣли принести коша.

Тутъ-то было чего посмотришь, какъ онъ началъ всѣхъ мышей пырять! черезъ полъ часа ни одна крыса не смѣла показаться носу.

Король такъ этому обрадовался, словно какъ бы что ему другое царство подарилъ; и какъ онъ имѣлъ неизчерпаемое богатство, то и далъ за коша цѣлую бочку золоша. Корабль поплылъ назадъ.

Купецъ лишь только услышалъ, сколько за коша денегъ дали, то позвалъ къ себѣ мальчика, рассказалъ ему о его щастіи, увѣрилъ его, что все это золошо ему одному принадлежать будетъ.

Потомъ обучилъ онъ его торговымъ дѣламъ, и какъ увидѣлъ, что сей молодой человекъ продолжаетъ быть трудолюбивъ, вѣренъ и бережливъ, то по пришествіи его въ совершенный возрастъ, выдалъ за него за мужа единородную дочь свою, и сдѣлалъ его наследникомъ всего своего имѣнія.

ИСТИННЫЙ БРАТЬ.

Преставился отецъ, остались при сына:

Они имѣніе дѣлять между собой,

И всякъ изъ нихъ пошѣмъ въ удѣлъ опходипгъ
свой,

По нѣсколькихъ годахъ жестокая судьбина
Послала въ шу срану
Кровавую войну:

Отъ непріятельскихъ орудій обнаженныхъ,
Изъ селъ и изъ домовъ своихъ возженныхъ
Всѣ жишели бѣгушъ,

И страхъ одинъ съ собой бѣгушіе несутъ.
Два брата изъпроихъ, которы раздѣлились,
При общей пагубѣ людей

Всего имѣнія, всѣхъ блахъ своихъ лишились,
А съ ними и надежды всей.

Но претій братъ изъ нихъ оспался невредимо,
Гроза сія его прошла по щасью мимо.

Услышавъ о своихъ онъ братьяхъ, что они
Всего лишены,

Проводяшъ въ бѣдствѣ дни,
Свирѣпаго врага рукою разоренны,
Вѣщаешъ самъ себѣ: такъ я одинъ богашъ,
А братья будушъ нищи,

Шапашься день и ночь безъ пищи?...
Какой я буду братъ!

Сіе сказавъ потчасъ письмо пригошовляешъ,
Немедленно гонца по братьевъ посылаешъ:
Они пріѣхали.... Се братская любовь!
Онъ съ ними часъ свою дѣлишъ по равну
вновь.

РАЗГОВОРЪ ВЪ САДУ.

Дѣйствующія лица:

Доброумъ, надзирашеть.

Графъ Николай, семи лѣтъ.

Иванъ, работникъ двѣнадцати лѣтъ.

Графъ Андрей, осми лѣтъ.

Фока рыбакъ.

Гр. Николай.

Какъ эшто малой (*указывая на Ивана*) въ грязи роешь! посмотрите, господинъ Доброумъ, какъ онъ весь замаранъ! фуй! гадко на него смонрѣшь!

Доброумъ.

Такъ, эшто правда; но за чѣмъ онъ эшто дѣлаешъ?

Гр. Николай.

Какъ за чѣмъ? онъ копаешъ гряду подъ спаржу и выбрасываешъ изъ нее худую шраву.

Доброумъ.

Да на что эшто?

Гр. Николай.

Чшобъ спаржа лучше росла.

Доброумъ.

А!... шакъ онъ эшто для насъ работаешъ?

Гр. Николай.

И вѣдомо. Не ужлижъ ему самому обжираться спаржею.

Доброумъ. (*постоявъ нѣсколько и смотря съ ласкою на Ивана.*)

Вѣдной малой! какъ онъ шрудитъ! по-
Ч а с ш ь I.

смотри онъ замаранною рукою пошъ съ лица своего ошираешь. Я дивлюсь, чшо онъ не бросишъ работу и не уйдешъ.

Гр. Николай.

О! эшова онъ сдѣлашъ не смѣешъ.

Доброумъ.

Не смѣешъ?—для чего?

Гр. Николай.

Развѣ вы не знаете, чшо онъ сынъ на-
шева Пепра, котрой живешъ тамъ вонъ
близко жишницъ?

Доброумъ.

Онъ сынъ ево? эшова шолшова мужика,
котрой, какъ мы были на сѣмокосѣ, тамъ
былъ приаѣженъ и веселъ?

Гр. Николай.

Такъ, такъ; и котрой хотѣлъ еще изъ
своей кружки меня напоишъ.

Доброумъ.

Предоброй человекъ! а самъ нибѣ въ
шомъ шакую нужду, пошому чшо тогда бы-
ло очень жарко.

Гр. Николай.

Да кшо бы изъ ево кружки пить спалъ?
фу! подлинно чшо подлые люди иногда бы-
ваютъ въ шягосшъ: грубый рыбакъ нашъ,
Фока, всегда подаетъ мнѣ руку, а она у не-
го такая мерзкая!

Доброумъ.

Именно, кожа на его рукахъ ошъ рабо-

ны сдѣлалась полсною, а учтивостямъ свѣтскимъ онъ не научонъ.—Чтобъ ты сказалъ, Графъ, ешлы бы башюшка швой всѣхъ эшихъ людей изъ своей деревни выгналъ, а на мѣсто ихъ набралъ бы все чистоплошныхъ и опрашныхъ?

Гр. Николай.

То-шо бы было хорошо!

Доброумъ.

Чтобъ это все такіе люди были, съ которыми могли бы мы прогуливаться, ходишь къ нимъ въ гости; они бы хорошо были одѣшны, имѣли у себя чистыя руки, и слѣдственно не были бы такъ гнусны и отвратительны какъ сіи?

Гр. Николай.

Ахъ! коли бы балюшка это сдѣлалъ!

Доброумъ.

Попробуемъ, спанемъ говоришь ему, можешь быть онъ на это и согласишься. Хочешь ли?

Гр. Николай.

Хочу, очень хочу!

Доброумъ.

Но—одно миѣ на умъ приходитъ.

Гр. Николай.

Что такое ?

Доброумъ.

Я думаю, ипожъ въ будущую осень на-
молошишь намъ хлѣба? Вишь сіи люди въ

чистинныхъ плащаницахъ и съ бѣлинными
ручками сдѣлашь этова не могушь!

Гр. Николай.

О! хлѣба мы можемъ купишь сколько
намъ надобно.

Доброумъ.

Купишь? — да шо, на что покупаюшь,
деньги шо откуда мы возьмемъ? Видишь ты
знаешь, что прикащикъ всегда къ башюшкѣ
швоему приносишь большой мѣшокъ, когда
продасшь хлѣбъ.

Гр. Николай.

Да еще правда.

Доброумъ.

А запачканой рыбакъ, когда оннесетъ нѣ-
сколько карповъ на рынокъ, не приносишь
ли также съ собою денегъ?

Гр. Николай.

Да, онъ эшо дѣлаешъ.

Доброумъ.

А другой запачканой мужикъ, кошпорой
всегда на скопномъ дворѣ навозъ нюхаетъ,
когда онъ накопишь нѣсколько кадокъ жошпо-
ва масла, не достаетъ ли чрезъ шо деньги?

Гр. Николай.

Такъ, эшо правда.

Доброумъ.

И чтобы мы сжали дѣлашь, естли бы у
насъ денегъ не было? намъ бы надлежало или
умереть съ голоду, или милоспину просить.

Кому мы тѣмъ обязаны, что не имѣемъ въ этомъ нужды?

Гр. Николай.

Тѣмъ, которые доспаютъ намъ деньги.

Доброумъ.

Слѣдовательно эшимъ чорнымъ мужикамъ и рабочнякамъ, этому скошнику и этому рыбаку съ жоскими руками и въ запачканомъ плащѣ! Могли ли бы сіи бѣлоручки, которыхъ бы мы на мѣсто ихъ набрали, доспавашъ намъ столько какъ они? могли ли бы тѣ работашъ?

Гр. Николай.

О, нѣтъ! они бы эпова не могли.

Доброумъ.

Конечно нѣтъ; ибо ежели бы имъ надлежало ворочашъ такіа глыбы земли, канія вонъ эпомъ Иванъ ворочаетъ, то бы они скоро опказались. Помнишь ты; братецъ швой Андрей не успѣлъ при раза ударить молошилкою, какъ уже весь вспотѣлъ и успалъ.

Гр. Николай.

Да, да, эпо правда, и я не понимаю, какъ прослоюдинцы могутъ цѣлой день сносить такую работу,

Доброумъ.

Имъ также не легко, и для того должны мы имъ всячески благодѣтельствовашъ: одна-кожъ имъ и не такъ трудно, какъ бы эпо было намъ, потому что члены ихъ оцъ ра-

Гр. Андрей.

Правда швоя, Иванъ, правда. *(Оттрасываетъ свое платье).*

Гр. Николай. *(обнимая его.)*

Полно не укусила ли она шебя, брашець?

Гр. Андрей.

Нѣшъ, нѣшъ, будь спокоенъ и не дѣлай по моему. Господинъ Доброумъ, я шопчасъ приду къ вамъ назадъ, шолько слово скажу Ивану. *(Идетъ къ нему въ садъ).*

Доброумъ. *(съ меньшимъ Графомъ стол на дворѣ.)*

Ну, Графъ! что ты шеперь скажешь о Иванѣ? еще ли онъ шебѣ нажешся шакъ просъ и гнусенъ, что не лзя на него безъ омерзѣнія смотрѣшь?

Гр. Николай.

Ахъ, нѣшъ! я ево очень полюбилъ.

Доброумъ.

Онъ эшо и заслуживаетъ, а съ нимъ вообще всѣ люди, которые обыкновенно шакже какъ онъ неушомимы въ шрудахъ, довольны своимъ сосшоянiемъ, добросердечны и съ охошою всякому помогають, какъ скоро имѣють къ шому случай. Пречесшныя люди! не больше ли они для насъ шрудяшся, нежели для самихъ себя?

Гр. Николай.

Ахъ! шакъ, эшо правда.

Доброумъ.

И не должны ли мы за то бышь къ нимъ доброжелательны, спарашься облегчашь ихъ шруды и благодаришь Бога, что онъ шанихъ намъ далъ помощниковъ, копорые для насъ больше дѣлають, нежели мы сами?—Конечно, кто презираешь мужика, или еще дѣлаешь ему зло, шотъ долженъ бышь весьма глупый или весьма злой человекъ; глупый, шотому что не знаешь, сколь полезно и дошпопочтенно сіе состояніе; злой, по шому что собшвенному благодѣшелю своему вредишь.—Или не назовемъ мы благодѣшелемъ шого, кто намъ благо дѣлаешь? а сіи добрые и шрудолюбивые люди не дѣлають ли намъ ежедневно много добра своими шрудами?

Гр. Николай.

Тако, што подлинно правда. Опнынѣ я ихъ всегда любишь буду. (*Между тѣмъ увидя рыбака бѣжитъ къ нему на встрѣту и подаетъ ему руку*). Здорово, Фока, здорово!

Фока.

Дай шебѣ Господь много лѣшь здравшвовашь, кормилецъ мой!—(*Графъ Николай ведетъ его за руку къ надзирателю*).

ВЕСНА.

Спаль воздухъ синь и шепль, долина зелена,
 Лилей разцвѣшають,
 Спруи въ берегахъ играютъ.
 Пріятная весна,
 Какъ дѣва красная ко браку разряженна,
 Роскошествова вездѣ блискаетъ изпещренна.

Желающій ея пріятности вкушаетъ,
 Въ поля идетъ избранны.
 Въ луга благоуханны,
 И сѣвши опдыхаетъ
 Подъ тѣнью шамъ древесъ, гордящихся ли-
 ссами,
 Восхваляишь Господа и сердцемъ и усшамъ.

НАТАША.

Наташа всѣхъ превосходила
 Чрезмѣрной рѣзвостью дѣшей,
 И что ей мать ни говорила,
 Безъ пользы было то для ней.

Играетъ однажды въ жмурки спала
 И какъ мужикъ она блажной
 По шулямъ, по шоломъ снакала,
 Кричала бѣгая: гей, гой!

Лице ея какъ угль горѣло
 И пошъ съ нею рунѣми лѣлъ,
 Въ ней сердце билось и кипѣло,
 Дышашъ почти не спало сѣлъ.

Тихонько шавъ она уходилъ,
 Оставля на часокъ игру,
 И воду свѣжую находилъ,
 Чѣмъ жажду утолилъ въ жару.

Сладка ей кажется водица!
 Но бравъ Пепруша въ слѣдъ за ней
 Бѣжитъ крича: пестрой сестрица!
 Я машушкѣ скажу, не пей!

Она рукою погрозила,
 И воду выпивъ всю со льдомъ,
 Бѣда швоя, проговорила,
 Коли скажешь ты кому о помъ.

Пепруша самъ не вѣдалъ много,
 За что бранишь за эшо машъ.
 И не судя объ эшомъ спрого,
 Направилъ ноги вновь скакашъ.

На завтра томчасъ онъ приходилъ
 Нашашу видѣшъ по ушру;
 Но ахъ, въ коли жалостномъ находилъ
 Онъ состояніи сестру!

Бѣдняшка вопишь со слезами,
 Ни сѣсть ни лечь ей не даетъ,
 Какъ будто острыми иглами
 Ее кто колешь, шакъ рвешь!

Петруша побѣжалъ споняя,
 Тоску свою онъ въ садъ понесъ,
 Тамъ руки къ верьху воздѣвая
 Онъ просишь помощи съ небесъ.

Межъ шѣмъ лѣкарство сославляюшь,
 Нашамѣ въ ложкѣ подаюшь;
 Къ несчастію не помогаюшь
 Ни прозьбы ни угрозы шушь:

Она шу ложку прочь толкая
 Кричишь лишь: горько! нѣтъ! ой нѣтъ!
 Мать щелчно говоришь лаская:
 Принудь себя, прими, мой свѣтъ!

И лѣкаръ какъ ни ублажаетъ,
 То посулишь здоровье ей,
 То смертью злою угрожаетъ,
 Не слушаешь его рѣчей!

Болѣзнь межъ шѣмъ усугублялась,
 И ахъ! на упренней зарѣ,
 Нашаша бѣдная скончалась
 Лежала мершвая въ одрѣ!

Тогда Пешруша вдругъ вбѣгаетъ;
Сестру зря блѣдну предъ собой,
На шѣло съ крикомъ упадаетъ,
И шущъ же вѣкъ кончаетъ свой.

Тѣла ихъ вмѣстѣ положили,
И надъ могилой сдѣланъ знакъ.
Сіе отъ Лейпцига съ полъ мили;
Нѣко ѣдешъ мимо, видишь всякъ.

ДѢТСКІЕ РАЗГОВОРЫ,

шолкующіе о вещахъ, умствованіемъ пости-
гаемыхъ, и служащіе пищею разуму.

РАЗГОВОРЪ I,

О томъ что такое тѣло.

Дитя.

Башюшка! я спросилъ севодни у дядюш-
ки, что такое мѣсяць? а онъ мнѣ сказалъ:
шѣло. Я не могу ашова понять. Мѣсяць со-
всѣмъ не похожъ на человѣка, а мнѣ ка-
жешся шѣло только у человѣка бываетъ.

Отецъ.

Нѣтъ, мой другъ, дядюшка правду ска-
залъ. Надобно только тебѣ вдуматься ра-
зумѣшь, что такое шѣло.

Даша.

Да какъ же я это сдѣлаю?

Отецъ.

Послушай прилѣжно, шакъ я тебѣ рас-
полюю. Всѣ тѣ вещи называющіяся лѣлами,
которыя можно глазами видѣшь, и рукою
ощупашь. Ты самъ себя можешь видѣшь и
щупашь или осязашь: и шакъ ты—

Даша.

Тѣло!

Отецъ.

Да, тѣло. А вонъ этошъ камень, кото-
рой шамъ лежишъ, тѣло ли онъ?

Даша.

Я думаю.

Отецъ.

Можешь ли ты его видѣшь?

Даша.

Могу.

Отецъ.

А рукою осязашь или пощупашь?

Даша.

И то могу.

Отецъ.

Ишакъ камень есть тѣло. Далѣе: вонъ
это дерево, которое шамъ споминъ, это
ли ты его видѣшь?

Даша.

Могу.

Отецъ.

А щупашъ ?

Дитя.

Также могу.

Отецъ.

Слѣдовательно и дерево также есть —

Дитя.

Тѣло.

Отецъ.

Теперь спанемъ говоришь о мѣсяцѣ. Можешь ли ты его видѣшь?

Дитя.

Какъ же, я по ночамъ всегда его вижу на небѣ.

Отецъ.

А можешь ли ты осязашъ, пощупашъ, допронуться до него рукою?

Дитя.

Нѣтъ, эшова я не могу.

Отецъ.

Для чего не можешь? для того что онъ отъ насъ далекъ, шакъ ли? но ежели бы ты могъ подойши къ нему близко, то бы и ощупашъ его могъ, шочно также, какъ можешь ощупашъ землю, на кошорой ты спойшь. — Вонъ, на примѣръ, эшомъ домъ: ты видишь его, но можешь ли до него допронуться?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Для чего нѣтъ?
Ч а с ѣ ъ I.

Дитя.

Для того, что онъ далеко отселъ.

Отецъ.

Чтожъ? не ужъ ли для этого ты не сочтешь его шломо?

Дитя.

Сочту, потому что еесли бы я тамъ подлѣ него былъ, такъ могъ бы до него допронуться.

Отецъ.

Такъ, ты справедливо рассуждаешь. Равнымъ образомъ еесли бы ты и подлѣ мѣсяца былъ, то также могъ бы до него допронуться; но шуда не можемъ мы взойти.

Дитя.

Для чегожъ не можемъ?

Отецъ.

Для того, что между нами и мѣсяцомъ ничего нѣтъ, кромѣ воздуха; а по воздуху мы лешать не можемъ.

Дитя.

Какъ жаль; о кабы это можно было!— Но что такое воздухъ?

Отецъ.

Воздухъ ешь также шло.

Дитя.

И! башюшка, вы надо мною шупише! вишь я не могу видѣшь воздуха.

Опець.

Правда; но ты можешь его осязашь или ощущашь.

Дитя.

Извините, башюшка сударь, я и эшова не могу.

Опець.

Не можешь? дай мнѣ свою руку. (Онъ дуеѣ на нее). Ощущаешь ли ты что нибудь?

Дитя.

Ощущаю вѣшрь.

Опець.

Вѣшрь эшомъ не иное что, какъ воздухъ, кошорой я изо рпу на швою руку пускаю: ты можешь его ощущашь, а попому и онъ—

Дитя.

Долженъ бышь шѣло.

Опець.

Новошъ здѣсь шѣнь моя; видишь ли ты ее?

Дитя.

Вижу.

Опець.

А можешь ли осязашь ее, взяшь руками?

Дитя.

Я посмошрю. (Хватаеѣ тѣнь). Нѣшъ, башюшка, я не могу ее осязашь.

Опець.

Спало бышь шѣнь не ешъ шѣло.

Дитя.

Чшожъ она шакое?

Ощецъ.

Тѣнь собственно естъ ничто, одно шольно пѣшно или мѣсто, на которое свѣтъ не падаетъ, для того, что какое нибудь шѣло заслонетъ его отъ онаго—Помниже: все то, что ты видѣшь и оцупашъ, особливоже что оцупашъ можешь, когда ты стоишь подлѣ, все то естъ шѣло. И такъ солнце, мѣсяцъ, звѣзды, пшицы, деревья, камни и проч. все эшо шѣла, потому что ты всѣхъ ихъ видѣшь, и коли близко стоишь, то и оцупашъ или осязашъ можешь.

Дитя.

Башюшка, я выдумалъ загадку!

Ощецъ.

Какую? скажи.

Дитя.

Что такое, что мы видѣть можемъ, а оцупашъ нѣтъ, хоть бы подлѣ стояли?

Ощецъ.

Очень хорошо! эшо должна бытъ тѣнь.

Дитя.

Ахъ, башюшка! вы ошгадали. Ну теперъ побѣгу я къ сесприцѣ Варинькѣ и ей загадаю. Какъ она спанентъ надъ эшимъ голово ломашъ!

РАЗГОВОРЪ II.

О разности между словами теловѣкъ и существо.

Ощецъ.

Васинька, что ты такое?

Дитя.

Я человекъ, башюшка.

Отецъ.

А что такое человекъ?

Дитя.

Человекъ есть—человекъ есть—

Отецъ.

Чтожъ такое? я вижу ты не можешь
найши приличнаго слова.

Дитя.

Человекъ есть—я право не знаю какъ бы
это сказать.

Отецъ.

Ну ежели ты скажешь: человекъ есть
дерево?

Дитя.

Извинише, башюшка: человекъ не дерево.

Отецъ.

Или вещица—можноли сказать: человекъ
есть вещица?

Дитя.

Нѣтъ, башюшка; я человекъ, но я не ве-
щица.

Отецъ.

Ну! итъ вещь?—человекъ есть вещь? ка-
ково тебѣ это кажется.

Дитя.

И это кажется не хорошо.

Отецъ.

Такъ я тебѣ скажу слово, которое ты въ

разговорахъ употребляшь можешь: *существо*.
Человѣкъ есть существо.

Дитя.

Существо—существо—я этова не разумѣю.

Отецъ.

Видишь, мой другъ, когда мы чему нибудь шакому, что мы видимъ или слышимъ, не умѣемъ дать настоящаго имени, то называемъ это вещью. Напримѣръ ты бы увидѣлъ соху въ полѣ, и не зналъ какъ ее называть, тогда бы ты спросилъ: какая это вещь? также употребляется слово сіе для сокращенія разговоровъ: напримѣръ, если бы на столѣ у тебя лежали книги, яблоко, часы, перстень, карандашъ, ножичекъ и проч, и ты бы захошѣлъ приказать все это спрашивать; тогда, вмѣсто чтобы каждую изъ сихъ вещей называть по имени, ты бы гораздо короче сказалъ дядкѣ своему: спрячь эти вещи. Но для того то, что все, даже и самое презрительное, можно называть вещью, слово сіе спановишься низко, и неприличествуешь, чтобы прилагать оное къ человѣку; и какъ слово существо тожъ самое означаетъ, что и вещь, того ради лучше говоришь: человѣкъ есть существо, нежели человѣкъ есть вещь. Ипакъ человѣкъ есть существо, но какое существо?

Дитя.

Живое.

Опець.

И кошка шакже жива; не ужъ ли же кош-
шка челоувѣкъ?

Дитя.

И! башюшка.

Опець.

Почемуужъ не шакъ, мой другъ?

Дитя.

Она совсѣмъ не похожа на челоувѣка.

Опець.

Это правда; но и люди не почно одинъ
на другого похожи; и шакъ одного вида для
различенія сего не довольно, — Какъ назы-
ваешся все то, что мы у челоувѣка видимъ—
голова его, шея, грудь, брюхо, ноги, и однимъ
словомъ все?

Дитя.

Тѣло-челоувѣческое.

Опець.

А какъ называется то невидимое живое
существо, которое въ этомъ тѣлѣ живетъ,
и самое тѣло дѣлаетъ живымъ?

Дитя.

Душа.

Опець.

Чтожъ ежели мы скажемъ: челоувѣкъ есть
существо живошное, сосшавленнѣе изъ души
и тѣла?

Дитя.

Будешь очень хорошо.

Отецъ.

Но у кошки ешь ли шбло?

Дитя.

Ешь.

Отецъ.

А душа?

Дитя.

Эшова я не думаю.

Отецъ.

Для чегожъ нѣшь? развѣ кошечье шбло не
такоеже живое, какъ наше? и развѣ нѣшь въ
немъ также невидимаго живаго существа, или
души, кошорая сіе шбло ея дѣлаешь живымъ?

Дитя.

Да, эшо правда.

Отецъ.

Спало бышь кошка ешь также живое
существо, сосшавленное изъ души и шбла?
спало бышь все равно, что кошка, что чело-
вѣкъ?—ты онѣмѣлъ, мой другъ, Васинька! не
знаешь что отвѣчать? послушай, я тебѣ
скажу въ чемъ состоишь разность. Канъ ты
думаешь, въ сосшояніи ли кошка, подобно
намъ, о чемъ нибудь разсуждаешь? можешь ли
она понять, какъ ты теперь понялъ, что
такое существо?

Дитя.

Нѣшь, эшова она не можетъ.

Опець.

Сіе шо самое дѣлаешъ, чшо она имѣешъ *неразумную*, а мы имѣемъ *разумную* душу.

Дишя.

Ахъ! шеперь я знаю какъ сказашъ, когда у меня спросяшъ: чшо шаное чловѣкъ?

Опець.

Какъ же ты скажешъ?

Дишя.

Я скажу: чловѣкъ естъ живошное сущешво, состоящее изъ шѣла и разумной души.

Опець.

Вошъ эшо шанъ! шогда всякой различишъ чловѣка ошъ кошки.

Дишя.

Но бываюшъ ли другія сущешва, кромѣ чловѣка и кошки?

Опець.

Другъ мой, мы можемъ всѣ вещи назвашъ сущешвами, хопя бы онѣ нимало другъ на дружку не походили. Напримѣръ, чловѣкъ совсѣмъ не шо, чшо дерево; а дерево совсѣмъ не шо, чшо камень; однако всѣхъ ихъ можно назвашъ сущешвомъ, для шого чшо все шо естъ сущешво, чшо въ свѣшѣ находяшся или сущешвуешъ.

Дишя.

Стало бышъ и звѣрей можно шанже назвашъ сущешвами?

Отецъ.

Конечно можно.

Даша.

А цѣлшы ?

Отецъ.

И ихъ такъ же.

Даша.

Хорошо, я эшова не забуду, и когда какой вещи не буду умѣшь назвашь, шо назову ея существомъ.

Отецъ.

Такъ, моя душа! поцѣлуй же за эшо меня, шы мое милое существо!

~~~~~

РАЗГОВОРЪ III.

О томъ что такое гашь.

Отецъ.

Петруша всѣ ли шы части пѣла своего знаешь?

Даша.

Да я незнаю, башюшка, что такое гашь.

Отецъ.

Я шебѣ шопчасъ эшо располкую. Посмотри, вошь яблоко: я разрѣжу его по поламъ. Тенерь шы видишь два куска, или двѣ половины: одинъ изъ сихъ кусковъ можно ли назвашь цѣлымъ яблокомъ?

Дитя.

Нѣтъ оба они дѣлають цѣлое яблоко.

Отецъ.

Хорошо. Сія по самые куски и называющіеся часнями. На сколько часней я разрѣзалъ яблоко?

Дитя.

На двѣ часни.

Отецъ.

Могу ли я сіи двѣ часни разрѣзатьъ еще на многія часни? на примѣръ, ежели я каждой изъ сихъ двухъ кусковъ разрѣжу по поламъ сколько будешь кусковъ?

Дитя.

Четыре.

Отецъ.

Хорошо. Ипакъ яблоко это, которое было цѣлое, разрѣзано теперь на четыре куска; каждой такой кусокъ называется часнь, и всѣ четыре часни, когда мы ихъ сложимъ вмѣстѣ, составяють цѣлое яблоко. Примѣчай же, мой другъ, что такимъ образомъ всѣ шѣла дѣлать можно, и ты самъ, по ешь швое шѣло, такъ же имѣешь часни.

Дитя.

Какъ, батюшка? да естъли мое шѣло разрѣзатьъ на часни, такъ я умру.

Отецъ.

Для различенія сихъ часней нѣтъ никакой надобности въ самомъ дѣлѣ отдѣлять ихъ. Я

для того разрѣзалъ яблоко, чѣмъ яснѣе тебѣ
расположешь, и дашь увидѣшь по глазамъ,
что ты послѣ и умомъ поймешь. Вотъ
другое цѣлое яблоко; оно не разрѣзано; мо-
жемъ ли мы его также разрѣзать?

Дитя.

Конечно можемъ.

Отецъ.

Спало бытъ можемъ и не разрѣзывая его
знать, что оно имѣетъ части, которыя бы
мы пошчасъ глазами своими увидѣли, когдабы
разрѣзали оное.

Дитя.

Да, это правда.

Отецъ.

Сверхъ того есть тѣла, у которыхъ нѣ-
кошорыя части сами по себѣ отдѣляющся и
довольно примѣшны. Взгляни на меня: ты ви-
дишь голову мою, шею, руки, ноги: Это части
моего тѣла. Ни которая изъ сихъ частей,
одна особо отъ другихъ, не составляетъ цѣ-
лаго тѣла моего, подобно какъ отрѣзанной
отъ яблока кусокъ не составляетъ цѣлаго
яблока. На примѣръ голова моя—составляетъ
ли она все мое тѣло?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Однако она есть часть человеческого
тѣла, пошому что принадлежитъ къ оному.

Могу ли я руку мою назвать всѣмъ моимъ шбломъ?

Дитя.

Нѣтъ, но она принадлежитъ къ вашему шблу.

Отецъ.

Слѣдовательно она есть часть моего шб-ла. Тожъ разумѣется и одругихъ частяхъ или членахъ онаго, какъ-то: голова, носъ, глаза, уши, плечи, грудь, брюхо, ноги и проч. Но какъ части нашего шбла не всѣ одинаковы, того ради нѣкоторыя изъ нихъ называются *жидкими*, а другія *твердыми*: знаешь ли ты что жидкое, и что швердое шбло?

Дитя.

Не знаю хорошенько.

Отецъ.

Послушай же. Я сказалъ тебѣ, что всѣ шбла можно раздѣлять. Вотъ спойшь блюдо съ водою. Смори: я спану ножикомъ разрѣзываешь воду, примѣчаешь ли ты, что она разрѣзалась на куски, какъ давишнее яблоко?

Дитя.

Нѣтъ! она все такова же, какъ и была.

Отецъ.

Это отъ того, что части, которыя отдѣляю я ножомъ, опять вмѣстѣ соединяются: вотъ по этому можешь ты узнать всякое жидкое шбло. Что само собою опять соединяется, когда раздѣлено будешь, то назы-

ваешься жидкимъ; а что будучи раздѣлено, оспаешься раздѣленнымъ, то называешься швердымъ. На примѣръ: ежели я возму кусокъ дерева, и разрѣжу или расколую его по поламъ, то будешь два куска; они не сольются опять вмѣстѣ, какъ вода; вотъ почему познаешься швердое тѣло. Ну! теперь и о другихъ вещахъ можешь ты сказать, которая изъ нихъ швердая, и которая жидкая. На примѣръ уксусъ жидкое или швердое тѣло?

Дитя.

Жидкое.

Отецъ.

Пиво?

Дитя.

Жидкое.

Отецъ.

Сахаръ?

Дитя.

Твердое.

Отецъ.

Кровь?

Дитя.

Жидкое,

Отецъ.

Кости?

Дитя.

Твердое.

Отецъ.

Слезы?

Жидкое.

Даша.

Кожа?

Опець.

Твердое.

Даша.

Опець.

Изъ какихъ же частей состоишь шбѣло швое? изъ швердыхъ или изъ жидкихъ?

Даша.

Изъ швердыхъ и жидкихъ.

Опець.

А можешь ли одно и шожъ шбѣло бышь жногда жидкое, иногда швердое?

Даша.

Мнѣ кажешся нѣшъ.

Опець.

Для чего жъ нѣшъ, мой другъ, масло коровье когда оно распоплено, ешь жидкое шбѣло; а когда опять заштынешъ, шо и сдѣлаешся швердымъ. Золото, серебро, мѣдь, олово, свинець, и многія другія швердыя вещи, шанже распопляшся могушь.

~~~~~

РАЗГОВОРЪ IV.

О словѣ признакъ.

Даша.

Вашюшка, сударь! вы мнѣ говорите, чшобъ я привыкала всегда размышлять, ког-

да что вижу или слышу; скажише, да о чемъ же я размышляю спану?

Отецъ.

Обо всемъ, мой другъ; малоли что тебѣ узнать надобно! когда ты что нибудь видишь или слышишь, что для тебя ново, или чего ты не знаешь хорошенько, то и подумай самъ въ себѣ: что это такое? изъ чего это состоишь? какую приносишь это пользу? и такъ далѣе. До чего самъ добрашься не можешь, о томъ спроси у тѣхъ, которые тебѣ постарѣе и посвѣдущѣе: любопытствомъ приобретающія знанія.

Дитя.

Вотъ я и этого хорошенько не знаю, что такое любопытство.

Отецъ.

Любопытствомъ называется склонность, охота добираться, доспрашиваться, узнавать все то, чего мы не знаемъ. Любопытствовать значить любить испытывать.

Дитя.

А что такое приобретаешь знанія? какимъ образомъ это дѣлается?

Отецъ.

Знанія или свѣденія приобретаются чрезъ подробное разсматриваніе вещей. Мы тогда только прямо знаемъ вещь, когда можемъ ее ото всѣхъ другихъ вещей отличать. Напримеръ, вотъ цѣлая корзина разныхъ плодовъ:

можешь ли ты изъ этой кучи выбраться яблоко, называемое баршшапелемъ?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Это отъ того, что ты не знаешь сего рода яблоковъ, то есть тебѣ неизвѣстны признаки, по которымъ бы ты ихъ отъ другихъ яблоковъ отличать могъ. Но между ними плодами есть также и груши: знаешь ли ты грушу?

Дитя.

Знаю.

Отецъ.

Покажи мнѣ ее.

Дитя.

Вотъ груша, вотъ и другая.

Отецъ.

Почему же ты знаешь, что это груша, а не яблоко?

Дитя.

Потому что она непохожа на яблоко.

Отецъ.

А мнѣ кажется похожа: яблоко зелено, и груша зелена.

Дитя.

Да! но яблоко кругло, а груша продолговата и къ концу остра.

Отецъ.

Хорошо! стало бышь ты по нѣкоторо-
Ч а с ѣ ъ I.

му признаку, по нѣкоторой примѣшѣ, различаешь грушу отъ яблока, а именно по виду, или образу. Груши имѣютъ иной видъ, иной образъ, не такой какъ яблоко. Но когда бы груши положишь вмѣстѣ съ фигами, тогда бы этошъ признакъ не годился, пошому чтоо фиги также продолговаты и остры къ концу, какъ груши. Въ такомъ случаѣ для различія ихъ надлежало бы тебѣ прибѣгнуть къ другому признаку, а именно къ цвѣту, для того чтоо свѣжія фиги имѣютъ темный, а груши зеленой или желтый цвѣтъ. Сдѣлаемъ еще примѣрецъ: вотъ три лѣншы: пускай одна изъ нихъ будетъ швоа, другую я возьму себѣ, а третью пускай принадлежишь маленькому швоему братцу. Смотри я ихъ перемѣшалъ: узнаешь ли ты шеперь свою?

Дишя.

Вотъ она.

Отецъ.

Почему ты узналъ?

Дишя.

Потому чтоо она красная, а обѣ другія не красныя.

Отецъ.

Хорошо, стало быть красной цвѣтъ служилъ тебѣ примѣшою или признакомъ. Но возьмемъ шеперь три красныхъ лѣншы, одну я, другую ты, а третью дадимъ брату. Я перемѣшаю ихъ; выбери свою.

Дишя.

Вошь она.

Ощецъ.

Почему ты знаешь? вишь онѣ всѣ при-
красныя.

Дишя.

Потому что моя длиннѣе.

Ощецъ.

Изрядно; спало бышь шеперь длина по-
служила тебѣ примѣшою или признакомъ.
Далѣе вошь два лоскушка, оба равной вели-
чины и оба голубые; но эшошь шерстяной,
а эшошь шелковой; погладь ихъ рукою, не
примѣчаешь ли ты какой между ими розницы?

Дишя.

Примѣчаю.

Ощецъ.

Дай же я ихъ переимѣшаю—на! узнай те-
перь, кошорой шерстяной, и кошорой шел-
ковой.

Дишя.

Вошь эшошь шелковой, а эшошь шер-
стяной.

Ощецъ.

Какъ же ты эшо узналъ?

Дишя.

Шелкоюй мягче и глаже, а шерстяной
суровѣе.

Ощецъ.

Очень хорошо. И такъ мы не однимъ

зрѣніемъ, но также и осязаниемъ можемъ замѣчать признаки, по которымъ распознается одна вещь отъ другой. Ну еще нѣчто: вопъ стоятъ при буылки, въ одной изъ нихъ вино, а въ другой уксусъ, въ третьей вода. Буылки всѣ три, какъ ты видишь, величиною равны и цвѣтомъ одинаковы. Какова цвѣту въ нихъ напишокъ, эпова ты сквозь буылку примѣшишь не можешь. Какъ же ты узнаешь, въ которой изъ нихъ вино, въ которой уксусъ, и въ которой вода?

Дитя.

Я опшѣдаю.

Отецъ.

Такъ, мой другъ, ты по вкусу доберешься до эпова; но знаешь ли ты какой вкусъ имѣетъ вино, и какой уксусъ?

Дитя.

Знаю: уксусъ всегда кисель, а вино бываетъ иногда сладкое, иногда крѣпкое.

Отецъ.

Хорошо; и такъ ты опшѣдавъ, и зная вкусъ вина, уксуса и воды, по симъ признакамъ будешь умѣть различать ихъ одно отъ другаго. Но положимъ, что ты не смѣешь опшѣдать, а между шѣмъ хочешь узнать, что въ которой буылкѣ налишо: какъ же ты до эпова доберешься?

Дишя.

Естьли опвѣдашь не смѣю, шакъ и узнать не могу.

Ощецъ.

Я скажу тебѣ еще одинъ признакъ: ты можешь это узнать по обонянiю: вино имѣешь ошмѣнцой запахъ отъ уксуса, а вода ничѣмъ не пахнетъ. — Знаешь ли ты брата своего Мишюшу?

Дишя. (смѣясь)

Какъ же не знать башюшка.

Ощецъ.

А почему же ты его узнаешь?

Дишя.

По лицу.

Ощецъ.

Такъ, мой другъ, и хошя бы пашнашцашъ другихъ дѣшей стояли предъ тобою, ты ни одного изъ нихъ не примешь за брата твоего Мишюшу, для того что ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ точно такого лица: спало бышь въ лицѣ его находишь ты такiе примѣты или признаки, по которымъ можешь различать оное отъ лицъ другихъ дѣшей. Такимъ же образомъ и во всякой вещи должно искать признаковъ, опличающихъ ее отъ другихъ вещей. Когда ты какую вещь отъ всѣхъ другихъ опличашъ можешь, такъ это называется что ты имѣешь о ней хорошее понятiе, то есть хорошо ее знаешь. Теперь посмотри

римъ, умѣешь ли ты находить признаки: вошь десятъ каршъ, замѣшь изъ нихъ одну, вошь эшу: сыщи признаки, по которымъ бы ты ее отъ прочихъ отличишь могъ. Завтра я у тебя спрошу какая эшо карша, и ты мнѣ ее изъ десяти выбери.

РАЗГОВОРЪ V.

О словѣ свойство.

Дитя.

Башюшка! я никогда не видывала свойствъ, а часто слыхала, что Богъ превосходныя и ни съ чѣмъ несравненныя свойства имѣетъ: желала бы я на нихъ посмотреть.

Отецъ.

Божьихъ свойствъ, мой другъ, видѣть не лзя, также какъ и самаго Бога, создавша нашего, пошому что онъ не тѣло, а духъ. Одишь только тѣла, и свойства тѣла видѣть можно.

Дитя.

Да что такое свойство?

Отецъ.

Я анагдась сказывала тебѣ, что ты при всякой вещи которую видишь, или о которой слышишь, долженъ стараться замѣчать въ ней то, чѣмъ бы ты ее отъ другихъ вещей различить могъ: помнишь ли ты эшо?

Дитя.

А! помню; признакъ.

Отецъ.

Хорошо, мой другъ, что ты помнишь: итакъ когда ты въ какой нибудь вещи замѣпишь чѣмъ она отъ другихъ вещей отличается, то и старайся узнать, всегда ли это видимое побою неразлучно, или только на время и случайно сопряжено съ нею. Если ты поужь самое всегда въ ней находишь будешь, такъ это ея свойство, и ты по этому признаку вѣрно узнавать ее можешь. А будешь ты не всегда въ ней поужь самое находишь спанешь, такъ это не есть ея свойство, и не такой вѣрной признакъ, на который бы ты въ узнаваніи ее полагаешься могъ. Я разсполкую тебѣ это примѣрами. Вотъ два шѣла—ты знаешь, что шѣломъ называется то, что ты видѣшь и осязашь можешь—одно изъ нихъ есть кусокъ кожи, а другое кусокъ дерева, умѣешь ли ты различить ихъ? покажи, которое кожа, и которое дерево?

Дитя.

Вотъ это кожа, а это дерево.

Отецъ.

Почему ты это знаешь?

Дитя.

Вы мнѣ сказали.

Отецъ.

Это не годится. По этому когда ты уви-

дишь гдѣ кожу вмѣстѣ съ деревомъ и никого не случится, кшо бы тебѣ объ нихъ сказалъ, шо ты и не будешь знать что кожа и что дерево? надобно самому въ каждомъ шѣлѣ опыскивать признаки, шо есть примѣчать, въ чемъ оно отъ другихъ шѣлъ различествуетъ: такъ ли тебѣ кажется кожа какъ дерево, а дерево какъ кожа?

Дишя.

Нѣтъ: кожа сѣрая, а дерево бѣлое.

Ощецъ.

Спало ты по цвѣту или краскѣ различаешь сіи два шѣла; но достапочноли этошъ признакъ для всегдашняго различенія оныхъ? всякая ли кожа всегда бываетъ сѣрая, и всякое ли дерево всегда бываетъ бѣлое?

Дишя.

Нѣтъ.

Ощецъ.

Ну такъ по этому признаку и не узнаешь ихъ. Отсюду заключишь можешь, что сѣрой цвѣтъ не есть свойство кожи, и бѣлой цвѣтъ не есть свойство дерева, пошому что шѣла сіи не всегда таковы бываютъ. Вотъ я тебѣ покажу другіе два кусочка: они оба бѣлые. Теперь ты и не узнаешь, кошорой изъ нихъ кожа, кошорой дерево. Но возми ихъ въ руки, можешь быть ты найдешь въ нихъ нѣчто такое, почему легко различаешь ихъ бу-

дешь. Ну чувствуешь ли ты между ими какую разность?

Дитя.

Да! дерево жестко, а кожа мягка.

Отецъ.

Вошь этошь признакъ лучше перваго; но я тебѣ еще нѣчто покажу: смотри, кожу могу я гнуть и мяшь, а дерево нѣтъ. Тожъ самое примѣчается почти во всѣхъ родахъ кожъ, и во всѣхъ родахъ деревъ: итакъ это есть свойство кожъ, что они гнутся, и свойство деревъ, что они не гнутся, какіебы то ни были, сѣрые или бѣлые, черные или красные. Взгляни на бѣдняжку брата своего: онъ теперь нездоровъ и блѣденъ; но всегда ли онъ бываетъ блѣденъ?

Дитя.

Нѣтъ.

Отецъ.

Спало бышь это не свойство его, потому что не всегда съ нимъ бываетъ. И такъ блѣдность брата твоего не есть такое обстоятельство, которое бы тебѣ къ узнанію его всегда вѣрнымъ признакомъ служить могло. Но какіе у него волосы?

Дитя.

Черные:

Отецъ.

Всегда ли они черны?

Д-ти.

Всегда.

Отецъ.

Спало бышь эшо есть свойство его волосъ, и признакъ, по которому ты его опъ всѣхъ, по крайней мѣрѣ въ домѣ у насъ живущихъ людей, опаличашъ можешь, пошому что нѣтъ ни у кого такихъ черныхъ волосъ, какъ у него. Еще одно: братъ швой всегда веселъ: слѣдовательно веселый нравъ есть свойство его, пошому что онъ всегда, почти во всякое время, веселъ бываетъ. Такимъ образомъ всякая вещь имѣетъ свои свойства. Человѣкъ имѣетъ тѣлесныя и душевныя свойства: онъ прекрасенъ, онъ силенъ или крѣпокъ, онъ шолстъ и прочее: эшо его тѣлесныя свойства. Онъ разуменъ, онъ прилженъ, онъ милосердъ и прочее: эшо его душевныя свойства. Богъ имѣетъ также свойства: онъ благу, премудръ, онъ всевѣдущъ, шо есть все вѣдаешъ; онъ всемогущъ, шо есть все можешъ, что хочешъ; онъ всѣхъ на свѣтѣ вещей шворецъ, господъ и обладатель. Всякая вещь и существо имѣетъ хорошия и худыя свойства: Богъ одинъ совершенно благу, совершенно щедръ, совершенно милосердъ, совершенно премудръ, и такъ далѣе. О сихъ шо свойствахъ божіихъ слышалъ ты, что онъ превосходитъ и ни съ чѣмъ несравненны.

РАЗГОВОРЪ VI.

*О сходствѣ и несходствѣ, или о подобіи и
разлітіи.*

Дитя.

Башюшка! позволѣте мнѣ у васъ нѣчто
спросишь.

Отецъ.

Спроси, мой другъ, и всегда, когда за-
хочешъ, спрашивай: мнѣ очень пріятно ви-
дѣшь въ тебѣ охоту узнавать то, чего ты
еще не знаешь.

Дитя.

Что такое *разлітіе*?

Отецъ.

Напередъ скажи мнѣ, знаешь ли ты что
такое *сходство* или *подобіе*?

Дитя.

Нѣтъ; и этова я не знаю.

Отецъ.

Ну такъ по крайней мѣрѣ знаешь ты
что такое *свойство*?

Дитя.

Да, это я знаю: вы вчера мнѣ объ
этомъ толковали.

Отецъ.

Примѣчай же: когда одна вещь имѣетъ
одинакія свойства съ другою, тогда сіи ве-
щи называющся сходными или подобными
между собою; а когда одна вещь имѣетъ

свойства не такія, какъ другая, тогда сія вещь называюшся несходными.

Дитя.

А, а!

Ощецъ.

Вопъ здѣсь въ горницѣ шесть шульевъ: возьмемъ изъ нихъ два, и чшобъ тебѣ лучше видѣшь, посшавимъ ихъ рядомъ. Ну скажи: почно ли похожи они одинъ на другаго?

Дитя.

Мнѣ кажешся почно похожи.

Ощецъ.

И я шожъ думаю: смопри, эшопъ изъ краснова дерева, и эшопъ шакже: у эшова чорная подушка, и у эшова шакже: канъ эшопъ высокъ, шакъ и эшопъ: однимъ словомъ кановъ одинъ, шаковъ и другой. Чшо же ты примѣчаешь въ сихъ шульяхъ, *сходство* или *разлітїе*?

Дитя.

Сходство.

Ощецъ.

Хорошо. Теперь я принесу скамейку и посшавлю подлѣ шула: похожъ ли шулъ на скамейку?

Дитя.

Совсѣмъ нѣшь!

Ощецъ.

Почему?

Дитя.

Пошому что у спула еспь спинка и
тодушка, а у скамейки эшова нѣшъ.

Ошець.

Такъ, мой другъ, эшо дѣлаешъ различіе
между спуломъ и скамейкою. Ну еще одно,
вошгъ спояшъ два спола: какъ они шебѣ ка-
жущся, сходными или различными?

Дитя.

О башюшка, они очень между собою раз-
личны!

Ошець.

Въ чемъ же?

Дитя.

Эшомъ круглой, а шомъ четвероугольной.

Ошець.

Очень хорошо; но въ пошъ время и не
малое сходство примѣчаемъ мы между ими:
оба они одинаковой вышины, оба на чешы-
рехъ ножнахъ, оба деревянные, во всемъ
эшомъ они сходны, а шолько разняшся обра-
зомъ или видомъ досокъ, изъ кошорыхъ они
сдѣланы. Такое же вмѣстѣ и сходство и
различіе можемъ мы видѣшъ во многихъ ве-
щахъ, напримѣръ въ деньгахъ: вошъ двѣ день-
ги, сходныли онѣ, или различны между собою?

Дитя.

Различны.

Ошець.

А миѣ кажешся сходны, для шого что

у эшой такая же величина какъ у шой, эша круглая и ша круглая.

Дитя.

Да; но эша жолтая, а ша бѣлая.

Отецъ.

Правда; итакъ онѣ различествуютъ цвѣтомъ своимъ, но естъ цвѣтомъ соспѣва или веществу своего: ты вишь знаешь какъ эшо желтое вещество называется?

Дитя.

Золото.

Отецъ.

А эшо бѣлое?

Дитя.

Серебро.

Отецъ.

Слѣдовашельно сіи двѣ деньги образомъ и величиною подобны или сходны между собою, а красною или цвѣтомъ?—

Дитя.

Несходны.

Отецъ.

Или, что шожъ самое, различны.

~~~~~

БѢДНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ И ЕГО СЫНЪ.

Былъ нѣкогда добрый гражданинъ,
Но въ бѣдности ему велѣла жить судьбина;
Лишась жены остался онъ одинъ,
Имѣя маленькаго сына.

Надежды нѣтъ у нихъ и ни кого родни ;
 Отецъ недуженъ, спаръ, слабѣетъ ,
 Сынъ малъ еще и силъ работать не имѣетъ :
 Въ такомъ несчастіи шепчутъ ихъ злые дни .
 Ошколь ждашь помощи, какъ шолько не ошъ
 неба ?

Нешасный сей отецъ
 Увидя наконецъ ,
 Что до послѣдняго уже доходишь хлѣба,
 Пролити слезный шокъ,
 Въ дрожащи хлѣбъ сей принялъ руни ,
 И сокрывая стонъ и муки ,
 Опрѣзалъ сыну ломошкѣ .
 Диши хотъ голодъ ощущаетъ ,
 Но скорбь опцову примѣчаетъ :
 Великодушіе и въ дѣтяхъ ешь :
 Сей мальчикъ самъ себя превозмогаетъ
 И говоришь опцу , что онъ не хочеть
 ѣсть .

Сыновняго къ себѣ почшенія свидѣшель,
 И видя въ младости такую добродѣшель,
 Кшобъ, будучи опцемъ, и въ бѣдности своей
 Не пролилъ радостныхъ слезъ токи изъ очей?
 Возьми, мой другъ; возьми, отецъ ему вѣщаетъ
 И рѣжетъ для себя ошъ хлѣба ломъ другой....
 Какое зрѣлище ихъ очи поражаетъ!
 Какое чудо видятъ предъ собой!

Изъ хлѣба сыплются вдругъ деньги.—И какія?
 Большою часпью золотыя.

Отецъ одѣваетъ

Когда сіе узрѣлъ ;
 Чѣто эѣто! вопіеѣтъ смущенно ,
 Не шрогай денегъ, сихъ,
 Мой сынъ! Останься здѣсь и спереги шы ихъ,
 А я ко хлѣбнику схожу мгновенно:
 Конечно эѣтошъ человекъ
 Незапно какъ нибудъ въ семь хлѣбѣ ихъ запекъ,
 Но въ цѣлосѣи ему шо будешъ возвращенно;
 Долгъ шребуешъ сего.
 Пошелъ, и сына онъ хранишелемъ оставилъ.
 Окакъ сей бѣдный спрашъ на зла шо очипялилъ!
 Однако же опнюдъ не пронулъ ничего.
 Впослѣдокъ хлѣбникъ входилъ,
 На деньги взоры онъ возводилъ
 И говорилъ: друзья мои,
 Не слѣдуешъ опъ васъ мнѣ деньги взять сіи,
 Но вашей радости сорадуясь душою ,
 Я шайну эѣту вамъ охошно объясню:
 Богатой нѣкто, какъ я мню,
 Желая щедрою избавилъ васъ рукою
 Опъ нищеты шоль злой,
 Прислалъ ко мнѣ сей хлѣбъ златой,
 И кляшву взялъ съ меня предъ небомъ ,
 Чѣто ешъли ншо изъ васъ придетъ ко мнѣ
 за хлѣбомъ,
 То хлѣбъ сей вамъ ошдашъ ;
 А имя я его никакъ не могъ узнатьъ.
 Конечно Богъ, въ награду
 Благихъ и честныхъ вашихъ дѣлъ,
 Чрезъ мужа праведна послаши къ вамъ хощѣлъ

Сію опраду.

Накимъ веселіемъ восхитились сердца,
По сихъ словахъ, и сына и отца!

Ихъ руки къ небу вознесенны,

Ихъ очи радостной слезою окропленны,

Ихъ мысли къ Богу устремленны,

Тобою щасливыхъ являють чувство душъ,

О ты, почтенный нѣкто мужъ!

П О В Ъ С Т Ъ.

О двухъ вѣрныхъ друзьяхъ.

Любоческъ и Добросердъ, два вѣрные
друга, отправились путешествовать, дабы
научиться всему, что можешь ихъ сдѣлать
лучшими и благоразумнѣйшими.

Они по долгомъ путешествіи прибыли
напослѣдокъ въ Мекинецъ, сполитной городъ
Марокскаго Императора.

Оштуда хотѣли они еще далѣе продол-
жать свой путь, и увидѣвъ шѣ земли
Африканскія, въ которыхъ нишо почти
изъ Европейцевъ не бывалъ.

Но Любоческу сдѣлался нѣкакой при-
падокъ: за шѣмъ принужденъ онъ былъ
остаться въ городѣ, а другъ его поѣхалъ
одинъ въ назначенный путь.

Между шѣмъ Любоческовъ служилъ
Часть I.

познакомился съ нѣкоторыми живущими тамъ, которыхъ онъ почиталъ за честныхъ людей, но которые послѣ оказали себя бездѣльниками.

Сии люди отдали ему на сохраненіе нѣкія краденныя вещи, о которыхъ онъ не зналъ, что онѣ были украдены.

Хозяинъ вещей увидя ихъ нечаянно въ домѣ у Любочеспа, заключилъ, что онъ ихъ укралъ, и просилъ правительство чтобы посадили его въ шемницу.

Всѣ его оправданія были тщетны; онъ не могъ защищать своей невинности.

Уже нѣсколько мѣсяцовъ спрадалъ сей несчастной въ крѣпкомъ заоченіи, какъ возвратился другъ его Добросердъ изъ путешествія.

Едва свѣдалъ онъ о семъ несчастіи, приключившемся его товарищу, какъ исполненъ ужаса бросился въ шемницу. По неослабнымъ прозьбамъ его позволили ему съ нимъ увидѣться.

Безпамятенъ почти упалъ онъ къ нему въ объятія, и блѣдное его лице оросилъ слезами.

Но какою горестію поразился онъ, когда узналъ обстоятельство о его состояніи, и увидѣлъ, что онъ почти нагъ лежитъ на гнилой соломѣ, ибо одежда его исплыла на немъ отъ сырости, которою зараженъ былъ

воздухъ въ семь тѣсномъ и мрачномъ жилищѣ.

Топтася накинулъ онъ ему на плечи епанчу свою, и ошдалъ все свое плащье, оставя у себя только необходимо нужное, чѣшобъ не нагому ошполъ вышши.

По несчастію былъ онъ самъ ограбленъ во время своего путешествія, и не ошдалось у него ни плащья, ни денегъ, которыми бы могъ онъ хошя нѣсколько уладить горешное состояніе своего пріятеля.

Но всѣ препяшсшва преодолавшая дружба скоро научила его изобрѣсти къ тому способъ.

Онъ вырвался изъ объятий своего друга, пошелъ и въ городѣ записался въ рабочники, гдѣ тяжкими и необыкновенными ему трудами доставалъ ошолько денегъ, чѣш въ вечеру, по окончаніи многотрудной своей работы, могъ спраждущему другу ошоему ошносить нѣкоторое пропитаніе.

Сей часто просилъ его со слезами, чѣшобъ онъ умѣрилъ свое великодушіе, и о самомъ себѣ старался: но нищезны были всѣ прозѣбы.

Добросердъ не чувствовалъ ничего, кромѣ бѣдности своего пріятеля, и всякой трудъ для него понесенной казался ему легкимъ и сладкимъ.

Такимъ образомъ прошло нѣсколько нѣ-

*

сяцовъ, какъ вдругъ запрешили Добросерду ходишь въ шемницу.

Онъ ошъ спраха оледенѣлъ, когда о семъ услышалъ.

Ни прозьба его, ни слезы, ни обниманіе колѣнъ шемничнаго спраха, не могли посо- бишь: велѣно было ему итши пречъ.

Въ горестномъ опчаяніи побѣждалъ онъ нъ судѣбъ, назвалъ себя учаспникомъ мнима- го воровспва, и просилъ, чшобъ посадили его въ шужъ шемницу.

По желанію его было исполнено.

Радостныя слезы пошекли изъ глазъ Любочесша, когда онъ нечаянно увидѣлъ его наки въ шемницу къ себѣ вшедшаго.

Но сія радость скоро перемѣнилась въ ужась и печаль, когда онъ свѣдалъ, накою цѣною купилъ ее великодушной другъ его.

Между шѣмъ, какъ уже дѣла сего пере- мѣнишь было не возможно, и надежды къ освобожденію своему никакой они не имѣли, шо вознамѣрились рука съ рукою взявшись ождидашь мужеспвенно смерти.

Въ шой же шемницѣ сидѣли другіе не- вольники.

Одному изъ сихъ удалось въ ночную по- ру разломать шѣбну, шакъ чшо онъ въ сіе опверзшіе пролѣзъ самъ, и увѣщевалъ дру- гихъ невольниковъ послѣдовашъ его примѣру.

Всѣ они шожъ сдѣлали и освободились;

Одинъ Любочестъ и Добросердъ были споль-
но чесныи, что хошѣли лучше невинно
страдать, нежели непозволеннымъ образомъ
получить свободу. И такъ они остались.

По разсвѣтѣ дня узнали о семъ при-
ключеніи.

Нѣкошорые верховныи судьи пошли въ
темницу, чтобъ самимъ освидѣтельство-
вать сіе дѣло.

Какъ они удивились, когда спросивъ
Любочеста и Добросерда о причинѣ, для
чего они вмѣстѣ съ шѣми не ушли, въ ош-
вѣшъ ошъ нихъ слѣдующее услышали:

„Мы воспишаны въ шакомъ законѣ, ко-
шорой учить насъ власнымъ повиновать-
ся хотя бы онѣ что и несправедливо дѣ-
лали: для того мы хошѣли лучше умереть
нежели употребить непозволенное сред-
ство къ спасенію нашей жизни.“

Судьи пришли въ жалость.

Они увѣрили въ невинности сихъ доб-
рыхъ людей, шопчасъ освободили ихъ и сдѣ-
лали имъ изъ государственной казны такой
подарокъ, съ кошорымъ они безъ нужды
могли возвращишься въ свое отечество.

МАТЬ И ДОЧЬ.

Въ день рожденія одной супруга, другой отца.

Дочь.

Веселіе неся съ собою
 Къ тебѣ я, маминька, лечу,
 И радость раздѣлишь хочу
 Сей день намъ общую съ тобою.

Мать.

Вѣги, любезная, спѣши,
 Въ моихъ объятіяхъ пребуди,
 Прижмаша къ моей пы груди
 Дѣла со мной восшоргъ души!

Объ.

О день ушѣхъ неизрѣченныхъ,
 Источникъ нашихъ дней блаженныхъ!

Мать.

Севодня онъ на свѣшъ рождень!

Дочь.

Онъ намъ севодня подаренъ!

Мать.

Миѣ мой возлюбленной сожигель.

Дочь.

А миѣ дражайшій мой родигель.

Мать.

Онъ сосланъ ошъ небесныхъ силъ,
 Чшобъ образъ ихъ въ себѣ явилъ,

Дочь.

Разумень, вѣренъ, пихъ, незлобень,
 Онъ имъ во всѣхъ дѣлахъ подобень:

Мать.

О колъ благословень вѣнецъ ,
Давъ мнѣ супруга шоль драгова!

Дочь.

О колъ всевышній щедръ Творецъ ,
Давъ мнѣ родишеля шанова!

Объ.

Внемли, о Боже нашъ, внемли
Опъ чистыхъ душъ благодаренье,
И шеплое къ шебѣ моленье:
Продли его шы вѣкъ, продли!

~~~~~

ВѢРНАЯ СЛУЖАНКА.

Недавно жила вдова — гдѣ? вдова я не могъ провѣдать — кошорая почти всего доспавшагося ей послѣ мужа своего довольно доспашочнаго имѣнія несчастнымъ образомъ лишилась. Осталось у ней маленькое иждивеніе: она опдала его въ ростъ, и шѣмъ кое какъ себя содержала.

Купецъ, кошорому она деньги свои поѣрила, и кошораго всѣ почитали богатымъ и благонадежнымъ человекомъ, вдругъ обанкрушился, шо есть прошорговался, разорился. Бѣдная вдова потеряла и послѣдній свой прожитокъ. Обстоятельствы ея сдѣлались весьма шѣсны: спаросишь и недуги не позволяли ей работать; и шакъ надлежало

ей одно изъ двухъ избрать: или записашься въ сиротской домъ, или ходишь по міру.

Правда не подалеку отъ ней въ одномъ большомъ городѣ жилъ родственникъ ея, человекъ довольно досташочной, который могъ бы ее прокормить; но по несчастію этотъ человекъ былъ изъ числа тѣхъ жестокосердыхъ людей, которые чужой нужды не чувствуютъ. Онъ отпреся ей помогать.

Въ семь крайнемъ ея злополучіи, просящая дѣвка, работница, изъ найму ей служившая, и которую теперь, по причинѣ совершенной бѣдности своей, хотѣла она отъ себя отпустить, сдѣлалась ея благотворительницею. Помня ласковое и крошечное обращеніе госпожи своей, когда она была еще въ хорошемъ состояніи, сердце доброй этой дѣвки восхотѣло оказать ей свою благодарность.

Нѣтъ, сказала она (когда госпожа спала ее отпуская), я не оставляю васъ покуда жива; вы до меня были добры, и мнѣ часно жаль было, что я ничего, кромѣ вѣрной службы моей, не могла для васъ сдѣлать.

„Никакой не надобно мнѣ плащъ: по прежнимъ милостямъ вашимъ есть у меня довольно и одежды и обуви. Сверхъ сего накопила я нѣсколько деньжонокъ, которыми отдаю въ займы сосѣду. Я умѣю шить и чулки вязать; коли Богъ дастъ мнѣ здо-

ровье, что и вамъ и себѣ кусокъ хлѣба достану.“

Бѣдная вдова, по неопшстпной прозбѣ доброй эшой дѣвки, съ благодарными слезами приняла наконецъ великодушное ея предложеніе.

Дѣвка сдержала слово, и три года цѣлыхъ работою рукъ своихъ кормила госпожу.

На послѣдокъ родшвенникъ сей вдовы умираетъ и все его имѣніе достается ей по наслѣдству.

Но сія помощь была уже ей не нужна; ибо она сама лежала тогда при послѣднемъ издыханіи, и скоро послѣ того умерла, не успѣвъ новопріобрѣшенному имуществу своему никакова сдѣлать распоряженія.

Наслѣдниковъ послѣ нее никого не осталось: и такъ надлежало имѣнію сему поступить въ казну; но по щастію Государь узналъ о благодарномъ съ нею поступкѣ доброй эшой дѣвки.

„Такое честное дѣло, сказалъ онъ, не долженствуетъ оспашься безъ возмездія: да будетъ она имѣнія сего наслѣдницею.“

Дѣвка получила имѣніе, и всякъ, кто слышалъ о томъ, прославлялъ щедроту Государя, и радовался, что вѣрная служанка сія достойно была награждена.

СИЛА ДѢТСКОЙ ЛЮБВИ.

Крезъ, Царь Лидійскій, имѣлъ у себя единороднаго сына. Сынъ эпошъ былъ нѣмъ. Крезъ взялъ его съ собой на войну, копорую велъ онъ противъ Кира, Царя Персидскаго.

Однажды, во время сраженія, насканалъ на Креза непріятельской воинъ и вознесъ на него мечъ свой, чшобъ ошрубить ему голову: сила усшрашенной любви сыновней была такъ велика, что вдругъ отшверзала горшанъ его и онъ провозгласилъ:—„воинъ! чшо ты дѣлаешь? эшо Крезъ!“

Воинъ испугался: Царь спасенъ былъ, и сынъ его прешалъ бытъ нѣмъ.

УТРЕННЯЯ НИКОЛАШИНА ПЪСЕНКА.

Солнца съ первыми лучами
Бодръ и весель я возшаль:
Свѣтъ пріятный, воздухъ чистый,
Жизнь ушѣшну, радость многу,
Новы силы мнѣ даюшъ.

Пѣтъ кочу; мой духъ взлешаетъ
Вмѣстѣ съ ушренной зарей,
Вмѣстѣ съ жаворонка нѣсньми,
И цвѣшовъ съ благоуханьемъ,
Въ радостномъ восторгѣ въ верхъ.

Все вокругъ меня въ весельи,
 Все, мое что око зришь;
 Тамо въ воздухѣ высоко,
 Тамъ въ морской, глубокой безднѣ,
 Все дышишь и все живешь.

Обишатели земные,
 Существуящи со мной,
 Пшцы, гады, рыбы, звѣри,
 Горы, лѣсъ, луга, долины,
 Я сорадуюся вамъ.

Но безъ зависти взираю
 На блаженство вашихъ дней:
 Ты прекрасна нѣжна роза,
 Ты пригожъ павлинъ спѣсивый,
 Всѣ вы милы, всякъ хорошъ.

Но моя судьба всѣхъ лучше,
 Я предъ вами предпочтенъ:
 Разумъ, слово, добродѣтель,
 Преимущества большія
 Мнѣ Творецъ вселенной далъ.

Ими, ими одаренный,
 Силенъ, крѣпокъ человѣкъ!—
 Вы со мною всѣ созданны,
 Твари, жилили земные,
 Рцыте, рцыте, гдѣ Господь?

Благолѣпный, вѣщеносный,
 Кропкій духомъ, всеблагій,

Милосердія источникъ,
Общій нашъ отецъ, Создатель,
Рцыше, рцыше, гдѣ еси Онъ?

Онъ въ долинахъ, Онъ и въ рощахъ,
Онъ на небѣ, на земли,
И въ глубокихъ Онъ вершепахъ,
И гдѣ солнце свѣтитъ, шамо,
И со мной, гдѣ я спую.

Богъ вездѣ—вездѣ услышишь
Гласъ молитвы Онъ моей:
Съ тихой утренняя зарею,
И съ вечернимъ вѣшечкомъ,
Я всегда Ему пою.

Чѣмъ воздамъ тебѣ, Владыко,
За Твою ко мнѣ любовь?
Ты мнѣ око даль, да вижу;
Ты мнѣ ухо даль, да слышу;
Солнце и луна, швой даръ.

Но на долголь?—вянешъ роза,
Исчезаешъ свѣтъ и день;
Все, что красно и любезно,
Жизнь и радость, все преходишь,
Все минешся, протечешъ!

Нѣжный на щекахъ румянецъ,
Младость, живость, бѣлизна,
Песпроша полей, луговъ,

Зелень дровъ, исчезнушь могушь,
Завтра, днесъ, въ единый мигъ.

Но невинность, добродѣтель,
Мудрость, правда, крошость, честь,
Чувство дружбы, благодарность,
Духъ любви и ссспраданья—
Нѣшь, не могушь умереть!

Естьлижъ правый путь оставя,
Я порокамъ въ слѣдъ пойду;
Естьли зависть, гнѣвъ, гордыня,
Праздность, ложь, лукавство, злоба,
Поселяшся въ грудь мою:

Что въ моей тогда мнѣ жизни?
Пусть меня сокроетъ гробъ,
Пусть какъ роза я увяну,
Какъ листочикъ пожелѣю,
Какъ былинна пропаду.

МАЛЕНЬКОЙ ПТИЦЕЛОВЪ.

Петруша (прибѣжавъ къ матери)

Машушка! машушка! посмотрише что у меня.

Машъ.

Что такое другъ мой?

Петруша.

Пшичка, маленькая пшичка.

Машъ.

Право! да гдѣ ты ее взялъ?

Петруша.

Самъ, самъ я поймалъ, машушка.

Машъ.

Гдѣ?

Петруша.

Въ саду, на гнѣздышкѣ. Тамъ осталось у ней много дѣшнышниковъ; крошечные и всѣ еще голинькіе.

Машъ.

Да куда же ты ее дѣнешь?

Петруша.

Посажу въ клѣшку и спану кормишь. Она будетъ пѣть.

Машъ.

А съ дѣтьми ея что ты сдѣлаешь?

Петруша.

Я и шѣхъ возму, посажу ихъ въ другую клѣшку, и спану также кормишь. Дамъ имъ личекъ, и молочка, и сахарцу, и всего, что они хопяшъ.

Машь.

Другъ мой, ихъ кормишь машь ; безъ ея
попеченія они не будутъ живы.

Петруша.

Какъ же мнѣ съ ними быть? куда ихъ
дѣлать?

Машь.

Не знаю. Но послушай Петрушинька:
теперь намъ не до того, чѣмъ ушѣшались
птичками. Съ нами великая бѣда случилась.

Петруша.

Какая, машушка?

Машь.

За мною скоро пришлютъ, и возмутъ
меня ось васъ прочь.

Петруша.

И! маминька. На что вы меня пугаете?

Машь.

Чѣмъ дѣлать, моя душа? меня велѣно
взять и посадить въ шемницу.

Петруша.

Что это такое шемница?

Машь.

Подземная изба, къ которую меня за-
прутъ, и только что кормишь будущъ, а
никогда уже изъ ней не выпускашь.

Петруша.

А мы гдѣжъ будемъ: я и брашець, и ма-
ленькая сестрица въ колыбелькѣ?

Машъ.

Вы останешесь дома, или можешъ бытъ возмушь васъ и запрушь въ другую такую же избу, и богъ вѣдаешъ, что съ вами будетъ: я боюсь, чтобъ вы безъ меня не померли съ голоду.

Петруша. (заплакавъ.)

Ахъ! да кто это велѣлъ?

Машъ.

Тотъ, кто имѣетъ надъ нами власть.

Петруша.

Какой онъ злой человѣкъ!

Машъ.

Почему злой? онъ такой же доброй, какъ ты. Развѣ ты злой, что взялъ ошъ дѣшей пшичку, и хочешь ее посадить въ клешку, кошорая для ней поже, что для меня шемница. Какъ я, такъ и она, обѣ будемъ запершы, въ неволѣ. Съ дѣшми ея пожъ самое сдѣлаешся, что съ вами: вы останешесь безъ машери, и они поже; за вами нѣкому будешъ ходишь, и за ними поже.

Петруша.

Ахъ машушка! я пуцѹ пшичку.... (выпускаетъ ее изъ рукъ).

Машъ.

Посмотри, съ какимъ она веселіемъ полетѣла! какъ обрадуются голодные малюшки, когда она къ нимъ прилепишь и въ носикъ своемъ принесешъ имъ кормъ!

Петруша.

Да..... А съ нами бѣдными что будетъ!
плачетъ горько).

Мать. *(цалуетъ его).*

Поди сюда, милое мое дитя: сядь ко мнѣ на колѣни. Ты ушѣшилъ пшичку, надобно и тебѣ ушѣшшь. Нѣтъ, мой другъ, никто не возьмешь меня опъ васъ: я нарочно это сказала для швоей пользы. Теперь ты чувствуешь, какъ грусно было бѣднымъ пшенцамъ въ гнѣздышкѣ, когда ты мать ихъ поймалъ, и хотѣлъ разлуча съ ними, заперешь ее въ клѣшку. Ты прежде объ эшъ не думалъ?

Петруша.

Нѣтъ, маминька; а шеперь вижу, что я худо дѣлалъ, шакъ худо; что ежели бы эша пшичка была здѣсь, я бы попросилъ у ней прощенія.

Мать.

Помни же всегда, что всѣхъ звѣрьковъ и пшичекъ, равно какъ и насъ человекъ, создалъ общій нашъ отецъ, Богъ. Онъ далъ имъ жизнь, а съ нею не разлучны радость и печаль: и шакъ кшо безъ нужды мучишь ихъ и поступаешь съ ними безъ жалости, словно какъ съ безчувственными вещами, шощъ, показывая худое сердце привыкаешь къ жестокости, и не достоинъ того, чтошбъ милосердый Богъ самому ему радостную даровалъ жизнь.

Ч а с ш ь I.

20

АНДРЮШИНА ПОХВАЛА ЗИМѢ.

Не тебя одну, весна,
 Въ пѣсняхъ громко воспѣваю;
 Хоть зима и холодна,
 Я утѣхъ въ ней пѣмъ вкушаю.

Хоть пріятной вѣтерокъ
 Ужъ не рѣзвится съ лиственными,
 Хоть не зелень спалъ лужокъ,
 Не пѣспрѣвѣшь ужъ цвѣтами.

Хоть не видно какъ шепчуть
 По каменьямъ быстры рѣчки,
 Соловьи хоть не поютъ,
 Не пасутся ужъ овечки.

Но лишь я приду къ окну,
 Веселящееся око,
 Какъ по бѣлому сукну,
 Просшираешь взоръ широко.

Снѣгъ я вижу на лугахъ,
 Снѣгъ долины покрываетъ,
 И при солнечныхъ лучахъ
 Весь какъ искрами блискаетъ.

Хорошо въ поляхъ весной;
 Но не худо и зимою:
 Не мѣшаетъ лѣсъ густой
 Все мнѣ видѣть предъ собою.

Красно солнышко! и ты
 Кропче къ намъ зимой сіяешь,
 Прямо зрѣшь на красоты
 Намъ швой не возбраняешь.

Зимнихъ мало ли ушѣхъ?
 Тамъ вечернія бесѣды,
 Тамъ веселье, пляски, смѣхъ,
 Тамъ капанья и обѣды.

А ребяща, пузыри,
 Собираяся толпами,
 Пишущъ разны цифири
 По льду гладному коньками.

Или съ горъ крушыхъ лешають,
 Иль снѣжками индѣ бьются,
 Иль другъ друга поваляютъ,
 И хохочутъ и смѣются.

Часто право по утру,
 Какъ на саняхъ я лешаю,
 Иль рѣзвлюсь по вечеру,
 Я про лѣто забываю.

Пусть изнѣженно дыша
 Толстой шубой давишь шѣло,
 Я не купаю себя
 По снѣгамъ шагаю смѣло.

ЛУКАША И МАТЬ ЕГО.

Лукаша прибѣжалъ къ машери, хохочетъ и ей рассказываетъ :

„Я шоль подлѣ изгороды, а шамъ сидишь вдовы Федосьи маленькой сынъ Андрюша, сидишь и плачешь.,,

Мать.

Знашь онъ голоденъ.

Лукаша.

И вѣдомо, Плачешь да кричишь: ѣсть хочешся! ѣсть хочешся! Ужъ я на него хохпаль, хохопаль.

Мать.

А щы этому смѣешься?

Лукаша.

Какъ же не смѣяться? о чомъ онъ плачешь; для чево къ намъ не придешь побѣшь? у насъ шакіе добрые щи!

Мать.

А! шакъ ты этому-шо смѣялся? обойми меня, ты доброй малой.—Побѣги же къ нему и приведи его сюда; онъ можешь быть думаешь, что мы ему ничего дашь не хошимъ.

Лукаша.

Ничего дашь не хошимъ? Вошь шебѣ на!—Сказавъ сіе Лукаша побѣжалъ бѣгомъ.

КОНЬ И СЛѢПЕНЬ.

Слѣпень коня кусаетъ,
 Конь бьется и брыкаетъ,
 Хвостомъ и головой махаетъ,
 Слѣпня сгоняетъ.
 Слѣпень прильнулъ къ коневъему плечу,
 Впустилъ глубоко жало,
 И говоришь: шебя я не боюсь ни мало,
 И право не слечу;
 Хошь сколько ты брыкашь ни спанешь,
 Скорѣ самъ успанешь,
 Какъ нежели ты конь меня доспанешь.
 Успали конскіе и хвостъ и голова,
 И началъ конь смиренно
 Слѣпня просишь уничиженно:
 Слѣпень скочилъ мгновенно,
 И говоришь: сдаюсь на ласковы слова.

ЛЮБОВЬ У БРАТА СЪ СЕСТРОЮ.

Братъ.

Сесприца! посмотри на эсихъ голубновъ,
 Какая въ нихъ видна другъ ко другу любовь!
 Какъ свыклися они! какъ дружны межъ собою!
 Веселье одного другаго веселишь,
 Ноль шопъ нахмуришь, и эшопъ загрустишь.
 Велика дружба ихъ: знашь эшо братъ съ
 сестрою.

любить.

краще.

Дѣйствующія лица.

Честнодумовъ, живописецъ.

Честнодумова, жена его.

Алексѣй, старшій сынъ ихъ 16 лѣтъ.

Софья, дочь ихъ 18 лѣтъ.

Алексаша, младшій сынъ 6 лѣтъ.

Дитя двухъ лѣтъ, въ колыбели.

Графъ Добросердѣ.

Дѣйствіе происходитъ въ горницѣ въ Честнодумовомъ домѣ; въ ней видно нѣсколько худыхъ домашнихъ приборовъ, на спинѣ повѣшена картина еще недокончанная; въ сторонѣ стоитъ колыбель, въ которой лежитъ спящее дитя.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Честнодумова, Софья, Алексаша.

*Честнодумова прядетъ, Алексаша стоя подлѣ нее треллетъ ленъ и часто останавливается, чтобъ нѣсколько отдохнуть; Софья сидитъ подлѣ колыбели и вяжетъ тулки,-----
Время около трехъ часовъ послѣ полудня.*

Софья (глядя на колыбель соворитъ тихо).

Со вчерашняго дня ничего не ѣлъ, а такъ спокоенъ! Слава Богу, что ты спать можешь.

Честнодумова.

Спишь онъ, Софья?

Софья.

Спишь, машушка.

Честнодумова.

*Дай Богъ, чтобы долѣ спалъ!—бѣдное дитя! я боюсь чѣмъ онъ не проснулся—
Что овецъ его нейдетъ такъ долго?*

Софья.

Онъ сказалъ, что пойдешь просить хопъ маленькаго задашку за начашую имъ каршину.

Честнодумова.

А еще назадъ не возвращиася! — Боже! что съ нами будешь, есшли онъ ничего не досшанешъ?

Софья.

Этому бышь не можно: человекъ, для котораго онъ работаешъ, очень богашъ.

Честнодумова.

Богашъ, но можешъ бышь не жалосшавъ.

Софья.

Башюшка не о подаркѣ просишь его спашешъ; но шолько о нѣкошөрой часши шѣхъ денегъ, кошорыя онъ послѣ шрудами своимъ заслужишь, и кошорыя шомъ должень будешъ ему заплашишь.

Честнодумова.

Эшо правда, но его работа еще не гошова, а деньги напередъ не всякой ошотно плашишь.

(Бьетъ три гаса)

Алексаша (переставъ трепать.)

Ужъ при бьешъ, машюшка; не ужъ шо намъ севодня вовся не ѣспъ?

Честнодумова.

Ты видишь, Алексашинька, что ни ошца швоего ни браша нѣшъ дома; развѣ ты безъ нихъ хочешъ обѣдашь?

Алексаша.

О, нѣтъ, маминька! Но можешь быть они уже ошобѣдали; мы не знаемъ гдѣ они--- Да припомъ же---

Честнодумова.

Ну что такое?

Алексаша.

О машушка!----ужъ шакъ поздно-----и можешь быть---

Честнодумова.

Но можешь также быть что они и не обѣдали. Ты видишь, душинька, что ни я, ни сесстра швоя, ни маленькой братъ шакъ же какъ и шы ничего еще не бѣли, шы одинъ хочешь быть неперпѣливъ.

Алексаша (заплакавъ.)

Да мнѣ очень бѣсъ хочется!

Честнодумова. (взлѣзъ его къ себѣ на колѣни и обливалъ его слезами.)

Другъ мой, милое мое дитя, успокойся, потерпи немножко; Богъ конечно пошлеть намъ что нибудь на пищу. Повѣрь мнѣ, что я голодомъ швоимъ больше мучусь, нежели шы самъ.

Алексаша. (обнимая ее и утирая свои слезы.)

О! нѣтъ любезная маминька, не крушись столько о моемъ голодѣ. Посмотри! ужъ прошло, я не плачу больше.—Я опять стану работашъ, ящобъ позабышь о шомъ,

что я голоденъ. (*Идетъ и съ великимъ при-
лѣжаніемъ принимается олять за работу*.)

Честнодумова. (*изъ сторону.*)

Не ужъ ли спраданіе мое еще не доволь-
но велико? о Боже! доколѣ мнѣ сносишь
оное?

Софья.

Бапюшка еще не возвращается: не сдѣ-
лалось бы съ нимъ какова нещастія.

Честнодумова.

Я догадываюсь что тому причиною: ко-
нечно отказали ему въ его прозьбѣ, и онъ
не имѣешь сердца съ пусшыми руками къ
намъ возвращишься. Но я дивлюсь брату
швоему Алексѣю. Когда онъ ошселѣ ушолъ?

Софья.

По утру въ десяшь часовъ.

Честнодумова.

Чудно эшо! онъ, кошорой всегда былъ
такой доброй сынъ и братъ, оставляешь
насъ шеперь, когда намъ помощь его такъ
нужна: меня эшо весьма печалишь.

Софья.

Не безпокойсье машушка; онъ конеч-
но пошелъ куда нибудь съ добрымъ намѣре-
ніемъ: я знаю его сердце, знаю какъ бѣд-
ность наша его сокрушаетъ. Онъ безсомнѣ-
нія за пѣмъ пошолъ, чпобъ сыснашь намъ
накую помощь.

Честнодумова.

Но какимъ образомъ можешь онъ это сдѣлать?

Софья.

Нужда научитъ его найти къ тому какойнибудь способъ: онъ казался бы въ великомъ опчаяніи?

Честнодумова.

Что ты говоришь? ахъ Софья! Ну, есть ли онъ что либо безчестное предприметъ? меня это лишитъ жизни: все можно сносить, пока совѣсть наша чиста.

Софья.

Не опасайтесь, я знаю брата.

Честнодумова.

Отецъ твой возвратится ни съ чѣмъ, изнуренъ печалію и голодомъ. Увидя его въ семь состояніи сердце мое разорвется. О мои любезные дѣти! мы должны въ послѣднемъ и весьма горестному средству прибѣгнуть.—О небо—другъ мой Алексашинъ! хотѣлъ ли бы ты чтонибудь для меня сдѣлать?

Алексаша.

Я, машушка? о скажи лишь что такое?

Честнодумова.

Обойми меня, душа моя — милой мой сынъ. — о нужда!—къ чему ты меня приводишь!—надобно тебѣ иппи просить милосшыни. Поди, старайся возбудить сожалѣ-

ніе, представъ нашу бѣдность, и проси, чѣмъ тебѣ что нибудь дали!

Алексаха. *(послѣ того какъ онъ сію рѣчь со вниманіемъ выслушалъ.)*

Машушка, не эшо ли называюшь по міру ходишь?

Чеснодумова.

(Въ сторону) о Боже!—*(громко)* шакъ, мой другъ.

Алексаха.

Эшова бы мнѣ не хотѣлось.—Да у ковожъ мнѣ просишь? у всякаго?

Чеснодумова.

У всякаго, мой другъ, кошорой покажешся тебѣ шакимъ, что можешь нѣчто подаришь.

Алексаха.

А коли они мнѣ опнажущъ?

Чеснодумова.

Богъ приведетъ тебя къ шакимъ сердцамъ, кошорыя надъ побою и надъ нами сжалашся.

Алексаха. *(печально)*

Ну хорошо!—шакъ прощай же машушка!

Чеснодумова. *(цѣлуя его)*

Прости, мое милое дитя! естълибъ сіе не касалось до жизни швоего ошца, брашьевъ швоихъ и сесшры, то бы я тебя къ эшому не понудила. *(Алексаха плача отходитъ).*

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Чеснодумова и Софья.

Софья. *(смотритъ въ слѣдъ брату и плачетъ)*

Бѣдное дитя!—какобъ глядя на него не заплакала!—какъ ему эшво не хошѣлось!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТІЕ.

Чеснодумова и Софья, *которыя хранятъ печальное безмолвіе, потому Чеснодумовъ.*Чеснодумовъ *(входитъ съ великимъ уныніемъ, блѣденъ и утомленъ; одежда его измѣляетъ величайшую бѣдность.)*

О жена моя! о дочь! намъ должно умереть! *(бросается на стулъ и смотритъ кругомъ пылающими глазами)* но гдѣ мой малюшко? Алексѣй еще не возвратился?

Чеснодумова.

Я предчувствовала, мой другъ, что ты ничего не получишь.

Чеснодумовъ.

Нѣтъ жалости! нѣтъ собоузнанія!—

Чеснодумовъ.

Ни полушки! я ужъ знаю, говорилъ онъ, каково давашь напередъ деньги за работу еще неокончанную: обыкновенно позже получишь шу вещь; или еще совсѣмъ не получишь. Тщесно давалъ я честность свою по рукою: я себя не знаю, ошѣчалъ онъ, и ушолъ. О какая горестъ овладѣла мною.—

Честнодумовъ.

Не безпокойся, другъ мой! есть Богъ, который видишь нашу бѣдность, и который инымъ образомъ о насъ попечется. Я послала Алексашу—можешь быть, будетъ онъ столько счастливъ, что исходашайсвуешь намъ хотя малую помощь.

Честнодумовъ.

Не надѣйся мой свѣтъ: о человѣки, человѣки!—одна смерть намъ поможетъ. Но я не понимаю куда скрылся нашъ Алексѣй. На такое долгое время онъ никогда не оплучался; и надобно этому случиться сегодня, когда намъ помощь его наиболѣе пошребна! это не просишительно!

Софья.

Я слышу кто-то идетъ; конечно это онъ (*она идетъ къ дверямъ.*)

Честнодумовъ.

Чтобъ онъ и на глаза ко мнѣ не ходилъ!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Честнодумовъ Честнодумова, Софья, Алексѣй, (*сей послѣдній входитъ блѣдный и слабъ съ завязанною и окровавленною рукою, неся съ собой два хлѣба.*)

Алексѣй. (*бросал хлѣбы на столъ.*)

Вотъ, любезные родители? кушайте! мнѣ

дорого это стоишь; я не могу больше—(падаетъ безъ чувства на стоящій по близости его старой сундукъ.)

Честнодумовъ.

Что это такое? не ужъ ли это плоды каково либо безчестнаго дѣла? А! несчастный!

Алексѣй. (слабымъ голосомъ).

Кушайте, не опасайтесь; я васъ еще достоинъ.

Честнодумовъ.

Но что значишь сіе состояніе, въ которомъ я себя вижу?

Честнодумова. (примѣтя кровь на его рукѣ).

О небо! кровь? скорѣе, Софья сыщи какуюнибудь тряпку. — Какъ? ты дрался съ кѣмънибудь?

Софья.

Ахъ, мамушка! — посмотрише, у него скинулась перевязка; онъ конечно пуская кровь и жила опять растворилась!

Алексѣй (съ великой слабостью).

Башушка! — Мамушка! — Сестрица! — я сдѣлалъ это, чтобы достать вамъ кусокъ хлѣба.

Честнодумовъ и Честнодумова. (едрусь.)

О сынъ!

Софья.

Ахъ брашець!

(Отецъ и мать заключаютъ его въ свои объятія; Софья старается перевязать у него руку)

ЯВЛЕНИЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Прежніе, Графъ Добросердъ, Алексаша и служитель Графской, которой несетъ корзину съ кушаньемъ.

Графъ.

Гдѣ сіи несчастные? какъ могли они такъ долго опъ меня укрываться?

Алексаша.

Вошъ они, сударь! эшо мой башюшка и моя машюшка; они умирають съ голоду.

Графъ. (предлагая корзину)

Вошъ вамъ, друзья мои, на севоднишній день пища: примите ее опъ моей руки.

Честнодумова.

Ахъ милосливой государь! коль чувствительнѣе для насъ ваше великодушіе! но можемъ ли мы чѣмъ наслаждаться, пока сей нашъ любезный сынъ (указывая на Алексѣя) — сынъ добродѣтельнѣйшій — будетъ находиться въ смершной опасности? — Ахъ! есшли бы вы знали——

Алексаша.

Брашець голубчикъ, что съ шобою сдѣлалось? (бѣжитъ къ нему.)

Графъ. (*къ Алексѣю*).

Какъ? кто нибудь тебя поранилъ?

Алексѣй. (*Слабымъ и прерывнымъ голосомъ*.)

Нѣтъ, государь. — Я не могъ сносить несчастнаго состоянія моихъ родныхъ — для того въ опчаяніи побѣждалъ сегодня поушру, вознамѣрясь швердо или обрѣсти имъ мощь или умереть. Со мною — ахъ!

Графъ.

Отдохни немного.

Алексѣй. (*по нѣкоторомъ молчаніи*.)

Со мною встрѣтился одинъ изъ моихъ пріятелей, такойже бѣдной и несчастной человѣкъ, какъ мы. Онъ, увидя меня въ опчаяніи, ужаснулся — куда ты идешь? спросилъ меня; что съ тобою сдѣлалось? — ахъ, мой другъ! они со вчерашняго утра ничего не ѣли — мой бѣдный отецъ — моя бѣдная мать — я не знаю куда иду — не знаю гдѣ я — они умрутъ съ голоду! (*падаетъ опять въ обморокъ*).

Графъ.

Воды немного, воды?

Алексѣй. (*пришедъ опять въ себя*.)

Ужъ прошло. — Тогда сказалъ онъ мнѣ: возьми мой другъ, и сунуль мнѣ десять копѣекъ въ руку, возьми все, что я имѣю; но ели ты нѣчто заслужишь хочешь, я знаю къ тому способъ. — Ахъ! ошѣлествовалъ я,

Ч а с ь ь I.

я все сдѣлаю охотно: конечно умъ это непостыдной способъ.—Нѣшъ, повѣщорилъ мой добродѣтельный другъ: шамъ въ уголовомъ домѣ живешъ заживочной молодой человѣкъ, который обучается врачебному искусству, дабы въ своей деревнѣ помогашъ бѣднымъ людямъ, когда имъ случишся нужда въ лѣкарѣ. Онъ упражняешся въ кровопусканіи и даешъ шѣмъ деньги.—Я разумѣю себя, сказалъ я, и побѣжалъ шопчасъ въ шопъ домъ, на которой онъ мнѣ указывалъ. Человѣкъ эшопъ пустилъ мнѣ кровь, сперва изъ правой, потомъ изъ лѣвой руки; ибо я его о томъ просилъ для полученія двойной плашмы. По семъ далъ онъ мнѣ деньги, я побѣжалъ шопчасъ въ хлѣбню, и въ шоропливости не примѣшилъ, что перевязка у меня съ одной руки скочила. Послѣ шого, хошя уже я и примѣшилъ сіе, но мнѣ не хопѣлось мѣняшъ, вѣдая, что любезные родители мои между шѣмъ испашеваютъ голодомъ.—И сіе-шо меня шакъ обезсилило—*(сѣ восторгомъ)*. Но шасшливъ, ешшли смершю моею дражайшую жизнь ихъ хошя на одинъ день продолжу: *(подаетъ руку отцу и матери, которые въ слухъ рыдаютъ)*.

Графъ. *(чувствуя великую жалость.)*

Благодарной юноша! ты примѣръ добродѣтели; но имѣешъ у себя брата; шопшой нѣкогда шобѣ уподобишся. Эшопъ не-

щасливый мальчикъ (указывая на *Алексашу*) упалъ въ обморокъ предъ моими окнами. Къ щасію взглянулъ я на эшу пору въ окошко и его увидѣлъ; по приказанію моему принесли его ко мнѣ и нѣсколько капель крѣпкаго спирту возвратили ему прежнія чувства. Я велѣлъ посадить его за столъ, но онъ не хотѣлъ ничего ѣсть, а просилъ меня со слезами, чтобы я поставленную предъ него пищу позволилъ ему взять съ собою: батюшкѣ моему, мапущкѣ моей, говорилъ онъ, надобно сперва сдѣлать помощь: могутъ ли я ѣсть въ то время, какъ они умирають съ голоду?

Чеснодумовъ. (съ великимъ сердолобїемъ.)

О мои дѣши!—вы достойны лучшей участи!

Графъ.

Не печальшесь; отъ сего времени беру я на себя имѣть о васъ попеченіе. Докопшишь, буду я благословлять щасливую минушу, которая подала мнѣ случай, столько же добродѣтельному, сколько несчастному семейству, услужить. Сынъ вашъ слава Богу только что слабъ; въ его лѣта скоро эшо пройдетъ. (*Положа на столъ кошелекъ съ деньгами*) Между шѣмъ вошь нѣсколько, чѣмъ можете вы достать все нужное какъ и его укрѣпленію, такъ и къ своей ошрадѣ:

чрезъ немногіе дни услышите вы лучшія вѣсти: покамѣстѣ прощайше.—(Здѣсь Честнодумовѣ со всей своей семьей бросается предъ нимъ на колѣни, но онъ ихъ удерживаетъ). Благодарности я не требую, друзья мои! я уже собственнымъ моимъ чувствованіемъ награжденъ довольно.

Алексѣй. (вскочивъ и хватая у него руки).

Еще одна просьба, милосливый государь!

Графъ.

Какая, мой другъ?

Алексѣй.

Чтобъ вѣрной пріятель мой, которой сегодня всѣмъ своимъ имѣніемъ мнѣ помогъ, въ благодѣяніяхъ къ намъ вашихъ имѣлъ равное участіе.

Графъ.

Пречестный юноша! знай, что у меня положено уже было на сердцѣ также и о немъ печися. Завтра объ эту пору приду я опять къ вамъ; пестарайся, чтобъ я здѣсь его нашель. (Уходитъ).

(Всѣ долгое время въ безмолвномъ удивленіи смотрятъ въ слѣдъ ему. Потомъ Честнодумовѣ воздвѣвъ на небо руки, бросается на колѣни и съ великимъ жаромъ говоритъ):

Боже! Боже! пролей благодать швою свяшую на сего великодушнаго благодѣшеля,

на сего Ангела, котораго ты къ намъ по-
слалъ! и да буди вѣчно, вѣчно, вѣчно слави-
мо имя швое, о ты источникъ любви и спа-
сенія, всемогущій Боже!—(Вскочивъ) Ну, дѣ-
шья! насышимся съ благодарностію даромъ
небеснаго Творца, и возвеличимъ имя его во
всю жизнь нашу!—

(Они всѣ съ радостными въ очахъ слезами
салятся за столъ).

СОБАКА СЪ КУСКОМЪ МЯСА.

На кухню къ повару, которой былъ зѣвана,

Зашла голодная собака,

Зашла не званая и по собачьи мнишь:

Здѣсь много всякаго припаса,

И плохо все лежишь,

Тань я могу схватишь любой кусочикъ мяса.

Схватила и бѣжишь,

Бѣжишь что мочи ешь съ добычею шакою

Неся ее въ зубахъ,

Мечтаешь повара съ дубиной за собою,

Но то не поварь былъ, а страхъ,

Преступниковъ гонишь,

И къ ихъ мученію въ сердцахъ ихъ вѣч-
ный жищель.

Трусливая дрожишь собака та ужасно,

Не знаешь гдѣбъ найши ей мѣсто безопасно.

Случидась пушъ рѣка;
 Собака думала я плаванъ маспернца,
 Не раздѣвашься ниѣ,
 И эшо небылица,
 Чшобъ поваръ могъ найши на шой меня сипранѣ;
 Переплыву я вскорѣ,
 И шамо скушаю кусокъ свой на простпорѣ.
 Ошъ мысли сей повеселѣе сшавъ,
 Пускаешься собака вплавъ:
 Шерсть распустилася у ней какъ юпка,
 Ногами какъ весломъ гребешъ,
 Плывешъ
 Какъ шлюбка,
 И держишъ голову высоко какъ олень,
 Но въ гладной шамъ водѣ свою вдругъ видишъ
 шѣнь,
 Такую же собаку,
 Съ шакимъ же, какъ она, воршу кускомъ;
 Завидуешъ ей въ шомъ,
 Пусшипься хочешъ въ драку,
 Чшобъ шопъ кусокъ опниашъ у ней,
 У зависпи всегда желаніе шакое:
 Насущнаго шы хлѣба не имѣй;
 А у нее всего бѣ излишно было шпрое.
 Съ собакой мнимой сей она вступила въ бой,
 Залаяла и заворчала.
 О дура! шо былъ видъ пустой;
 Его шы не поймала,
 А швой
 Кусокъ упалъ, вода его умчала,

**Просишься съяни и будь какъ прежде голодна.
Колико зависишь ты безумна и черна!**

ТРОЕ МОЛОДЫХЪ ПУТЕШЕСТВЕННИ- КОВЪ.

Три сына, богашыхъ родителей, скопили, ошъ получаемыхъ ими на разныя бездѣлицы денегъ приста рублей.

Они согласились, чшобъ имъ для своего удовольствія съѣздить за сіи деньги по-смотръѣшь нѣкошорыхъ городовъ, и получили на шо позволеніе ошъ своихъ родителей,

И такъ ошправились они и радовались напередъ, что побѣдутъ чрезъ многія хорошія мѣста и время проведутъ очень весело.

Но лишъ ошѣѣхали нѣсколько вершъ, какъ увидѣли въ деревнѣ пожаръ.

Они поскакали шуда и нашли несчастныхъ жишелей сея деревни бѣгающихъ и спарающихся тушишь огонь, коншорой нѣсколько избъ обрашилъ уже въ пепель.

Благородные сіи юноши не были просшыми зришелями, но помогали сами тушишь огонь, сколько могли. Напослѣдонъ пожаръ пошухъ.

Спали ихъ благодарить за ихъ вспоможеніе; а они смигнувшись между собою и мысли другъ друга уразумѣвъ, пошли къ свя-

ценинику и отдали ему всѣ приспа рублей, которые проѣдешь хошѣли.

Употребише сіи деньги, сказали они ему, на поправку состоянія сихъ бѣдныхъ погорѣлыхъ людей.

Мы намѣренія своего достигнули и теперь можемъ возвратиться назадъ, ибо мы хошѣли издержашъ сіи деньги въ свое удовольствие, что уже и исполнилось.

По сихъ словахъ оставили они удивленнаго священника и возвратились въ городъ, сопровождаемы благодарностію и усердными о здравіи ихъ молишвами отъ сихъ земледѣльцевъ, и отъ всѣхъ шѣхъ, которые о семъ похвальномъ дѣлѣ узнали.

БРАТЬ И СЕСТРА.

Братъ.

Сестрица, душинька, посмотри какое у меня прекрасное яблочко! поди ко мнѣ, съушаемъ его вмѣстѣ.

Сестра.

Братецъ, голубчикъ, у меня ничего нѣтъ, чѣмъ бы я могла тебя шакже попошчивашъ.

Братъ.

Меня? да на что? ешъли я одинъ съѣмъ это яблоко, то оно мнѣ не шакъ покажешся вкусно, хошя бы оно и вдвое больше бы-

ло ; а когда съ побою раздѣлю , сестрица,
тогда и половинна будетъ для меня гораздо
лучше цѣлаго яблока.

ЩАСТІЕ БЛАГОДѢТЕЛЬСТВА.

Красны какъ пришли денѣчки,
Я гулялъ въ лугу весной;
Тамъ всѣ пшички и звѣрючки
Веселилися со мной.

И гдѣ рѣчка прошекаешь
По зеленому лужку,
Тамъ, я видѣлъ, ошдыхаешь
Спаричокъ на бережку.

Хворъ и сѣдъ, мое сердечко,
Жосткими рубищемъ покрышь;
Ошъ него шупъ недалечко
Посошокъ его лежишь,

И кусочикъ чорсшва хлѣба
Положенъ въ его суму,
Убоясь знашь кшо-шо неба
Хриспа ради далъ ему.

Онъ во снѣ поворошилъ,
И проснулся потѣже часъ:
Слезъ источникъ покапился
Горькихъ у него изъ глазъ.

Опъ чего старикъ любезной,
 Съ сожалѣнемъ я спросилъ,
 Опъ чего пошокъ сей слезной?
 Развѣ свѣтъ тебѣ не милъ?

Онъ въ уныніи глубокомъ
 На меня тогда взглянулъ,
 Бѣдный, шолъ печальнымъ окомъ,
 Чшо и самъ я воздохнулъ.

„О душа мое любезно!
 Томнымъ голосомъ онъ рекъ:
 „Жизніе веду я слезно,
 „И не кончишся мой вѣкъ!

„Изнуренъ печалью злою,
 „Тяжкой старосшью согбенъ,
 „Нѣтъ ни пищи, ни покою,
 „А работашъ силъ лишень!

„Сынъ мой въ младости скончался,
 „Сирыхъ мнѣ оставя чадъ.
 „Я одинъ у нихъ остался.
 „Мама всѣ и шерпяшъ гладъ.

„Испрошенный сей слезами
 „Хлѣбецъ малый предъ шобой,
 „Съ пяшерыми я дѣшми
 „Раздѣлю пришедъ домой.

„Се послѣдня можешъ пища,
 „Что рука имъ дастъ моя:
 „Завтра—Боже призи нища!—
 „Можешъ мершвъ ужъ буду я!

Онъ умоля, но мукой злою
 Взоръ его былъ помраченъ;
 Я крушась его шоскою
 Самъ былъ въ слезы приведенъ.

У меня тогда по счастью
 Ношелъ въ корманъ былъ;
 Огорченному напасью
 Старцу я его вручилъ.

О коль жаръ благодаренья
 Въ хладномъ сердцѣ былъ великъ!
 О коликаго почтенья
 Былъ достоинъ сей спаринъ!

Сладость помогашъ убогимъ,
 Я впервые тушъ вкусилъ,
 И съ веселіемъ премногимъ
 Весь шомъ вечеръ проводилъ.

МОЛОДОЙ ОСЕЛЬ,

знатностію породы своей надутый.

Молодой осель, по имени Длинноухъ, наслышался, что онъ отъ знашнаго и весьма древняго поколѣнія происходить.

Собесѣдница его, ушка, великая грамотѣха, часто рассказывала ему, какъ предки его славны въ лѣтописяхъ.

„Господа длинноухіе, говорила она, въ старину были важныя въ свѣтѣ лица.

„Сказываютъ, на нихъ никто не ѣзжалъ, кромѣ самыхъ первѣйшихъ особъ.

„Знашность муловъ усупаешь имъ въ древности, какъ то видно и по ушамъ ихъ, которыя гораздо короче ослиныхъ; что касается до лошадей, они составляли прстой народъ, и господа ослы никогда съ ними не обращались.

Молодой господчикъ нашъ не пропустилъ ни одного слова изъ ея рѣчей.

Какъ только выгонялъ его въ поле, и прежніе шоварищи его, игривые жеребашки, захомятъ съ нимъ порѣзвиться; то онъ съ презрѣніемъ отъ нихъ отворопишся и скажешь, чтобы они играли съ подобными себѣ.

Съ того времени вовсе не хоѣлъ онъ учиться.

Видь я не изъ простова народу, раз-

мышлялъ онъ; за чѣмъ мнѣ бояроному сынку, словно какъ просполоудинцу, мучишь себя наукою? довольно одной знашной породы моей, чѣмъ припши у всѣхъ въ любовь и почтеніе.

Разсуждая такимъ образомъ, никогда не хаживалъ онъ въ манежъ, а всегда смошрѣлъ только изъ дали на обучающихся лошадей, и почиалъ себя щасплавимъ, что не подверженъ шакому какъ они мушпрованью.

И такъ выросъ онъ и ни чему не выучился.

Въ одинъ день вмѣстѣ съ простородными шоварищами своими, кошорые сдѣлались уже весьма добрыми конями, ошведень онъ былъ въ городъ на ярмонку.

Онъ надѣялся, что конечно сыщется какой нибудь царевичъ, кошорой за то, что у него такіа длинныя уши, полюбишь его и возмешь къ себѣ въ службу.

И подлинно былъ шамъ одинъ Князь.

Сей Князь лишь только увидѣлъ молодыхъ выученныхъ лошадей, шомчасъ онѣ ему полюбились, онъ подошелъ къ нимъ, спалъ гладить, купилъ ихъ и нарядилъ въ пребогашой конской уборъ.

А на господчика Длинноуха ниже взглянулъ кто нибудь.

Напослѣдокъ сыскался какой-то мѣльникъ, кошорой купилъ его, чѣмъ возить на

немъ мѣшки съ мукою, и на первой случай сильнымъ ударомъ пѣвши далъ ему разумѣть, что онъ долженъ съ нимъ идти.

Тогда-то господчикъ нашъ заревѣлъ страшнымъ голосомъ.

Муа! муа! муа! зарычалъ онъ громко; а сіе значило:

„Не за шово меня принимаюшь: я боярской сынъ Длинноухъ, одинъ изъ моихъ предковъ служилъ великому Силену! (*)

Вотъ я шебѣ дамъ муа! сказалъ мѣльникъ и погналъ его пѣшью.

ФЕДЮШИНО УТРЕННЕЕ РАЗМЫШЛЕНІЕ И МОЛИТВА.

Пріятный, теплый день насталъ,
Мракъ ночи холодной удалился:
Я здоровъ и духомъ бодръ воссталъ,
Мой сонъ сладчайшій прекратился.
Подобно шавъ шуманъ густой
Поля и нивы покрываешь,
Но солнца красна лучъ злашой,
Его мгновенно разсыпаетъ.

(*) Спарикъ въ баснословной исторіи, котораго изображаютъ всегда вѣдущимъ на ослѣ.

Земля изсохшая въ песокъ
 Когда шуманомъ напоишся,
 Опъ влажности сея лишокъ
 И правка на полѣ родилсѣ:
 Полезенъ и шуманъ для насъ;
 Но солнечны лучи любезны,
 Еще, еще того въ пять разъ,
 Или и болѣе полезны.

Хошя намъ ночью сонъ и миль;
 Съ высотъ ниспосланъ онъ небесныхъ,
 Для укрѣпленія нашихъ силъ
 Душевныхъ купно и шѣлесныхъ;
 Но любо поушру воспашъ,
 Какъ дневное взойдетъ свѣшило:
 Всегда безперестанно спашъ,
 Кому бы то пріятно было?

Величественъ швой, солнце, зракъ,
 Великолѣпно ты, прекрасно!
 Ты рассыпаешь ночи мракъ,
 И все даешь намъ видѣшь ясно.
 Все нужное для насъ собирашь
 Своими можемъ мы руками,
 Пишь, ѣсть, ходишь вездѣ, гуляшь,
 Твоими веселясь лучами.

Мнѣ кажѣтся, что въ эпошѣ часъ,
 Какъ солнца всходишь лучъ свѣшящій,
 Опца чадолюбива гласъ

Съ небесъ я слышу низходящій:
 Ну, дѣши, вошь вамъ дневный свѣтъ,
 Играйше, радуйшесь, скачите ,
 И что кому на умъ впадешь,
 То дѣлая, меня любите !

Тогда всѣ съ радостью встають,
 Повсюду люди шевелятся,
 Творцу небесному поютъ,
 Рабошають и веселятся.
 Твой свѣтъ, о боже! полнѣ dobroтъ:
 Онъ разумъ мой въ восторгъ приводишь;
 По истинѣ безуменъ шомъ,
 Кто въ немъ ушѣхи не находишь.

Хоша еще незрѣлый умъ
 Мой мало въ свѣтъ искусился ,
 Однако бы своихъ я думъ
 Конечно крайне успыдился,
 Когда бъ мнѣ въ голову пришло
 Такое размышленье ложно,
 Что все на свѣтъ худо, зло ,
 Что въ немъ довольну бышь не можно.

Тогдабъ мой спрахомъ наждый шагъ
 Средь рошъ густыхъ сопровождался;
 Во всякомъ деревѣ мой врагъ,
 Меня спрегущій, мнѣбъ мечшался;
 Какъ будшо бы со всѣхъ сторонъ
 Меня злодѣи окружали,

И дикимъ голосомъ: вошь онъ!
 Вошь онъ! ошвсюду вопіали.

Ахъ! Ешъли правду говоряшь,
 Чшо будшо люди ешъ шакіе,
 Ноторые Творца хуляшь:
 Какіе же они слѣбые:
 Какъ долженъ бышь ихъ умъ легокъ!
 Какая слабосшь, нешерпѣнье!
 Пыль, дождикъ, шучка, вѣшерокъ,
 Уже ихъ вводишь въ огорченье!

Нѣшь, Боже праведный, Твою
 Я чшу премудросшь безконечну,
 Не умшвую, но всю мою
 Любовь и простоту сердечну
 Тебѣ со вздохомъ приношу,
 И лишъ о томъ Тя, милосердый,
 Со умиленіемъ прошу:
 Дажь, даждь, всегда мнѣ духъ сей швердый.

ВЕЛИКОДУШІЕ И БЛАГОДАРНОСТЬ.

Англинскаго корабельщика, именемъ Рихардсона, захватила неподалеку ошъ Данцига жестокая буря. Съ великимъ шрудомъ насилу могъ онъ войши въ гавань.

Другое судно, которое позади его слѣдовало, не было шакъ шаспливо: оно брошено было на мѣль, и шеспинашцать чело-
 Часъ I.

вѣкъ бывшихъ на немъ ожидали ежеминутно, что судно ихъ проломился и они въ волнующемся морѣ потонуть.

Рихардсонъ увидѣлъ ихъ бѣдспвіе; но собственное судно его находилось въ такомъ худомъ состояніи, и люди его такъ были трудами и смертнымъ страхомъ умучены, что не возможно ему было ни какъ возвратиться назадъ для поданія помощи страждущимъ.

Не взирая на то, сердце его не давало ему покоя: не могъ онъ быть празднымъ зрительцемъ на злощастіе себѣ подобныхъ. Чшожь онъ сдѣлалъ?

Онъ побѣжалъ къ корабельщику другаго судна, которое неподалеку отъ него спыало на якорѣ, и просилъ его исполнить долгъ чловѣчества, котораго онъ самъ исполнить не въ силахъ.

Но эшотъ корабельщикъ былъ одинъ изъ тѣхъ хладнокровныхъ и малодушныхъ людей, которые, когда дойдетъ до нихъ дѣло оказать кому либо какую услугу, напередъ размышляютъ и сами себя спрашиваютъ: нѣтъ ли шущъ собственной моей опасности? будетъ ли мнѣ отъ шого какая прибыль?

Гнусный образъ мыслей!

И такъ, какія добросердечный Рихардсонъ ни дѣлалъ представленія, не могъ сего

малодушнаго корабельщика убѣдиль, чтобъ онъ вдался самъ въ опасность для спасенія жизни другихъ.

Потомъ просилъ его Рихардсонъ, чшобъ онъ по крайней мѣрѣ далъ ему своего ялика, по тому что Рихардсоновъ яликъ былъ не такъ великъ и крѣпокъ какъ его; однакъ сей недоброхошный человѣкъ и въпомъ ему отказалъ, опасаясь, чшобы въ пакую великую бурю не лишился своего ялика.

Праведнымъ огорченіемъ дышущъ и кипя великодушною ревностью, побѣждалъ Рихардсонъ на корабль свой и къ упомянутымъ маэрозамъ возгласилъ: „други, естѣ ли въ васъ еще столько силы и мужества, чшобъ исполнишь богоугодное и челоѣколюбивое дѣло?

Видите вы сихъ несчастныхъ, копорые спояшъ при концѣ жизни? въ комъ изъ васъ естѣ сердце, потъ спупай за мною!,,

Сказавъ сіе вскочилъ въ яликъ, куда чешыре челоѣка сильныхъ маэрозовъ за нимъ послѣдовали.

Мужественно гребли они поверхъ пѣнящихся валовъ, и на послѣдокъ привалили благополучно къ споящему на мѣли судну. Но въ маленькой яликъ свой не могли они вдругъ больше шести челоѣвъ посадить.

И такъ опхвезши сперва сихъ на берегъ,

*

два раза возвращались они попомъ для забранія всѣхъ остальныхъ.

Избавленные ими благодарили ихъ со слезами; сами же они плодами добраго дѣла своего услаждаясь, вкушали ни съ чѣмъ несравненное удовольствіе.

Между шестнашцашью человѣками, которыхъ жизнь они спасли, былъ одинъ богатой купецъ изъ Смирны. Сей на другой день пришелъ къ Рихардсону и принесъ ему тысячу гиней, что сдѣлаешь слишкомъ пять тысячъ рублей на наши деньги.

На что это, спросилъ Рихардсонъ? — Это тебѣ, ошвѣщшвовалъ купецъ; прими ихъ пожалуй и поставь сіе за нѣкакой малой знакъ моей благодарности.

Чтобъ я ихъ принялъ? вскричалъ Рихардсонъ: сохрани меня Боже! развѣ я за тѣмъ спасъ твою жизнь, чтобъ взять съ тебя за то деньги?

Такимъ образомъ купецъ продолжалъ ему ихъ навязывать, а Рихардсонъ отъ нихъ отговаривался. На послѣднокъ сей спросилъ:

Скажи пожалуй! ты, коюрой хочешь сдѣлать мнѣ такой великой подарокъ, — развѣ ты такъ богатъ?

Такъ богатъ, ошвѣщшвовалъ купецъ, что я безъ разоренія себѣ могу сдѣлать себя и всѣхъ твоихъ мапшрововъ щасливыми.

Когда такъ, повшорилъ Рихардсонъ, то и подарокъ швой возму. Посемъ взялъ онъ мѣшокъ съ деньгами, созвалъ мапшровъ своихъ на палубу и раздѣлилъ между ими все, не оставя себѣ ни полушки.

Между шѣмъ, какъ сіи опъ радости восклицали, Смирнской купецъ стоялъ и плакалъ.

Чшо съ шобою сдѣлалось?—Спросилъ у него Рихардсонъ.

Мнѣ досадно, ошвѣчалъ купецъ, что человекъ, кошорому я обязанъ жизнью, столько гордъ, что не позволялъ мнѣ имѣть удовольствія оказашъ мою благодарность.

Божусь шебѣ, что ты обманываешься, вскричалъ Рихардсонъ: не изъ гордости раздѣлилъ я подарокъ швой между ими, но по тому, что имъ гораздо нужнѣе нежели мнѣ, и что безъ ихъ помощи не могъ бы я себя спасти.

Такъ ты, думаешь, продолжалъ купецъ, что я забылъ бы ихъ? Вошъ чшо! — (вышавъ кошелекъ съ деньгами) вошъ чшо я имъ назначалъ!—но ты, какъ я уже сказалъ, презрѣлъ мою благодарность!

Клянусь шебѣ всею свяшосцію, что я ее не презираю! вскричалъ Рихардсонъ съ нѣкошорымъ жаромъ.

Такъ возьми по крайней мѣрѣ вошъ эшо, примолвилъ купецъ, подавая ему драгоцѣн-

ный перстень, кошорой онъ снялъ у себя съ руки.

Рихардсонъ взялъ его.

Всѣ, слышавшіе сей почщенія досшой-ный споръ, находились въ сомнѣніи, кому изъ двухъ должны они больше удивляться, великодушному ли корабельщику, или благодарному купцу, но всѣ согласны были въ томъ, что оба сіи мужи всякой чести и похвалы достойны.

ОСЕЛЬ И ЛОШАДЬ.

Въ какое-то, не помню, время,

Осель прешажкое несъ бремя,

Удобное ему дашь машъ..

Съ нимъ вмѣстѣ конь, незнаю что помувиною,

Съ порожней шелъ спиною.

Осель ему сказалъ: конь брашь!

Мой конь любезный!

Пожалуй сжался ты на рокъ мой слезный;

Ты видишь ношу на моей спинѣ,

Будь добръ и помоги ты мнѣ.—

Кто? я? я за тебя работашъ спану?

Лѣншай! шакому я, какъ ты, болвану

Могу ли бышь слугой?—

О конь мой дорогой!

Пищаль осель, я умираю.

Ты силенъ; я передъ тобой дшя,

Поль-ноши ты моей снесешь шушя;

Спаси меня, я весь изнемогаю.
 Нѣшъ, не хочу, конь гордо отпѣчалъ.
 Осель бѣдняжка замолчалъ.
 Въ уныніи глубокомъ,
 Въ пошу, въ жару жестокомъ,
 Разъ пѣшь еще спунилъ,
 Упалъ и духъ свой испустилъ.
 Тотчасъ сѣдло, подпруги, стремя,
 Нульки, мѣшки и всякое беремъ,
     Съ осла долой,
     Везши домой,
 Взвалили на лошадь, на горду эту дуру,
 И сверхъ того еще ослону шкуру.

МОЛОДОЙ ПУТЕШЕСТВЕННИКЪ.

Молодой скорохватъ, который имѣлъ
 великую охоту путешествовать, отправилъ
 съ насхавникомъ своимъ въ путь.

Лишь только успѣлъ онъ прѣхать въ
 какое-нибудь чужестранное мѣсто, то ужъ
 и спрашиваетъ: куда же мы отсель поѣдемъ?
 и никогда не хотѣлъ въ одномъ мѣстѣ про-
 бытъ сколько времени, чтобъ осмотрѣть
 все, что было шамъ добраго и примѣчанія
 достойнаго.

Такую великую имѣлъ неперпѣливостъ
 переѣзжалъ изъ мѣста въ мѣсто!

Насхавникъ прашивалъ его иногда про-
 мѣшкалъ подолѣе, представляя, что путе-

шестивіе не принесеть ему ни малой пользы, естльм онъ спанешъ шолько что переж-
ташь изъ одного мѣста въ другое.

Тщешно! онъ не могъ его убѣдишь. Но
что послѣдовало? Когда сей молодой чело-
вѣкъ возвратился домой, то не умѣлъ онъ
ничего сказать о шѣхъ мѣстахъ, чрезъ ко-
торыя пролежалъ, кромѣ одного ихъ имени.

Тогда позналъ онъ свою глупость, и
долженъ былъ вознамѣриться вторично пред-
пріяшь сіе путешествованіе, когда хочешь по-
черпнуть изъ шого пользу.

Такъ точно бываетъ съ шѣми, которые
не слушая хорошенько, что имъ учились
изъясняешь, всегда шолько о томъ спраши-
вають, что даѣе слѣдуешь, и чрезъ то на-
послѣдокъ ничего не знаютъ.

Кшо хочешь чему швердо научишься,
шотъ долженъ безъ всякой поспѣшности
выслушквашъ, и не прежде за конецъ книги
хвашаешься, какъ уже совершенно вырази-
мѣвъ начало оной.

НЕТЕРПѢЛИВОЙ МУЖИКЪ.

Съ однимъ уже немолодымъ мужикомъ,
но кошорой въ молодости походилъ на ско-
сорохваша, подобное же случилось.

Онъ нанялъ плотника поспрошъ себѣ
избу о шрехъ срубахъ.

Между шѣми какъ плотникъ спрошалъ

первой срубъ, мужикъ шоропилъ его, чѣшобъ онъ поскорѣе принялся за другой.

Плошникъ увѣщевалъ его взять шерпѣ-
нїе, покуда ошдѣлаешся первой срубъ; но
пошъ не давалъ ему ни на часъ покою, шре-
буя ошъ него, чѣшобъ онъ непременно испол-
нилъ его волю и зачалъ сшроишъ вшорой
срубъ не докончивая хорошенъко перваго.

Помомъ когда вшорой срубъ началъ
приходишъ къ окончанїю, шо спалъ онъ
опяшъ шребовашъ, чѣшобъ приняшъся за по-
слаѣднїй; ибо онъ въ крайней былъ нешербѣ-
ливосши домъ свой поскорѣе видѣшъ по-
сшроеннымъ. Но чѣшо, сдѣлалось?

Прежде нежели веръхъ дома былъ го-
шовъ, все зданїе обрушилось, пошому чѣшо
срубы онаго не имѣли надлежащей между
собою связи и укрѣпленїя.

ВЛАСТЬ НАДЪ САМИМЪ СОБОЮ.

Горячъ Мишюша нравомъ былъ,
И хошъ ошецъ ему швердилъ,
Чѣшобъ онъ себя воздерживашъ сшарался
И сердцу воли не давалъ;
Мишюша обѣщался,
Но въ словѣ не шстоялъ:
За сущїй вздоръ, за малосшъ всяку,
Онъ часшо шумъ и драку

Съ дѣтьми другими поднималъ,
И послѣ шакъ передъ ошцомъ
Съ слезами извинялся:

Я виноватъ, раскаиваюсь въ шомъ,
Но братецъ разсердилъ, и я не воздержался.
Послушай Мишинька! сказалъ ошецъ,
Воздержносшь въ нашей влаости,
Кшо хочешъ съ швердосшью, ошъ всякой
на конецъ

Свободенъ будешъ страсти;
Тошъ лишъ ей рабъ,
Кшо слабъ

Самъ управляшъ собою,
Поди ты въ садъ шеперь, поди,
И шамъ покамѣстъ походи.
Я тошчасъ буду за шобою.
Мишюша побѣжалъ и долго ждешъ,
Ошецъ нейдешъ:

Терѣшъ Мишюша не умѣешъ,
Досадуешъ и гнѣвенъ онъ,
Однако же изъ сада вонъ
Уйши не смѣешъ:

Уставъ шакой у насъ въ сердцахъ,
Что гнѣва въ нихъ сильнѣе спрахъ.
Въ послѣдокъ съ прочими пришелъ ошецъ
сызми.

Какъ ни былъ Мишя разсерженъ,
Однако видъ казашъ веселый принужденъ,
Не лзя шушишъ съ ошцами.
Съ начала онъ къ пришворсшву прибѣгалъ,

А послѣ, какъ пришелъ къ нему умишко,

И какъ прошло его сердчишко,

Такъ онъ и вподлинну повеселѣ спалъ.

Ошецъ имъ говоришь: ну дѣшки!

Во что хошите вы играшь?

Кто въ жмурки, кто въ веревку, кто въ на-
сѣдки;

Мишюшъ жъ змѣй кошѣлося спускашь:

Въ играхъ, гдѣ бѣгають, онъ былъ не очень
совокъ;

Ловишь другихъ неловокъ;

Однако же на эшотъ разъ

Играшь въ насѣдки былъ всеобщій гласъ.

Мишюша внутренно хопя и побѣсился,

Но дѣлалъ нечего, сжавъ сердце согласился.

Пошла игра и бѣги чередой,

Бѣгутъ опъ коршуна, а коршунъ ихъ хва-
таешь,

Мишюша коршунъ былъ худой,

Изъ рѣзвыхъ ни кого цыпляшокъ не поймаешь

Онъ сердился, но сердце вишь не дасъ

Тому помощи,

Кто бѣгаетъ не гораздъ,

Не сердце надобно шупъ, ноги.

Еще онъ побѣжалъ,

Спошкнулся, на праву упалъ,

И ноги къ верьху у Мишюши

Торчашъ какъ зайчьи уши!

Упасть не грѣхъ,

Лишь шолько бъ не убишься;

Со всякимъ можешь шо случиться,
 Однакожъ всѣхъ
 Берешь въ шакомъ случаѣ смѣхъ.
 Хохочушъ дѣши: Мишя залился,
 Сердчишко въ немъ кипишъ:
 Онъ радъ бы въ волосы вѣѣпиться,
 Да шупъ ошецъ споишъ!
 И шакъ, какъ ни было въ немъ сердце воспла-
 ленно,
 Однако же, шая свои грѣхи,
 Тудаже съ прочими, хопя и принужденно,
 Кусая губы,
 Хи хи, хи хи,
 Ворчишъ сквозъ зубы
 Межъ шѣмъ не вѣченъ гнѣва пламень,
 Вишъ сердце въ насъ не камень,
 Оно смягчается и проспываетъ:
 Кшо сердился когда играешъ?
 Прошолъ Мишюшинъ жаръ и пылъ,
 Игра другая началась,
 Онъ бѣгалъ, рѣзвись, смѣлся,
 Всемъ сердцемъ весель былъ.
 Тогда ошецъ ему спокойно
 И съ кропосшью сказала:
 Вошъ, Мишинька! шы велъ себя благопри-
 стойно,
 Рѣзвился и игралъ
 Безъ всякой брани и безъ шуму;
 Возмижъ себѣ шы крѣпко ашо въ думу
 Чшо можемъ мы себя преодошъ,

Лишь надо швердо захошѣшь.

Когда бы прежде хорошенько

Подумалъ ты о семъ,

Давно бы велъ себя смирененько

И былъ любезенъ всѣмъ.

Севодни показалъ ты эшу добродѣшель

За тѣмъ, что я былъ дѣлъ швоихъ свидѣ-
шель;

Но ежели при мнѣ ты воздержашься могъ,

То какъ не разсуждаешь,

Что гдѣ ты ни бываешь,

И что ни дѣлаешь, всему свидѣтель Богъ?

У ДОБРАГО ГОСПОДИНА И СЛУГИ ДОВРЫЕ.

Изъ Кронона, что во Франціи, писали
недавно слѣдующую пріятную вѣдомость:

Господинъ сего мѣста (кошорой конечно
добрый человекъ, пошому что любитъ
добрыхъ людей) дѣлаешь все что можешь,
дабы благодѣшельствовашь своимъ домо-
чадцамъ.

Онъ ежегодно удѣляетъ изъ своихъ до-
ходовъ двѣсти шалеровъ, и раздаетъ ихъ
тѣмъ, которые хорошо себя ведутъ, взрос-
лой ли то человекъ случившя или мальчикъ,
пожилая ли женщина или дѣвушка.

Онъ даетъ имъ сіи деньги всенародно

въ церквѣ: шамъ объявляютъ при всемъ собраніи ихъ имена, и рассказываютъ ихъ добрыя дѣла, по которымъ они удостоились сего награжденія.

Изъ награжденныхъ въ нынѣшнемъ году сушь одинъ сшарикъ и одна дѣвица.

Сшарикъ объявленъ добрымъ по тому, что онъ жилъ на свѣтѣ семдесятъ восемь лѣтъ, и ни кого не было, кто бы про него сказалъ что-нибудь худое, но напрошивъ каждой ушверждалъ, что онъ отъ самой юности своей всегда прилѣжно работалъ, что всегда былъ услужливъ и благопріязненъ къ каждому, и что шестерыхъ дѣтей воспиталъ, которыми всякъ былъ доволенъ; сверхъ того имѣлъ онъ осмидесятилѣтнюю жену, изъ давняго времени слѣпую, кошорая дряхлостію своею не малый шрудъ ему наводила, и о кошорой однакожъ спокойствіи прилагалъ онъ всевозможное попеченіе, безъ всякаго пришомъ ропшанія, и ниже когда-либо на нее или на судьбу свою жаловался.

Что касается до дѣвушки, то мы не можемъ лучшаго сдѣлать описанія, какъ скажемъ то, что говорилъ о ней священникъ. Вотъ его слова:

„Когда я пришелъ дѣвицѣ сей объявишь, „что она естъ ша, кошорая назначается „нынѣшней годъ къ награжденію: то нашель „ее упражняющуюся въ шитьѣ плащка на

„грудь больному своему опцу; и когда я
 „сказалъ ей, что въ будущее Воскресеніе
 „надѣнушь на нее вѣнокъ, и она всенародно
 „получишь опъ имени господина своего по-
 „дарокъ за извѣстныя уже всѣмъ ея добро-
 „дѣтели, то она опвѣтствовала: „я сего
 „не заслуживаю.

„Добродѣтели швомъ это заслуживаетъ,
 „повторилъ я.

„Тогда взглянувъ на меня съ нѣжно-
 „рымъ удивленіемъ молвила она: „я ни о ка-
 „кой добродѣтели не знаю.

„Какъ? сказалъ я, развѣ мы ее не за шу
 „принимаемъ? ша ли это, которая на одинъ
 „нашцадомъ году возраста своего пошла
 „служишь въ чужіе люди?

„Такъ говорила она, но я тогда не хо-
 „тѣла у бѣдныхъ родителей моихъ понапрас-
 „ну вѣстъ хлѣбъ, а хотѣла его сама себѣ
 „доставать.

„И такъ, спрашивалъ я далѣе, это ша
 „самая, которую всѣ были довольны, кому
 „она ни служила?

„Она повторила: „я старалась о томъ,
 „сколько могла, и сіе составляло все мое
 „желаніе.

„Не правдали, продолжалъ я спраши-
 „вать, что она на пашнашцадомъ году воз-
 „раста своего возвратилась назадъ и была
 „безоплачно въ домъ своего опца?

„На сіе она сказала: „такъ, эшо я. Ма-
 „пушка моя шогда занемогла, и надобно
 „было за нею ходишь, а по смерти ея шакъ-
 „же и за башюшкою, кошорой, какъ вы ви-
 „дише, старъ и хворъ.

„И такъ эшо ша самая, продолжалъ я,
 „кошорая рабошою рукъ своихъ пишала ша-
 „рика ошца своего и маленькую сесшру?

„Я шпаралась о семъ сколько могла,
 „ошвѣстшвовала она; но сіе было бы весьма
 „гнусно, ешъли бы кшо сего дѣлашь не
 „спалъ! онъ вишь мой ошець, онъ меня вос-
 „пишалъ, а сесшра моя не могла бы сего
 „сдѣлашь: она еще очень мала.

„Тушъ увидѣлъ я, что не ошибаюсь, и
 „для того сказалъ ей: будь спокойна, до-
 „стойная дѣвица! скоро шруды швои умень-
 „шатся.

„Шо шалеровъ шы получишь, и чая-
 „тельно не умедлишь найшишься доброй
 „человѣкъ, кошорой на шебѣ женишься.—Она
 „ошвѣстшвовала: дѣло эшо еще не такъ
 „скоро сбудешься! хошя мнѣ ужъ дващцашъ
 „одинъ годъ, но сесшра моя мала еще и не
 „можешъ прокормишь ни себя, ни башюшку.,,

Сіе рассказывалъ священникъ объ эшой
 доброй дѣвицѣ: изъ сего видно, кого нашъ
 господишъ и наши люди признають за доб-
 рыхъ.

ГОЛУБЬ И ПЧЕЛА.

Форшуна колесо кашащеесъ по глади,
Вершишся въ верхъ и въ низъ, покорствуй
судьбѣ:

Севодня нищему ты подалъ хриспа ради,
А завшра можешь быть и онъ подастъ тебѣ.

Упала въ воду пчелка и шонула;
Увидѣлъ это голубокъ,
Принесъ и бросилъ ей листокъ.

И койкакъ на него вспрыгнула

Обмоклая пчела,

И къ берегу на немъ щасливо приплыла.
Понѣкошорыхъ дняхъ, въ смиреніи глубокоу,
Сидишь мой голубокъ на деревѣ високомъ.

Охошникъ изъ ружья прицѣляся въ него
Готоуишся ему смершельную дашь муку.
Явилась вдругъ пчела и жалоу тыиъ его
Въ хошащую уже куроу спускаши руку!

Ружье хоша и пафъ!

Однако голубокъ ты живъ и здравъ.

П О В Ъ С Т Ъ

о трехъ добрыхъ мужахъ.

1. Волшебадъ.

Противъ мыса Добрау Надежды лежалъ
на якорѣ корабль, кошорому надлежало ид-
ти въ Ватавию.

Ч а с ь I.

23

Онъ ожидалъ благополучнаго вѣтра, но вдругъ поднялась сильная буря.

Она продолжалась двои сушки: волны возносили корабль высоко въ воздухъ, а потомъ свергался онъ въ глубокія бездны.

Напослѣдокъ поломались у него мачшы, порвались якорные канашы, и бросило его на мѣль, гдѣ по нѣсколькихъ ударахъ онъ разсѣлся.

Жители лежащей на берегу деревни видѣли сіе.

Они охотно желали бывшимъ на кораблѣ несчастнымъ людямъ сдѣлать вспоможеніе, но не имѣли судовъ. Между ими находился одинъ семидесятилѣтній спарикъ по имени Волшемадъ.

Сей, не говоря ни слова, бѣжитъ немедленно въ свой домъ, садится на лошадь, скачетъ назадъ къ берегу и кричитъ предстоящимъ: люди спасемъ людей!

Сказавъ сіе кидается съ лошадью въ пѣнящееся море, плыветъ посреди свирѣбныхъ волнъ на корабль, отстоящій отъ берега на триста шаговъ, и принеши къ несчастнымъ помощь и отпращу шакъ вопіеть имъ:

„Двое изъ васъ скочивъ схватишесь за гриву моей лошади! Богъ поможетъ намъ переплыть; потомъ возвращусь я опять за другими.“

Въ одно мгновеніе ока двое изъ сихъ

людей схватились за гриву лошади его, и спарикъ съ ними поплылъ.

Едва успѣлъ онъ благополучно привезть ихъ на берегъ, какъ вшорично пускается въ свирѣное море, паки къ опасному плаванію своему приглашаетъ съ корабля двухъ товарищей, привозитъ ихъ также на берегъ, и такимъ образомъ продолжая спасаетъ чешырнатца чловѣкъ.

Родственники его и друзья со слезами въ очахъ заклиniają его, и сами избавленные имъ почши уже просятъ, чшобъ онъ въ новую опасность не вдавался.

Но щещны всѣ прозьбы!

Волшемадъ не слышитъ и не видитъ ни чего кромѣ шѣхъ, которые находясь еще въ опасности; онъ вырывается изъ рукъ умоляющихъ его, плыветъ опять къ кораблю и вызываетъ опчаянныхъ по прежнему.

По несчастію не послушавъ словъ его бросается съ корабля еще третій чловѣкъ; съ разлѣту хватается онъ за узду ушомленной уже лошади, втягиаетъ голову сей бѣдной швари въ море, и утопляетъ самого себя, двухъ товарищей, а съ ними—ахъ! и великодушнаго Волшемада!

2. Бусардъ.

Не давно случилось, что одно купецкое суднишко долгое время носимо было крѣпкими вѣтрами по морю, такъ чшо находив-

шіеся на немъ несчастные люди не имѣли у себя больше ни сухарей ни воды.

Продолжающаяся буря, голодъ и безпрестанная работа въ такое привели ихъ изнеможеніе и опчаяніе, что они перестали управлять судномъ и предали себя на произволь судьбѣ.

Нѣсколько времени спустя прибило ихъ къ одному Французскому порту, кошорой окруженъ былъ подводными каменьями и мѣлями, весьма опасными для мореплавателей, а особливо никогда въ семъ мѣстѣ не бывавшихъ, и слѣдовательно не могущихъ знать, какова пуши надлежишь держашься, чшобъ пройши безбѣдстввенно въ присшанище.

Тогда наступилъ уже вечеръ, и темноша ночная присоединила страхъ свой къ ужасу свирѣпствующаго моря.

Бывшіе на семъ суднишѣ несчастные люди, увидя близко берегъ и городокъ, чашію обрадовались, чашію же испугались; ибо приближалась минута, опредѣляющая имъ либо спасеніе либо смерть.

Напослѣдокъ собравшись съ послѣдними силами спали они держашь прямо къ городу.

Бѣдные, они шого не вѣдали, чшо сей пушь ведетъ на каменья, гдѣ лютая смерть, челюсть свою разинувъ, уже ихъ ожидала.

Городскіе жишели хошя видѣли сіе суд-

нишко идущее на неизбежную гибель, но удерживаемые страхом угрожающей бури, не могли иного сдѣлать, какъ только сожалѣли о находящихся на немъ несчастныхъ людяхъ.

Вдругъ сыскиваешься между семи живыми одинъ великодушный мужъ, который собственную жизнь свою вознамѣрился подвергнуть опасности, чтобы спасти жизнь незнакомыхъ ему людей.

Бусардъ имя его: а состояніе и чинъ?— Не больше какъ убогой лоцманъ!

Сперва хотѣлъ было онъ взять большую шпрубу и напрягши всѣ силы голоса кричать судну, чтобы оно отъ сего опаснаго мѣста прочь поворошило; но далекое разстояніе и шумъ стнящаго моря дѣлали сіе намѣреніе его тщетнымъ.

И такъ, не видя иного способа, вырывается онъ изъ рукъ удерживающихъ его родственниковъ, садится на маленькую лодочку, и не взирая на великое волненіе пускается въ море.

Но едва успѣлъ онъ нѣсколько сажень отдалиться отъ берегу, какъ нашедшій внезапно страшный валъ лодку его опрокинулъ, и онъ поглощенъ былъ водою.

Однако къ великому щастію его слѣдовавшій позади столь же грозный валъ въ

одно мгновеніе она выбросилъ его паки на берегъ.

Сіе неудачное и опасное покушеніе ни мало не погасило въ немъ искръ жалости и челоуѣколюбія: устремивъ всѣ свои мысли къ спасенію несчастныхъ, и шолько того опасаясь, чѣмъ судно ихъ не разбилось о каменіе и чрезъ шо не сдѣлало помощь его поздною, ниже хотѣлъ онъ столько промѣшкати, чѣмъ переимѣнить мокрое плащье свое, но шопчасъ бросился искашь другую лодку, и сѣвъ въ нее пустился вшорично въ море.

Сидя на шоль маленькой лодочкѣ борешься съ вѣтромъ и волнами, упошребляешь все свое искусство къ защищенію себя отъ нападающей на него смерти, не столько собственной гибели своей спрашась, сколько помня шо, что въ его спасеніи заключается спасеніе и шѣхъ несчастныхъ.

Наконецъ приспалъ онъ благополучно къ сему въ шо самое время, когда оно отъ скрытыхъ подъ водою пагубныхъ камней уже не болѣе какъ на нѣсколько сажень находилось.

Кто можетъ изобразить радость сихъ бѣдныхъ мореплавателей, когда они сего мужа, какъ бы съ небесъ для избавленія ихъ низпосланнаго, увидѣли?

Кто можетъ описать благодарность

ихъ , когда они узнавъ о причинѣ опаснаго приѣзда его къ нимъ , изъ опчаянія пришли въ надежду?

Они хотѣли всѣ унасть къ его ногамъ , но Бусардъ говорилъ имъ: друзья мои! прежде спанемъ править судномъ ; я буду поворачивать имъ куда надобно , а вы между шѣмъ управляйтесь съ парусами , и когда войдемъ благополучно въ гавань , тогда предадимся нашей радости.

Онъ не удовольствовался шѣмъ , что спасъ ихъ жизнь и судно ввелъ въ гавань , но изнемогшихъ отъ многихъ трудовъ и голода позвалъ къ себѣ въ теплую избу , и шамъ къ насыщенію ихъ представилъ все , что имѣлъ у себя лучшаго , и что могъ достать у своихъ сосѣдей.

Тогда сей великодушной избавитель посреди спасенныхъ имъ людей , радостными слезами ему благодарность свою изъявляющихъ , вкушалъ небесное удовольствіе.

3. Безыменной.

Въ Италіи находишься городъ по имени Верона , а чрезъ него протекаетъ рѣка называемая Эчь. Сія Эчь въ прошлую зиму замерзла.

Внезапно сдѣлалась теплая погода , ледъ вдругъ распустился , и рѣка разлилась широко.

Несомыя бысприною льдины разорвали

мостъ съ обоихъ концовъ; одна средняя часть онаго нѣсколько еще держалась. На ней споялъ маленькой домикъ, въ которомъ жилъ паможенной приславъ со всею своею семьею.

Вопль сихъ несчастныхъ, молящихъ о помощи, привлекъ великую толпу зрителей; но изъ оныхъ не выискался ни одинъ, кошорой бы ошважился подашь имъ помощь.

Между тѣмъ сія оспальная часть моста опчасу больше разламывалась; и каждую минушу ожидали совершеннаго ея паденія.

Внезапно явился между толпою сожалѣющихъ зрителей одинъ Графъ, (Сполверини было его имя) кошорой держалъ въ верьху мѣшокъ съ деньгами, обѣщая опдашь оныхъ шому, кто спасетъ несчастнаго пристава и его семью.

Однакожъ ни кто не сыскался; ибо опасность жизни, въ какую надлежало вдашь-ся, казалась каждому велика и ужасна.

Напослѣдокъ продрался сивозъ толпу одинъ бѣдной земледѣлецъ, о кошоромъ ни-кто не думалъ, чшобъ онъ былъ шакъ великодушень.

Сей бросился въ лодку и спалъ грешни въ колебающемся уже оспашку моста, не смотря ни на силу льда ни на свирѣпство рѣки.

Объяшая смершнымъ спрахомъ семья

приспавова спустилась кое какъ въ его лодку; и онъ выплылъ съ ними благополучно.

Едва вышли они на берегъ, какъ опрыжокъ моста и съ маленькимъ ихъ домикомъ обрушился въ рѣку: воздухъ наполненъ былъ веселымъ восклицаніемъ зрителей.

Тогда подошелъ къ нему Графъ съ обѣщанною избавишелою наградой.... Но кто бы не удивился, увидя сего бѣднаго земледѣльца, ошсшупившаго назадъ и не хотѣвшаго принять мѣшка!

За деньги, говорилъ онъ, не ошважила бы я своей жизни. Вопъ несчастная семья, кошорая шеперь всего своего имѣнія лишилась: опдайше ей, что мнѣ назначено было.

Сказавъ сіи слова поворошился онъ и скрылся въ множествѣ народа.

Имя его между людьми не извѣстно; но оно вписано на небесахъ въ книгу вѣчности.

Н А У К И.

Любезные дѣшш! молодость и свойственная дѣшшамъ вашимъ склонность къ веселію и гульбѣ не позволяють вамъ иногда разсуждашь здраво о пользѣ ученія.

Часто забавы обманчивою пріятностію своею пакъ васъ къ себѣ привлекають, что вы шолько объ нихъ и думаете, не помышляя ни мало о нужныхъ упражненіяхъ и шрудахъ.

Но послушайте! видалиль вы когда весною розу подлѣ куста? прекрасная роза обращаетъ на себя ваши взоры, вы на нее любуетесь, и кустъ съ голыми прутьями своими кажется вамъ ничто предъ нею: вы рады выдернуть его изъ земли и бросить, лишь бы ничто не прогналъ нашу розу. Дѣвши, вы обманываетесь! чрезъ нѣсколько дней роза увянетъ и превратится въ непригодную завялую справку, а между тѣмъ кустъ раскинется, одѣнется зелеными листками, покроется бѣлыми цвѣточками и премножество будетъ на немъ висѣть сладкой малины.

Точно также обманетесь вы, ежели всю юность проведете въ однихъ забавахъ: чрезъ нѣсколько лѣтъ забавы ваши перестанутъ васъ утѣшать, и ежели вы въ юности своей пренебрегли чрезъ полезныя упражненія и труды обогатить умъ свой знаніями, возвышающими душу, приносящими честь и славу, то роза ваша исчезнетъ, а малины вамъ не выдасть.

И такъ будьте благоразумны, любезные дѣвши, веселились, играйте, но посреди игры и забавъ своихъ помните о наукахъ, которыя нѣкогда принесутъ вамъ великое утѣшеніе. Послушайте что говоритъ о нихъ сладкорѣчивый нашъ писатель Ломоносовъ:

Науки юношей питають,
 Оспраду старымъ подають,
 Въ щасливой жизни украшаютъ,
 Въ несчастной случай берегутъ;
 Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
 Въ дальнихъ странствахъ непомѣха,
 Науки пользуютъ вездѣ:
 Среди народовъ и въ пустынь,
 Въ градскомъ шумѣ и на единѣ,
 Въ покой сладки и въ трудѣ.

НЕВИННОСТЬ.

Васишка чисталъ отцу своему книжку; и между прочимъ попалось ему слово *невинность*, при которомъ онъ остановился и сказалъ: не знаю для чего, батюшка, только я ошибно это слово люблю, и хотя кажется довольно его понимаю, однакожь можешь быть заключаешь оно въ себѣ нѣчто больше нежели я себѣ представляю, и для того желалъ бы я знать точное его знаменованіе.

Я очень радъ, мой другъ, отвѣчалъ отецъ, что слово это тебѣ нравится; оно дѣйствительно изображаетъ многія добродѣтели: невинность значить незлобіе, тихость нрава, добросердечіе. Но чтобы лучше дать тебѣ почувствовать разумъ и силу этого

слова, шо я подарю тебѣ спички: возьми! на прочитай ихъ. Спички сіи были сабдующаго содержанія:

Невинность зависши не знаетъ,
Охотно хвалишь, но не льстишь;
Невинность въ спорѣ уступаетъ,
Обидѣ не дѣлаетъ, не мстишь,
Довольна завсегда собою,
Не плашишь за вражду враждою,
Не трубишь въявь себѣ похвалъ;
Невинность совѣсти послушна,
Трудолюбива, добродушна:
Прещасливъ ею старъ и малъ.

Б О Г Ъ.

Безначальный, присносущный, безконечный, благій, праведный, всемогущій, Богъ и Господь нашъ естъ: люди молишесь ему! сотворшаго небо и землю силы небесныя пойте! первобытному, несозданному, единому, имъ же вся бысть, источнику милосердія, глубинѣ премудрости, жизни и свѣта подателю—шому, швари поклоняйшесь! шь, его великій, пространный, прекрасный, преславный, міръ, со всѣми швоими огненными шарами—себя не было! онъ повелѣлъ: и ты спалъ!—духомъ устъ его соз-

данный спалъ бышь, и се нынѣ существуешь, великолѣпный, огромный, пышный, безпредѣльный!—швари, предъ создавшимъ его падише ницъ! сто тысячъ пламенныхъ небесныхъ шѣлъ, возсіявшія предъ нимъ, пекушъ каждое предписаннымъ ему пущемъ! сто тысячъ земныхъ шаровъ, волю его исполняющіе, шествуютъ вращаясь на своихъ осяхъ! сто тысячъ безплотныхъ ангеловъ и херувимовъ сходящъ въ кругъ его престола!—скудный разумъ нашъ не умѣетъ иначе его уподобить, какъ царю царей сѣдѣющему на престолѣ, но онъ не царь! не князь! онъ существо превыше всѣхъ существъ! онъ Богъ, вездѣсый, вся исполняй! престолъ его вселенная? подножіе ногъ его небеса!—швари, молишесь ему! Кто былъ свидѣтелемъ дѣла его? кому повелѣлъ онъ прийти и видѣть—видѣть, какъ онъ все сіе сотворилъ? Кто бездну премудрости его проникъ? кто знаетъ, како повинуется ему океанъ, повинуется шоліко, что изъ безчисленной глубины водъ его ни единая капля не смѣетъ выступить изъ предписаннаго ей предѣла? кто знаетъ, како ни къ чему не присоединенная и высоко въ горнемъ воздухѣ плавающая луна, ни упасъ, ни опъ пущи своего уклониться не дерзаетъ? Ахъ! ни кто, ни кто не можетъ того сказать, какъ онъ все сіе сдѣлалъ!—швари, поклоняйшесь ему!

ошь тебя, о ты малый шарикъ, съ котор-
го мы спо пысячъ миліоновъ шаровъ свѣ-
нящихся шамо видимъ, до тебя, о ты ве-
ликій солнечный шаръ, и ошь тебя до Си-
ріуса, въ миліонъ разъ еще и тебя больша-
го, хощя бѣдному червя земному единою
точкою почкою кажущагося! — ошь тебя о
ты малѣйшая мошна, до тебя, живая гора,
слонъ, и ошь всѣхъ васъ до того, который
есть существо всѣхъ существъ, Богъ! — о
колько степеней! о коликое неудобьизбѣ-
мое пространство! — а шамо, во всѣхъ сихъ
миліонахъ, шамо, во всемъ дышущемъ и не
дышущемъ перяется мой умъ! О единствен-
ный, всяческая всѣхъ, Богъ и Господь нашъ!
швари молишесь ему!

НЕЧАЯННОЕ СВИДАНІЕ.

Англинской купецъ, по прозванію Эдмундъ,
отправился въ Тунисъ.

Съ нимъ побѣхалъ одинъ юноша, лѣтъ
около чепырнашцати, котораго взялъ онъ
къ себѣ вмѣсто сына. Имя ему было Каръ,
а прозвище его не извѣстно.

Эпопъ юноша любилъ учиться.

Для того часто хаживалъ онъ вездѣ, и
осматривалъ все, что ему въ чужой землѣ
примѣчаніа достойнымъ казалось.

И какъ онъ умѣлъ уже рисовать, то ходилъ иногда за городъ, чѣмобъ снимать виды и положенія прекрасныхъ сторонъ.

Между тѣмъ усыновившій его купецъ надсматривалъ за всѣми его дѣлами.

Однажды, идучи сквозь пріятный лѣсокъ неподалеку отъ моря лежащій, увидѣлъ онъ спараго человѣка, сидящаго печально близъ источника.

Одежда его показывала, что онъ одинъ изъ сихъ несчастныхъ людей, кошорые въ семь мѣсѣвъ, подобно какъ и въ нѣмощныхъ другихъ, носятъ на себѣ имена невольниковъ и съ ними какъ съ безсловесными шварями поступающъ.

Подлѣ него лежалъ давно уже завялый вѣнокъ, кошорой онъ отъ времени до времени бралъ въ руки, печально на него смотрѣлъ и проливалъ слезы.

Любопытство и сожалѣніе понудили юнаго Англичанина къ нему приблизиться.

Онъ началъ дружелюбно съ нимъ разговаривать, сѣлъ подлѣ него, и спрашивалъ о причинѣ его печали.

Старикъ вздохнулъ, посмошрѣлъ на юнаго чужестранца гореспными очами и сказалъ:

Не принуждай меня, о юноша, рассказывать тебѣ о моихъ приключеніяхъ: есть ли ты жалосливъ и можешь сочувство-

вашъ мой несчастія, що я повѣспивованіємъ оныхъ возмущу швое спокойствіе.

Юноша, кошорого жалость и любопытство симъ паче умножились, пожалуй у него руку, и просилъ неопшпунно расказашъ ему о своихъ несчастіяхъ.

Старикъ началъ:

Знай же, добросердечный юноша, что сей холмъ подлѣ кошорого мы сидимъ, сокрываешъ въ себѣ шѣло одной изъ добродѣтельнѣйшихъ, изъ вѣриѣйшихъ женъ, кошорую нѣкогда я называлъ моею.

Она опшважилась ѣхашъ со мною за море, пощому что не могла безъ меня жить.

Жестшовая буря принесла насъ къ Африканскимъ берегамъ, гдѣ напали на насъ морскіе разбойники и взяли всѣхъ въ плѣнъ.

Богъ уменьшилъ наше несчастіе шѣмъ, что мы не были разлучены: ибо я съ добродѣтельною моею женою и купно съ груднымъ еще нашимъ младенцомъ, прода-ли были одному господину.

Возложили на насъ пляжкіе шруды, и часто безчеловѣчнымъ образомъ съ нами поступали.

Но мы судьбу свою сносили шерпѣливо: любовь въ спраданіяхъ нашихъ подавала намъ опраду и ушѣшеніе.

Такимъ образомъ жили мы два года, какъ вдругъ угодно спало Богу.....

Тутъ залился старикъ горькими слезами, и рѣчь его въ устахъ пресѣялась.

Что мнѣ тебѣ сказать, о юноша? продолжалъ онъ напоследокъ.

Ты видишь холмъ сей, и онъ тебѣ все рассказываетъ! въ немъ лежишь погребено все счастье и спокойствіе моей жизни!

Нѣчто у меня еще оставалось, которое печальную душу мою прилѣпляло къ свѣту.

То былъ дражайшій залогъ любви нашей, маленькой сынъ мой, отрада и утѣшеніе старости моей, котораго лишился я нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Когда бывало садился я подлѣ сего священнаго для меня холма, дабы пролишіемъ слезъ горестное сердце мое облегчить, тогда невинное сіе дитя лежало спокойно на моихъ колѣняхъ, и обнимая меня ручонками, просило чтобы я не плакалъ; тогда въ лицѣ его распознавалъ я черты дражайшей его матери, и прижимая его съ горячностью къ моей груди, думалъ въ немъ лобызая образъ возлюбленной моей супруги. О! тогда во умиленіи чувствъ моихъ, горестную сію и купно для меня сладчайшую минушу, не промѣнялъ бы я на обладаніе цѣлаго свѣта!

Однажды какъ я, по обыкновенію моему, въ такоежъ какъ теперь полуденное время, въ которое мнѣ позволяють нѣсколько отдохнуть.

дыхашъ, сидѣлъ здѣсь и горести моей предавался, любезной малюшка мой бѣгалъ и рвалъ цвѣшки, чѣлобъ сплести вѣнокъ, которой хотѣлось ему повѣсить надъ гробомъ своей машери.

Въ намѣреніи нарвать побольше цвѣшковъ, оставилъ онъ у меня вѣнокъ свой почпи уже готовый, и побѣжалъ къ берегу.

Внезапный крикъ, въ которомъ слышился мнѣ голосъ его, возбудилъ меня опъ задумчивости.

Я бросился потчасъ къ берегу, и — о Боже! увидѣлъ любезнаго сына моего въ рукахъ безчеловѣчныхъ разбойниковъ, ошвалившихъ уже опъ берега и распустившихъ парусы свои!

Тщешно призывалъ я на помощь небо и землю, Бога и челоуковъ; щешно прещущія руки мои проспиралъ къ немилосердымъ хищникамъ, прося ихъ, чѣлобъ они по крайней мѣрѣ взяли и меня съ собою!

Они были уже такъ далеко, что не могли слышашъ моего вопля: и сынъ мой, несчастный сынъ.....

Онъ здѣсь въ швоихъ объятіяхъ!—Вскричалъ молодой Англичанинъ, бросаясь въ безмѣрномъ восторгѣ къ шпарiku на шею.

Долгое время охвашъ руками пребыли они безмолвны, доколѣ наконецъ сильное

движеніе чувствъ изліяніемъ радостныхъ слезъ не укрошилось.

Родишельское сердце вскорѣ по всѣмъ признакамъ нашло и удостовѣрило щасливаго сшарина, что онъ не мечшою ослабленъ, но подлинно любезнаго сына своего паки обрѣщаюся въ обѣщанъ держишь.

Когда по укрощеніи первыхъ движеній могли они разговаривашъ, тогда расказалъ Карлъ, что онъ помнишь, какъ ходилъ за цѣвшами и какъ увезли его разбойники, но что въ продолженіе времени не могъ онъ упомнишь ни имени своего опца, ни шой земли, въ кошорой жилъ съ нимъ во время своего малолѣтства.

Разбойники привезли его тогда въ Америку и продали одному Гишпанцу.

А Гишпанецъ продалъ одному Англинскому купцу, кошорой вскорѣ полюбилъ его какъ сына, привезъ съ собою въ Англію, и будучи самъ бездѣтенъ, сдѣлалъ его наслѣдникомъ всего своего имѣнія.

И сей-то благодѣтель его вибсѣлъ съ нимъ, какъ мы уже видѣли, по нѣкошорымъ шорговымъ дѣламъ пріѣхалъ въ Тунисъ.

Сіе повѣствованіе часшо прерываемо было новыми обниманіями и новымъ изъясненіемъ сердечной радости и сына и опца.

Потомъ спѣшилъ обрадованный юноша

сыскашь своего благодѣтеля и увѣдомишь его о нечаянномъ своемъ щасіи.

Едва сшарикъ и Эдмундъ успѣли поздороваться, какъ взоры ихъ неподвижно другъ на друга устремились.

Скажи мнѣ, какъ швое прозваніе?—спросилъ купецъ.

Меня называютъ Эдмундъ, сказали сшарикъ, а себя?—

Меня — швоимъ щаспливымъ братомъ! вскричалъ младшій Эдмундъ, и бросился безгласенъ въ объятія удивленному сшарику.

Молодой Карлъ съ ошвершными ушами и успавленными на нихъ глазами сшоялъ, подобно окаменѣлому, не говоря ни слова.

Что каждый изъ нихъ въ сіи минушы чувствовалъ, шого ни какимъ перомъ описашь не можно.

Напослѣдокъ сшали разговаривать: и вышло, что младшій Эдмундъ брата своего считалъ мершвымъ, понеже съ самаго ошѣзда его изъ Англіи не было о немъ никакого слуха, и по шому оплакавъ его, взялъ онъ во владѣніе къ себѣ все его въ немаломъ количествѣ состоящее имѣніе.

Также рассказывалъ, что молодой Карлъ, когда онъ его купилъ, на природномъ своемъ языкѣ не умѣлъ ничего говорить; и для шого не шолько не могло ему пришши въ голову, чтобы шо былъ его племянникъ, но

что онъ не иначе считалъ его, какъ сыномъ какова нибудь Гишпанца.

Послѣ сего младшій Эдмундъ побѣжалъ поспѣшнѣе къ господину своего брата, и понесъ съ собою за него выкупъ.

„Ты свободенъ, любезнѣйшій братъ! „сказалъ онъ возвратившись; и завтра мы „пойдемъ въ Англію.“

Но къ крайнему сожалѣнію своему услышалъ, что братъ его твердо вознамѣрился оспашковъ жизни своей проводить на томъ мѣстѣ, гдѣ лежишь прахъ дражайшей его супруги.

Всѣ уговариванія были тщетны.

И такъ положено было на семь мѣстѣ поспроить маленькой домикъ.

Карлъ пожелалъ оспашкѣ съ опцомъ своимъ, чтобы соблюдалъ при старости покой его въ семь домикѣ.

Младшій Эдмундъ побѣжалъ въ Англію и распродавъ тамъ всѣ свои товары, возвратился назадъ, чтобы также быть при своемъ братѣ, пока жизнь его продолжится.

~~~~~

СОЛНЦЕ.

Ты зрѣлъ ли угра мракъ?
Багряну зрѣлъ ли зорю,
Какъ солнца красный всходъ

Она предвозвѣщала?
 Чшо сердце ощущало?
 Чшо мыслилъ ты тогда,
 Какъ зрѣлъ сего свѣтила
 Великолѣпный видъ?

Любовію и страхомъ,
 Зря Божье чудо въ немъ,
 Душа моя наполнись,
 Благослови Творца!
 Тамъ каждый лучъ сіяешь
 Его щедроты полнь:
 О люди! всеблагому
 Воспойте Богу пѣснь!

Всемощною десницею
 Онъ солнце сотворилъ,
 Онъ блещущимъ украсилъ
 Чело его вѣнцемъ,
 Онъ ризою лучезарной
 Одѣлъ его вокругъ,
 Отъ шой во всю вселенну
 Да сыплешь вѣчно свѣтъ!

Се мракомъ окруженно
 Являешься оно:
 Да наши не померкнутъ
 Отъ блеску очеса,
 Да зримъ колико пышно
 Течешь на высоту,

И все, что было шьюю,
Преобращаешь въ свѣтъ!

Творя Господню волю,
Что зришь окрестъ себя,
Во все то жизнь вливаешь
Доброшою луча.
Поспавленный на шверди
Вселенныя Творцемъ,
Во вѣкъ неиспощимый
Источникъ вѣчныхъ благъ!

Смошрише, коль высоко
Споишь вознесено!
Нпо смершный взявъ рукою
Повергъ его шуда?
Кшорый царь успавиль
Такой ему законъ,
Однимъ да непрешанѣ
Течешъ всегда пушемъ?

Чью волю исполняешь
Спросите у него!
Въ неизмѣримой безднѣ
Взмолшвуя грядешъ,
И славословишь Бога,
Егоже славы всѣ
Вселенныя предѣлы
Въ себѣ не умѣспяишь!

Когдажъ лице скрываешь
Ошъ насъ оно свое,

Багровый свѣтъ играешь
Тогда вокругъ его.
Въ величествѣ садишься,
Въ другой отходишь край;
Не зная вѣкъ покоя,
Дашь намъ всѣмъ покой.

ПТИЧКА И ПТИЦЕЛОВЪ.

Птицеловъ поймалъ птичку; птичка говорила ему: посмотри, какая я маленькая! на что я тебѣ гожусь?пусти меня опять въ лѣсъ; изъ благодарности я тебѣ скажу нѣсколько прекрасныхъ спичковъ.

Изрядно! сказалъ птицеловъ, посмотришь, какимъ спичкамъ можешь научишь меня чижики.

Птичка обрадовалась и сказала птицелову: вотъ мои спички:

„Разумной можешь заблуждаться,
„Равно какъ человѣкъ простой;
„Однако же спѣшишь хвастаться
„Онъ паки за разсудокъ свой,
„И шѣмъ себя во вѣкъ не спанешь
мучишь злобно,
„Чему событься не удобно.

Хороши спички! сказалъ птицеловъ, каждой робенокъ это знаешь.— Но добро! бытъ такъ, я тебя пущу.

Пшичка взлѣтѣвъ на вѣтку ближняго
дерева размышляла: посмотришь, человѣкъ
эпошь, копорой спшишки мой павъ унищо-
жаетъ, выдержишь ли надъ собою опышь!

О гаупинькой! сказала она пшицелову,
чижикиъ шебя обмануль! знай что внупри
меня есть' драгоцѣнный камень: двѣ бочки
золоша споишь онъ, а шы меня упустилъ!

Сказавъ сіе пшичка улѣтѣла, а пшице-
ловъ—впалъ въ превеликую печаль.

ШЕРСТОВОЙ АНДРЕЙ.

Андрей, веселый шерстобой,
Доволенъ будучи собой,
Съ великою всегда охотой,
Въ гульбѣ и за работою,
Хоть хлѣба чушь кусокъ имѣлъ,
Но цѣлый день все пѣсни пѣлъ.
Всякъ стройной звонкости дивился,
Съ какою гласъ его носился;
Мужъ говоришь женѣ своей:
Чу, слышишь ли поеть Андрей!
Съ нимъ рядомъ жилъ богачъ спѣсивый,
Изнѣженный, празднолюбивый,
Кой ночью пировать охотъ,
Изъ дня частенько дѣлалъ ночь.
Но долгимъ бдѣньемъ изнуренны,

Свои зѣнницы упомянемъ
 Едва онъ закрывашъ начнешъ,
 Какъ вдругъ Андрей нашъ запоешъ!
 Чоршъ побери швою рабошу,
 И залую горло драшъ охошу,
 О ты прокляшой шершобой!
 Ворчишъ богачъ сердяся мой.
 Коля сонъ какъ шолкъ бы продавался,
 Ошъ пѣсенъ ябъ не просыпался.
 Проходяшъ ушро и обѣдъ,
 Богачъ пѣвца къ себѣ зовешъ,
 И говоришъ: Андрей. веселый,
 Въ прудахъ проводишъ шы день цѣлый,
 Скажи, какой своимъ шы въ годъ
 Доспанешъ ремесломъ доходъ?
 На вашу рѣчь, сударь, я эшу
 Дашъ право не могу отвѣшу,
 Сказалъ Андрей; какъ можно намъ
 Шишашъ доходы по годамъ?
 А вошъ: чшо добылъ ввечеру,
 То съѣлъ севодня по ушру;
 И шакъ доходъ мой въ сущемъ дѣлѣ
 Семъ пообѣдашъ разъ въ недѣлѣ.—
 „Однакоже безъ всякой лжи
 По сколько, право, въ день? скажи.“—
 Въ васъ видно любопытство бродишъ.
 День на день, сударь, не приходишъ,
 А какъ случишся, шакъ и ешъ;
 Кусокъ мясца всегда мнѣ въ честь;
 Вошъ праздники меня съѣдаюшъ,

А особливо какъ бывають
 Дни по два или по три въ рядъ,
 Ну шумъ ужъ я и хлѣбцу радъ!
 Богачъ для своего покоя
 Узнавши то отъ шерстобоя,
 Что онъ хоти большой пѣвецъ,
 Но очень голый молодецъ,
 Пошелъ какъ будто для прогулки,
 И вынулъ изъ своей пшашулки
 Сомъ съ пашь серебряныхъ рублей,
 Принесъ и говоритъ: Андрей!
 Возми ты эшу денегъ груду,
 Но долженъ ты мнѣ слово дать,
 Во вѣки пѣсенъ не орашь,
 Доколь я жишъ на свѣтѣ буду.
 Пѣвецъ то слыша задрожалъ,
 Ему казалось то мечпою:
 Онъ сполько денегъ предъ собою
 Ниже во снѣ когда видалъ.
 Отъ радости въ немъ сердце шаепъ;
 Онъ съ деньгами мѣшокъ хващаетъ,
 Ошвѣся богачу поклонъ,
 Давъ кляшву соблюдать законъ,
 Что впредъ ужъ не шумко громко,
 Ушамъ богатаго грубя,
 Пѣшь пѣсни онъ, ниже шихонько
 Мурлычатъ будешь про себя.
 Съ мѣшкомъ веселый шерстобой
 Въ восторгѣ побѣжалъ домой;
 Прецаспливымъ себя считаешъ,

Не можешь щопу деньгамъ дашь,
 Все съ нова хочется счишашь;
 Мѣшокъ цалуешь, обнимаешь;
 Не можешь досышь наглядѣшься,
 Не вѣдаешь куда съ нимъ дѣться,
 Въ коробку прячешь, въ сундучокъ,
 Боишься чшо собьютъ замокъ,
 Несешь ихъ въ новые замворы,
 Но мнишь: и шамъ украдушь воры.
 Всю въ спрахѣ ночь безъ сна лежишь;
 Собака чущь пошевелишся,
 Иль кошка мимо пробѣжишь,
 Онъ вскочешъ и ему ужъ мнишся,
 Чшо нѣтъ сокровища его;
 Вдругъ вора бишь спѣшишь къ полѣну,
 Но часто бьешься лбомъ объ стѣну,
 Въ пошмахъ не видя ничего.
 Впослѣдокъ онъ примѣшилъ ясно,
 Чшо льсшиася щастіемъ напрасно,
 Чшо щастіе не въ барышахъ,
 Но въ крошкихъ царствуешь душахъ,
 Чшо выгоды его сущь плохи:
 Онъ пѣсни промѣнялъ на вздохи,
 И чшо лишася веселыхъ дней
 Онъ нынѣ скучный спалъ Андрей.
 Однакожь вскорѣ онъ очнулся.
 Въ немъ прежній духъ воспрепелуся,
 Бѣжишь проворно къ богачу
 И говоришь: нѣтъ, не хочу,
 Для всѣхъ сокровищей я болѣ,

Въ такой жестокой быть неволѣ,
 Чшобъ вмѣсто пѣшь и ухъ и ахъ,
 Стояшь у денегъ на часахъ!
 Не прочны ваши мнѣ совѣщы.
 Извольте взять свои монеты
 Обратно, баринъ, отъ меня;
 Боюсь я эпова огня;
 Онъ все спокойствіе снѣдаетъ;
 Желаньи вѣчны въ насъ рождаетъ.
 Пускай завидуешь вамъ всякъ,
 Я вашимъ щастьемъ не пѣняюсь,
 На вашу пышну жизнь никакъ
 Своею скудной не мѣняюсь,
 И быть хочу, любя покой,
 Андрей, веселый шерстобой.

Г Н Ъ В Ъ.

Тимоша былъ добрый мальчикъ; не проходило дня, чшобъ онъ чему не научился, или бы не поправилъ себя въ своихъ погрѣшностяхъ.

Отъ одного только порока долго не могъ онъ опшашъ, и чуть было не довелъ себя чрезъ шо до спрашнаго раскаянія.

А именно: онъ былъ очень вспыльчивъ, и шопчасъ осердился, коли кто изъ шоварищей нечаянно ему досадишь.

Начнешъ толкашся, весь покраснѣетъ,

насилу можешъ говоришь, и словомъ показавшись въ немъ всѣ знаки бѣснующагося и разумомъ своимъ не владѣющаго человѣка. Училиши сколько ни старались, не могли его воздержашъ ошъ сего порока.

Случилось однажды, что одинъ изъ его товарищей показывалъ ему нѣчто такое, что онъ самъ у своего учителя перенялъ.

Тимошино любопытство такъ было велико, что онъ все свое вниманіе обращилъ на то, чтобы слушать.

Къ несчастію прибѣжалъ маленькой Федюша и дернулъ его раза два за полу, зовя играть съ собою въ садъ.

Тимоша вдругъ осердился, толкнулъ его ошъ себя, и такъ крѣпко, что бѣдной Фединька не успоаялъ на ногахъ и преснулся головою о камень.

Онъ растянулся шупъ на мѣстѣ безъ чувствъ—И какъ у камня былъ острый уголь, о которой онъ ударился, то кровь изъ головы у него пошла ручьями.

О Боже! какая минуша для несчастнаго Тимоши, которой любилъ Фединьку и ошнюдь не былъ въ намѣреніи сдѣлать ему какое либо зло!

Онъ упалъ на него и кричалъ громко:—ахъ умеръ! умеръ!—и убилъ Фединьку!—и вмѣсто чтобы помышлять о способѣ помочь ему, онъ лежалъ подлѣ него и рыдалъ.

По щастію одинъ изъ учителей сидя подлѣ окошка слышалъ эшощъ крикъ.

Онъ пошчасъ выбѣжалъ, взявъ не говоря ни слова маленькаго Федюшу, опнесъ его на постелю, и прыснувъ на него холодною водою, привелъ его чрезъ нѣсколько минушъ въ чувство.

Тимошу нѣсколько сіе ушѣшило, однакожь онъ былъ въ чрезвычайномъ страхѣ о его жизни.

Рану освидѣтельствовали и нашли, что она была не смертельна.

Позвали лѣкаря, которой ее перевязалъ. Къ Федюшѣ пристала горячка: онъ началъ бредишь.

Тимоша день и ночь безоплачно сидѣлъ у его постѣли, какъ на смерть осужденный, безмолвенъ и въ крайнемъ уныніи. Никто не говорилъ съ нимъ ни слова! ибо никто ушѣшишь его не могъ, а упрекашь ему въ семъ случаѣ было бы жестокосердо.

Лишь Фединька часто ему въ бреду кричалъ: — „Любезной Тимоша! — что я тебѣ сдѣлалъ, что ты меня такъ больно убилъ? — „Виновать! виновать! впредь я себя ни „чѣмъ не огорчу!“

Сіи слова до того умножили Тимошину горесть, что онъ былъ въ жалчайшемъ состояніи нежели самъ больной.

Напоследокъ далъ Богъ, что горячка

прошла, рана спала заживать, и чрезъ нѣсколько дней Оедюша могъ уже сидѣть и поспелѣ.

Кто можешь изобразить радость Тимошину? Тотъ развѣ, кто бы могъ чувствовать страхъ его во время опасности Оединой.

Радость его была несказанна, однакожъ смѣшена съ такимъ раскаяніемъ и съ такимъ твердымъ намѣреніемъ впредь отъ сего порока воздержаться, что она была въ немъ почти не примѣшна.

Когда Оединька совершенно выздорѣвалъ, тогда Тимоша спалъ по прежнему весель; онъ сдержалъ данное себѣ слово, и ужъ поварищи его никогда не имѣли причины жаловаться на его вспыльчивость.

Онъ былъ щастливъ, что заплащивъ въ семь случаѣ недорого за избавленіе себя отъ столь опаснаго порока: ибо у Оединьки рана зажила, и только остался маленькой рубчикъ на вискѣ, котораго Тимоша не могъ никогда безъ жалости видѣть, и часто цаловалъ его, благодаря провидѣніе.

Выжь, любезные дѣти, естли кто изъ васъ подверженъ пороку гнѣва, подумайте, не лучше ли заблаговременно себя исправить, чѣмъ приключить самому себѣ или другому смертную опасность?

~~~~~

УТРЕННЯЯ ПѢСНЯ.

Брашцы вставайше! день разсвѣщаетъ,
 Солнце высоко входить на верьхъ;
 Нѣгу оставыше; блескомъ пріятнымъ
 Свѣшлый насъ будить солнечный лучъ.

Пышно, прекрасно, тамъ надъ зеленымъ
 Рдѣясь сіяетъ лугомъ оно.
 Пушь проспирая свѣтитъ полъ свѣту,
 Сладкой полъ свѣша шѣнью хладить.

Свѣтъ и веселье сыплеть на землю,
 Сонъ прерывая жизнью дарить,
 Знойными поле грѣя лучами
 Плодъ производить красенъ и зрѣлъ

Се, добродѣтель, образъ швой шочный!
 Ешты и скроетъ облакъ его,
 Мрачныя шучи сквозъ проица
 Къ намъ низсылаетъ щедрость свою.

Божья премудрость съ шѣмъ сотворила
 Солнце и мѣсяцъ, землю и швердъ,
 Воздухъ и воды, насъ человѣковъ,
 Всяко дыханье, всякую шварь,

Кждо да будешь крайнею силой
 Свѣшу полезно въ званьи своемъ.
 Мышь человѣки Богу подобны,
 Намъ ли пристойно свѣшъ шягошитъ?

Ч а с ш ъ I.

25

Правда, мы малы, ахъ, неспособны
 Дѣлать большія въ мірѣ дѣла!
 Даромъ! мы можемъ многимъ ученіемъ
 Умъ пригошовишь въ важнымъ дѣламъ.

Эй посмотрише! солнце высоко:
 Вся веселился здѣшня спрана,
 Часъ возвращенья всякъ поздравляя
 Гласомъ усерднымъ славить Творца.

Братцы вставайше! пѣснь благодарну
 Вышнему Богу мы принесемъ;
 Въ общемъ весельѣ слышенъ да будетъ
 Также и дѣшскій нѣжный нашъ гласъ.

САМОЕ ТЯЖЕЛОЕ И САМОЕ ЛЕГКОЕ.

Изъ семи разумныхъ Греческихъ мужей,
 которыхъ семью мудрецами называютъ,
 одинъ именовался Фалесъ. Сего нѣкогда спро-
 сили: что всего тяжелѣе, и что всего легче?

Всего тяжелѣе, отвѣчалъ онъ, знашь
 самого себя и свои пороки: всего легче знашь
 пороки другихъ людей.

Тотъ же Фалесъ поклонился однажды
 встрѣтившемуся съ нимъ челоѣку весьма
 учтиво, но челоѣкъ эготъ не опкланялся
 ему и прошелъ гордо мимо его.

Пріѣхали Фалесовы думали, что онъ за

это осердился, и что ему, какъ мужу зна-
менишному, должно бытъ обидно, для чего
пошъ ему не опхланился.

Но Фалесъ говорилъ имъ: развѣ это мнѣ
обидно, что я его учивѣе?

Е З О П Ъ.

Прохожій усмотря Езопъ на пуши,
Спросилъ: какъ скоро я могу дойти
Ошсесть до перваго ночлега?

Поди: сказалъ Езопъ. —

Прохожій повторилъ я знаю самъ конечно,
Что ешлы не пойду, шакъ тамъ не буду
вѣчно;

Но ты мнѣ объяви, во сколько я часовъ....

Такъ инъ поди! сказалъ оцашъ Езопъ.

Прохожій про себя ворчишь и разсуждаешь:

Я толку ошъ него какъ видно не добыюсь,

Ошъ сумасшедшаго скорѣ опвяжусь;

Зачѣмъ правительствованиякихъ незапираешь?

И больше не спросивъ Езопъ ни о чемъ,

Поворошяся онъ пошелъ своимъ пушемъ.

Гей! гей! вскричалъ Езопъ, чрезъ два часа
иль менѣ.

Ты будешь тамъ, повѣрь;

Прохожій удивясь такой въ немъ перемѣнѣ,

А почемужъ, спросилъ, ты знаешь по те-
перь?

*

Я зналъ, сказалъ Езопъ, далеколь до нечести.
 Но скоро ль ты придеши, шого узнать не
 могъ,

Не видя бѣга
 Твоихъ я ногъ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ.

Ученики Сократа приносили иногда къ нему подарки, каждый по своей возможности. Одинъ только Эсхинъ былъ изъ нихъ такъ бѣденъ, что ничего ему принести не могъ.

Я ничего такого не имѣю, говорилъ онъ Сократу, чѣмъ бы я тебя подарить могъ, и для шого только и сожалѣю о моей бѣдности. Однакожъ я все тебѣ даю, что имѣю—самого себя. Не отвергай сего малаго подарка, и помни, что другіе хотя много тебѣ дали, но еще больше у себя оставили.

Сократъ отвѣтствовалъ:

Ты не малой мнѣ даешь подарокъ, Эсхинъ, хотя не спавишь себя за велико. Я всѣ силы упошреблю возвратишь тебя самому тебѣ назадъ гораздо въ лучшемъ состояніи, нежели въ какомъ тебя получаю.

ЛИСИЦА И ОСЕЛЬ.

Ослу лисица говоришь:

Признайся надлежишь,

Что конь прекрасная скопина:

Какой предлинной хвостъ!

Какія ноги, грива, посступь, мина!

Какой высокой ростъ!

Смотри, какъ эштошь важно выступашъ!

Какъ грозень и спѣсивъ!

А пошь, что на лугу играешъ,

Какъ рѣзовъ и красивъ!

Давно позорища не зрѣла я шакова.—

Куда же ты осель? посмотришь на часокъ,

„Чего смотрѣшь пушова:

„Я масперъ прыгашь самъ,

„И лучшему коню не уступлю ни
мало.—

Ты прыгашь, ты? шакова чуда не бывало.—

„Такъ вѣрь же ты своимъ глазамъ.—

По сихъ словахъ пошла пошѣха:

Осель спалъ бодро выступашъ,

И прыгашь и скакашь:

Лисица чушь не умерла ошь смѣха.

къ увядшей розѣ.

Не давно, нѣжна роза, ты

Гордилась въ пышности собою;

Теперь лишена красоты
Стоишь блѣдна передо мною.

Тебѣ подобна буду я,
Мнѣ часто башюшка вѣщаетъ,
Минется молодость моя,
Котора нынѣ всѣхъ прельщаетъ.

Коль правилами дѣлъ благихъ
Душа не будешь украшенна,
Лишася прелестей своихъ
Я буду такъ какъ ты презрѣнна.

СТРАННАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ.

Нѣкто богатый и знашый Кишаецъ гордился шѣмъ, что носилъ на себѣ плащъ, усаженное драгоценными камнями. Спарый и худо одѣшый Бонза (такъ называють духовныхъ людей въ Кишаѣ) ходилъ за нимъ по всѣмъ улицамъ и кланялся низко благодарилъ его неоднократно за бриліанты.

Другъ мой, сказалъ однажды богатой, не знаю, за что ты меня благодаришь, я ни когда тебѣ бриліантовъ моихъ не давалъ.

Это правда, ошвѣщивалъ Бонза; но вы всегда подаете мнѣ случай ихъ видѣть а другаго изъ нихъ употребленія и сами вы

сдѣлать не можете. И пакъ нѣтъ между
нами иной разности, кромѣ что вы имѣете
трудъ носишь ихъ и беречь а я никакова о
нихъ попеченія не имѣя, сполькую какъ вы
ими наслаждаюсь.

РОСА НА РОЗОВОМЪ ЛИСТКѢ.

Взгляни на эшу перлу ,
Какъ въ солнечныхъ лучахъ
Она блискаетъ свѣтло
На розовомъ листкѣ !

Вчера во время грому
Я видѣлъ сей цвѣтокъ;
Въ него ревѣла буря
И сильной дождикъ лиль :

Казалось разлешаясь
Всѣ врознь его листки ;
Но буря миновала ,
Умолкъ и вѣтръ и громъ.

Се въ солнечномъ сіяньи
Румянецъ умножая ,
По прежнему гордится
Листочками она.

Невинности есть образъ
Сей розовой цвѣтокъ.

Не рѣдко въ жизни бури
Намъ пагубой грозятъ.

Въ бѣдахъ не будь опчаянъ,
И въ щастьи не вносьсися:
Ихъ случаи приносятъ
И случаи берутъ.

Но добродѣтель твердо
Храни всегда въ груди;
Она узда во щастьи
Она въ несчастьи щитъ.

ДѢЯНІЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ.

Весьма ошибаюся, ежели думаютъ, что одни знашныя люди удобны дѣлать и мыслить благо. Часто въ покрышѣ соломою хижинѣ больше скрывается добродѣтели, нежели въ огромныхъ палахахъ! послушайте, что недавно сдѣлалъ одинъ мужичокъ, живущій въ окружности города Цюриха.

Онъ трудами своими и бережливостію собралъ себѣ небольшое имѣніе. Предъ недавнимъ временемъ почувствовавъ слабость здоровья захошѣлъ онъ распорядить свои вещи.

Такимъ образомъ ройсь нѣкогда въ старыхъ бумагахъ нашелъ онъ давно уже заплаченной щотъ одного плотника, кошторой

ему изъ своего лѣсу строилъ домъ и со всѣми нужными къ тому приспособками.

При первомъ взглядѣ показалось ему, что сумма подведенная въ семь щетѣ мала въ разсужденіи верхнихъ числъ; и шакъ начавши повѣряшь нашель онъ, что плошникъ ошибся въ сложеніи, и взялъ съ него пѣшьюдесятью шалерами меньше, нежелибъ надлежало.

„Ахъ, Боже мой! говорилъ онъ самъ себѣ, какую ошибку одѣлалъ эшошъ доброй человѣкъ! Какъ миѣ жалъ, что я по незнанію моему шакъ много ему не доплащилъ, и сію ошибку шеперь лишъ, спустя прищашъ лѣшъ послѣ его смерти, примѣчаю!

Однокожъ я могу ее поправиль: послѣ него живущъ дѣши и внучаша, имъ деньги сіи должны бытъ отданы.“

Сказалъ и сдѣлалъ. Не могши самъ выходить изъ дому просилъ онъ одного изъ своихъ пріятелей, чтобъ шомъ сіе число денегъ доставилъ плошниковымъ наслѣдникамъ. Сей самый пріятель его насъ о семъ увѣдомилъ: а честной эшошъ мужичокъ самъ ни кому о шомъ не сказываешъ.

Дѣши! разсуждая по надлежащему, дѣло сіе можешъ назватъся просто *справедливостію*, а не *благодѣяніемъ* и не *великодушіемъ*. Но естли бы всякой человѣкъ былъ

шолько шакъ справедливъ , какъ бы хорошо
было жить въ обществѣ съ людьми!

П Ы С Н Я

юнаго мореплавателя по утишеніи бури.

Море гладко и сіяетъ
Фебовъ ясный лучъ въ сей часъ,
Рыба рѣзвая играетъ
Цѣлымъ шпадомъ вокругъ насъ.

Всѣ спокойны, всѣ смѣются;
Весело, какъ дома, намъ,
И далеко раздаются
Наши пѣсни по водамъ.

Буря спрашная ревѣла,
Нѣсколько тому часовъ;
Бездна поглотила хопѣла
Насъ шрепещущихъ пловцовъ.

Вѣшерь выль, спонало море,
Всюду шьма была и мранъ,
Душу всю снѣдало горе,
Молнія слѣпила зракъ.

Разсыпаяся надъ нами
Ударялъ сердито громъ:

На колѣни со слезами
Всѣ мы пали предъ Творцомъ.

Наши прозбы досягають
До жилищъ, гдѣ вѣчный день:
Вѣшрь и буря умолкають,
Исчезаетъ ночь и шѣнь.

Милость Божья несказанна:
Звѣздъ число не мѣра ей,
Ни же неба швердь пространна;
Ни же глубина морей.

Радуйся корабль спремяся,
Воду на двое дѣля:
Скоро съ мачшы веселяся
Закричишь машрозъ: земля!

СМЪШНОЙ ЛОВЪ ОБЕЗЬЯНЪ.

При рѣкѣ Оrenoкo въ Америкѣ употребляютъ странной способъ ловить обезьянъ. Вотъ описаніе онаго:

Обезьяны находятъ нѣкопорою особливой вкусъ въ Индѣйскомъ пшенѣ, называемомъ маисъ.

Положатъ сего пшена нѣсколько въ сосудъ, къ которому придѣлана узкая шрубочка, такъ чшобъ обезьяна могла шольно про-

сунушь лапу. Сосудъ эштоъ спавяшь подь дерево, на кошоромъ увидяшь сидящую обезьяну, и пойдушь ошшуда прочь.

Обезьяна какъ скоро сіе примѣнишь, шотчасъ сойдешь съ дерева, просунешь лапу сивозъ шрубочку, и захватишь цѣлую горсть пшена въ сосудѣ.

Послѣ сего она выдернушь уже не можешь, а пшена не хочешь выпустишь чего бы ей шо ни стоило.

Такимъ образомъ начинаешь изъ всей силы кричать, словно какъ бы она была въ превеликой бѣдѣ, хошя совершенно въ ея волю состоишь освободиться.

Жадность ея шакъ велика, что она лучше умреть, нежели выпустишь изъ лапы пшено.

Охотники увѣряють, что имъ не случилось еще ни одной такой обезьяны видѣть, кошорая бы выбросила пшеницу изъ лапы и ушла.

Сія чудная глупость обезьянъ подала причину къ выдумкѣ слѣдующаго разговора:

ОБЕЗЬЯНА И НЕВОЛЬНИКЪ.

Невольникъ.

Меня дожидаетсяъ? о безумная!

Обезьяна.

Чего щы хочешь?

Невольникъ

Хочу тебя убишь.

Обезьяна.

Меня убишь? за горсточку пшеницы? и! бращь человекъ, какой ты скупецъ!

Невольникъ.

Я не для себя это дѣлаю, исполняю волю господина моего.

Обезьяна.

По этому господинъ твой самой лютой звѣрь, а ты невольникъ его, самая подлая шварь.

Невольникъ.

Вотъ я тебѣ дамъ лаяться!—

Обезьяна.

Увы! что дѣлалъ? мое несчастіе велишь мнѣ умереть. Но ты признайся по крайней мѣрѣ, что спѣшно быть невольникомъ, и исполнять по принужденію волю другого; я хотя обезьяна, однакожъ я свободна.

Невольникъ.

Добро ужъ, будь такъ: на это ты разъ я тебя пощажу. Спупай убирайся куда хочешь.

Обезьяна.

Ахъ! ты видишь, что я этого сдѣлать не могу.

Невольникъ.

Розожми лапу!

Обезьяна.

Не лъзя:, пшеница высыпались!

Невольникъ.

О! шакъ и между звѣрами есть невольники! надо мною господствуетъ бѣлой челоуѣкъ, а надъ побою горсточка пшена. Умри невольница! я долженъ волю господина своего исполнять шакже, какъ ты своего исполняешь.

НАГРАЖДЕННОЕ СОСТРАДАНІЕ.

Маленькая Аннушка была очень жалостлива и сострадашерна къ людямъ и снотамъ. Лишь увидишь несчастнаго, то и спѣшишь ему помочь, чѣмъ только можешь.

Однажды ѣхала она домой, и подѣзжая къ мосту, увидѣла множество ребятишекъ, которые навязавъ бѣдной собакѣ пѣшку на шею, тащили ее ушопить въ рѣкѣ. Собака апа вся была въ грязи и собою очень дурна.

Постой! закричала Аннушка кучеру, и кучерь оспановился.

Тутъ она спросила у ребятишекъ, не хопятъ ли они продать собаку?—Пожалуй купи отвѣчали они. Она дала имъ серебряной рубль, велѣла собаку вымышь и посадила ее съ собой въ коляску.

Нянюшки ея находили, что собака очень дурна, и совѣщивали ей выбросить ее назадъ, однако Аннушка сказала имъ: я не смошрю на то, худа ли она, хорошали; она бѣднѣйшая въ жалкомъ состояніи, и это побуждаешь меня взять ее подъ мое попеченіе. Я помню, гдѣ то въ Священномъ Писаніи сказано: *блаженъ иже и скоты милуетъ*.

Дома всѣ смѣялись надъ ея постельною собачкою, называя шакъ ее въ насмѣшку; но Аннушка на то не смошрѣла. Она всякой день сама ее кормила, и собака шакъ привыкла къ ней, что ни на минушу не отходила отъ нее прочь.

Однажды когда Аннушка въ вечеру легла спать, и заснула уже, собака вскочила вдругъ на постелю къ ней, схватила ее зубами за рукавъ, прѣсла головою и выла шакъ громко, что Аннушка проснулась. Она испугалась, и какъ собака не переставала ворчать и лаять, и все смошрѣла подъ кровать, то напослѣдокъ она принуждена была встать и кликнуть людей.

Люди прибѣжали и нашли подъ кроватью—ново бы вы думали?—вора, кошорой повинидся, что онъ хотѣлъ Аннушку убить и обокрасить.

И такъ, спасеніемъ своимъ обязана была
она соспрананію, какое имѣла нѣкогда къ
бѣдной собакѣ.

УГОРЬ И ЗМѢЯ.

Главу имѣя гордо вознесенну,
Вѣщала угрю такъ змѣя:
Взглянико угрь, не чудналь красота моя?
Видалъ ли кожу ты шоліко изпещренну?
Твоя хошя гладка,
Однако ошъ моей гораздо далека,
Моя прекрасна и гладка,
Сосѣдка, отвѣчала ей угрь, конечно
Прекрасна ты, я худъ и не пригожъ;
Да ошъ чегожъ,
Позволь спросить шебя чистшосердечно,
Всѣмъ сносенъ образъ мой,
А ты съ швоею красотой
Страшише всякаго урода,
Гнушается шобой природа,
Ипештрую швою кшо лишъ увидишь кожу,
Во всю шощъ мочь?
Бѣжитъ скорѣ прочъ,
Ошворошивши рожу?
То правда, говоритъ змѣя,
Но для чего бѣгушъ, сама не знаю я;
А угорь ей: загадочку шакую,

Коль кочешь, я шебѣ, сосѣдка, разшолкую:
 Прекрасна ты на взглядъ,
 Да въ сердцѣ у тебя и жолчь и ядъ.

~~~~~  
 Б у р я.
 ~~~~~

Съ какою люшостью, чело свое нахмуря,
 На крилахъ пламенныхъ несется грозна буря!
 Предъ нею спрахъ лешихъ, и дымъ и пыль
 сшолпомъ;

Въ ея ушробѣ вихрь и молнія и громъ.
 Что встрѣшишь на пуши, все ломишь, низ-
 вергаешь:

Се кедръ высокій ей прошивустанъ дерзаетъ;
 Но крѣпкій силами, стоящій много лѣтъ,
 Испорженъ изъ земли со препешомъ падешъ.
 Воззри на глубину, какъ шамъ смяшенья
 полны,

Тѣснятся, мечущся, другъ друга давятъ
 волны,

Уподобляясь то безднѣ то горамъ,
 Изъ пропасти корабль кидаютъ къ облакамъ.
 Се свѣтлый день она въ ночь шемну пре-
 вращаетъ,

Жизнь изливающій лучъ солнца погашаетъ,
 И мглою черною покрывъ небесный сводъ,
 Съ багровыхъ крилъ своихъ спрясаетъ мо-
 ре водъ,

Ч а с ь I.

Текущихъ попопишь въ садахъ цвѣтущихъ
крины ,

Разрушишь хижины, опустошишь долины,
Изъ пшарей дышущихъ испоргнишь робкій
духъ:

Се плавають уже и стадо и пасухъ !
Убийца любая! доколѣ будешь злишься ?
Ахъ! вскорѣ вся земля въ пустыню превра-
нишся.

Внидь въ сожалѣнiе, отвергни злосшь свою,
Дай солнечнымъ лучамъ проникнуть ночь сію,
Мы погибаемъ всѣ.—Но кто сей бурѣ шемной
Изъищи повелѣль изъ храмины подземной?
Кто тяжкія ея оковы разрѣшилъ?

Царь неба и земли, властитель горнихъ силъ.
Тебѣ ль, живущему среди надежды , страха,
Тебѣ ли, о червь! имъ созданный изъ праха,
Тебѣ ли, человѣкъ, дѣла его судить ?
Твой долгъ есмь ницъ лежать, свящую волю

чинить ,

И зря на чудное подсолнечной спроенье,
Премудрость познавать и почерпавъ сми-
ренъе ;

Твой разумъ данъ тебѣ отъ щедрого Творца
На то, чѣмъ ты въ немъ зрѣлъ, и Бога ищца.
Во славѣ спрашенъ онъ: перунъ въ его дес-
ницѣ !

Но съ крошестью сѣдая въ сѣбѣшлой ба-
грянницѣ ,

Отъ преисполненныхъ любви его очей

и и зефиръ и молніи и грады,
ребляешь онъ для общей всѣхъ оспради
дъ нашъ праведенъ: спрашишься на
чего?